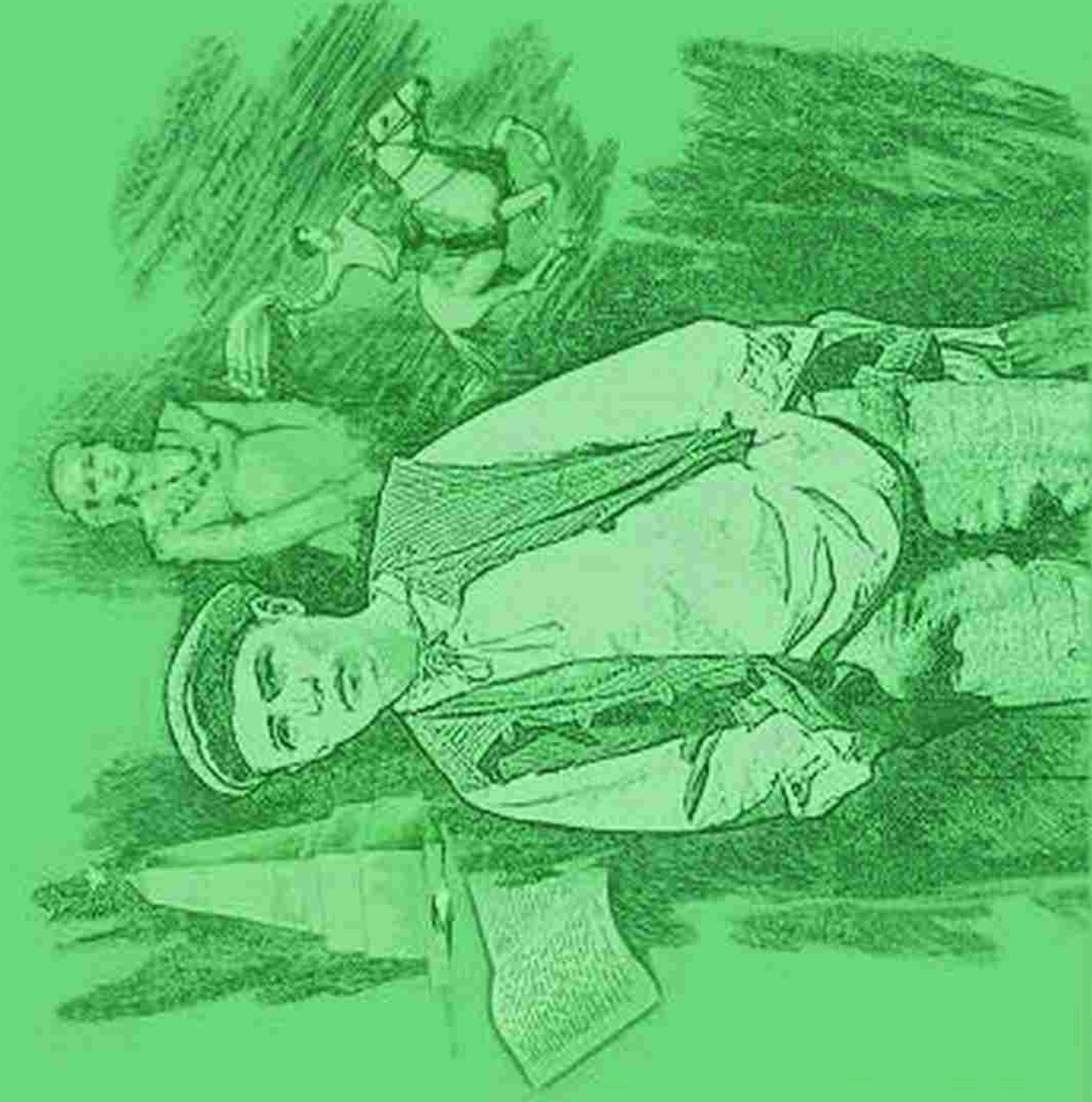
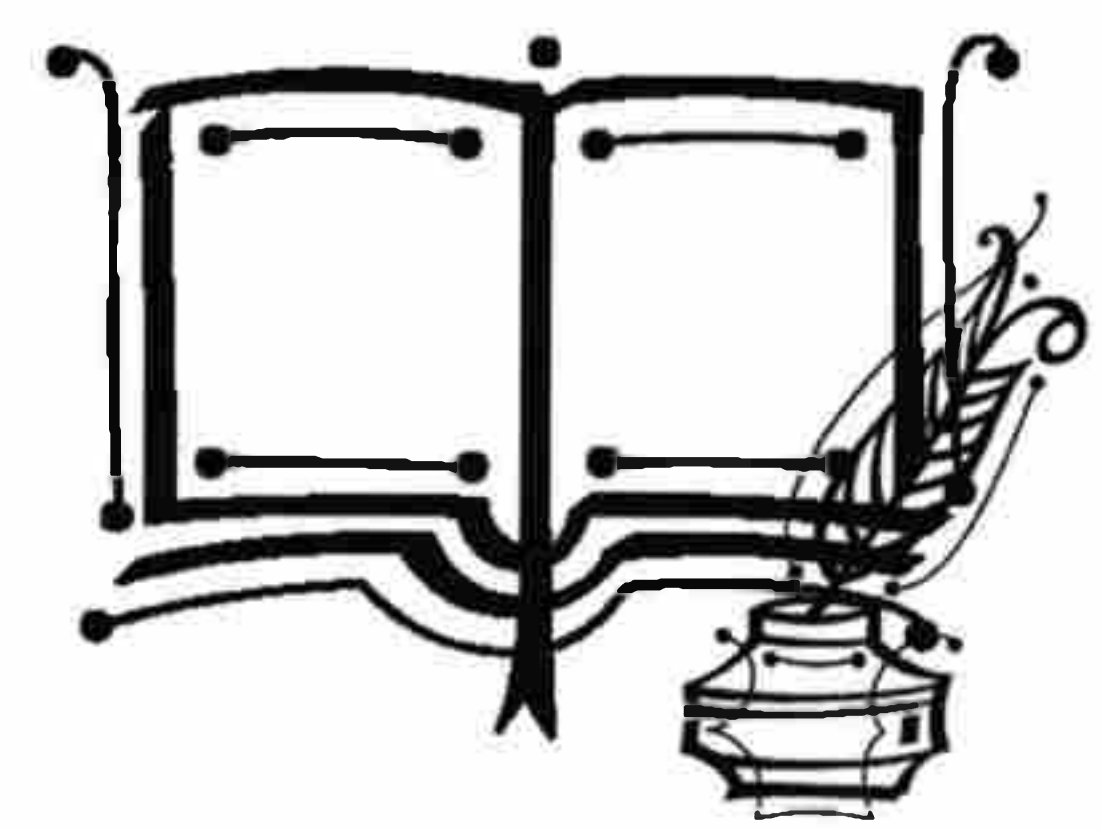

Мир татарской литературы

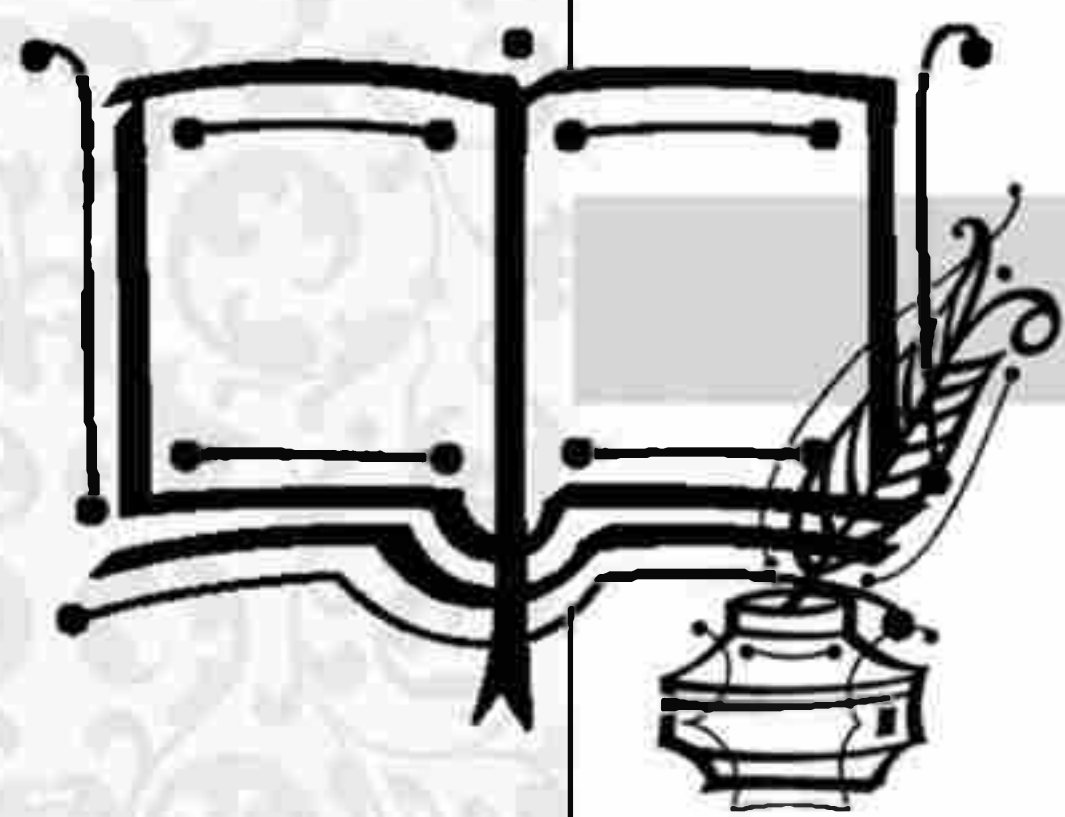
ДАТИМ ХАСНИ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Мир татарской литературы

**ФАТИХ
ХУСНИ**

ПЕРСТЕНЬ

Повести, рассказы

Казань □ Татарское книжное издательство □ 2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Тат)-44
Х98

Составление, аналитические статьи канд. филол. наук
М. М. Хабутдиновой

Составитель выражает благодарность дирекции
Татарского государственного академического театра им. Г. Камала,
редакции журнала «Казан утлары»,
семье писателя за предоставленные фотоматериалы.

Хусни, Ф. Х.

Х98 Перстень : повести, рассказы / Фатих Хусни ; [сост., аналит.
ст. М. М. Хабутдиновой]. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2014. – 224
с., ил.
ISBN 978-5-298-02847-9

В книге представлены знаковые произведения известного татарского писателя Фатиха Хусни. Издание включает в себя тексты, обзор творческого пути, анализ отдельных произведений, вопросы и задания для самостоятельной работы и самоконтроля, список литературы.

Книга адресована учащимся средних и высших учебных заведений, преподавателям-словесникам, филологам и всем интересующимся татарской литературой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Тат)-44

ISBN 978-5-298-02847-9

© Татарское книжное издательство, 2014
© Хабутдинова М. М., сост., 2014

ПЕРСТЕНЬ

Если бы сама Диана вздумала купаться у нас на мельничной запруде, мы бы и её сумели похитить.

(Вместо эпитафии)

Встревоженные громом военного оркестра, вздрогнули вековые деревья и уронили на землю белоснежные пушистые хлопья. Ещё раз прозвучал траурный марш Шопена, бойцы проводили товарища в последний путь и не спеша покинули кладбище. Безмолвные деревья и студёная зима приютили ещё одну могилу.

Из надписи на небольшой дощечке я узнал, что здесь похоронили отважного воина Айдара Курбанова. Он умер от фронтовых ран, полученных в Великую Отечественную войну. На той же дощечке внизу буквами покрупнее было написано: «Спи спокойно, солдат!» Невольно у меня защемило сердце. Долго бродил я по кладбищу, пока, наконец, не вернулся к могиле солдата. Теперь здесь одиноко стояла женщина в военной шинели, по знакам отличия – военврач. Её чёрные глаза были печальны.

Я подошёл поближе. Женщина, словно оцепенев, стояла не шелохнувшись. Чтобы как-то заговорить с ней, я произнёс первое, что пришло мне в голову:

– Теперь его покой вряд ли кто потревожит...

Женщина с печальной укоризной взглянула на меня и нехотя ответила:

– Как это жестоко и несправедливо, когда безвременно умирают люди...

В город мы возвращались вместе. По дороге разговорились. Узнав, что я причастен к литературной работе, она как бы между прочим заметила, что много лет хранит тетрадь с записями одного солдата, которого тоже звали Айдар, и если меня заинтересует эта тетрадь, она даст её почитать.

– Мой знакомый написал всё это ещё в первую империалистическую войну, когда после ранения лежал в госпитале. До чего неугомонное сердце было у человека, с юности такое, и годы не изменили его. Эту тетрадь мне передали в память об Айдаре. А для чего она мне? Только боль причиняет. – Потом она спохватилась. – Однако, как прочтёте, верните. Потому что это писал друг детства... человек, как бы вам сказать, которого я хорошо знала.

Моя новая знакомая слово сдержала, и записки солдата я скоро получил. Во многом они показались интересными, необычными, как необычайна судьба их автора, простого деревенского парня. Он был бунтарём по натуре и не умел подчинять свои чувства рассудку. За это жестоко поплатился.

Не знаю, как отнесётся к Айдару читатель. Много в его характере не по душе и мне самому. Но что поделаешь: жизнь есть жизнь.

1

«...У нас в деревне Янбулатово имя Айдар не редкость. Меня называли не просто Айдар, а прибавляли ещё: сын Шаяхмета-Козла. Прозвище это пристало к нам вот откуда.

Однажды мой отец вместе с односельчанами возвращался с тюлячинского базара. Своей лошади у нас никогда не было, и ехал он на подводе Саляхи Гимаева. Как водится, выпили в дороге и, слово за слово, разгорелся меж приятелями спор обо всём. Заговорили о еде. Отец любил прихвастнуть спьяну, взял да и сказал:

– Дали бы мне сейчас козлёнка, я бы с ним, голубчиком, зараз разделался...

А мужики и рады случаю подразнить человека:

– Врёшь, не осилишь... Куда тебе...

Отец упёрся:

– Сказал – съем, стало быть, съем.

Тогда мужики давай спорить:

– Если съешь, мы тебе даём козла, если нет – ты нам!

Ударили по рукам. Приезжают в село и, пока не пропал хмельной задор, сотворяя молитву, как положено у мусульман, валят козлёнка.

Не знаю, как насчёт другого, но от слова своего отец никогда не отступал. Вот так, за один присест и умял целого козлёнка.

Мало того, вечером снова пропустил где-то стакан водки, ввалился к Гимаевым и стал их донимать:

– Мясо варили, а бульон где? Припрятали? Почему бульона не даёте?

Вот с тех пор и не отстаёт досадное прозвище от нас. Впрочем, плевать. В деревне без прозвища не бывает. А я, хоть и был всего-навсего сыном Шаяхмета-Козла, вырос, не пропал.

О детстве рассказывать не стану. Ни о том, как играли в лошадки, ни о том, как воровали из сада муллы яблоки. Кстати, о яблоках, только других, не муллы, расскажу.

Как-то в конце июля или в первых днях августа приехал к нам в Ямбулатово купец. Конь у него добрый, пегий, с сизым отливом. Грива волнистая, как ковыль. Ладная ременная сбруя с множеством медных бляшек. Под стать коню и телега: на железном ходу, выкрашена в чёрное. А на ней – изрядные по объёму ящики с крупными-крупными яблоками. И румяными. Курносый Гусман, мой дружок, первый всё разнюхал, залез на плетень и кричит мне:

– Айда поглядим!

Мы побежали.

По улице, изредка понукая коня, медленно ехал купец и бойко выкрикивал:

– Яблоки! Кому яблоки?!

Люди в нашей деревне, правду сказать, исстари любят яблоки. Сбегаются все: старики, малые дети, девчата. У кого в руках два-три яичка, у кого на донышке ведра чечевица, а у мальчишек пошустрее – медячки в две-три копейки, которые они потихоньку стянули у бабушек. Часто вслед таким слышится:

– Ах, чтоб ты шею себе свернул, пострел!..

Купец же, не обращая внимания на шум и гвалт, знай нахваливает свой товар. С виду он франт хоть куда: в каракулевой шапке набекрень, в казакине из добротной шерсти, цепочка от часов свешивается из кармана. А уж речист – словно сам сатана ему на язык плюнул:

– Эх, яблочки-то какие, золотые, наливные... Сам бы ел, да денег надо...

Наши деревенские наперебой галдят: «Мне свешай, да мне»...

Мы, мальчишки, идём за телегой и глазеем на купца. Я уже давно разглядел всё, что у него было, ничего не пропустил. Но вот девчонку в соломенной шляпе, чудом примостившуюся между ящиками, – девчонку с тонкой талией, белыми округлыми локотками и чёрными-чёрными глазами заметил только сейчас.

Наверно, это дочь купца. И кажется похожей на осу. Впрочем, я не знаю, какого цвета глаза у осы?.. А дочка, дочка хороша, лучше всего – и яблоч, и телеги, и коня. Сказал, что напоминает осу, это я так, ради красного словца, нисколечко она не похожа.

Люди присматриваются к яблокам, а я, позабыв обо всём на свете, – к девчонке. Чудная какая, нацепила на шляпу голубую ленту. Будь девчонка нашенская, я бы эту её шляпу мизинцем подхватил и забросил на ближайшую крышу. Вот бы попрыгала у меня. Жаль, не из нашей деревни. Может, притвориться, будто яблоками интересуюсь, и подойти поближе и разглядеть её? А вдруг отец обратит внимание? Решит, что хочу яблоко стащить, и по носу щёлкнет.

Немного помешкав, я, наконец, осмелился. Пробрался к телеге, положил руку на грядущку и, притаившись за порожними ящиками, стал таращиться на девчонку. Жду, хоть бы оглянусь, чертёнок. Нет, не оглядывается. Тогда я забрался на колесо. И сразу вырос над всеми. Девчонка очутилась передо мной вся, как на ладони. Вижу даже мочки её ушей. Вот она какая! Щёчки что анис, лоб белый-белый, а глаза большие-пребольшие... Своими пухлыми ручонками крутит, вертит над тарелками весов, вроде бы делом занята. Меняет гири, накладывает яблоки, а меня и знать не хочет. Вот не посмотрю ни на что, дёрну за косу. Подумал – схватил за косу и потянул. Поневоле оглянусь чертяка. Посмотрела – и залилась смехом. Зубки белые, как фарфор. Яблоч, наверное, много ела, отбелила их до блеска. И опять я как уставился, так и глаз не могу оторвать. Она почувствовала это. Возится с весами, а сама нет-нет да обернётся и посмотрит на меня. Теперь я разглядел на её щёчке даже крохотную родинку. Красивая девчонка, очень. Жаль, что не из нашей деревни...

Признаться, со мною творилось что-то непонятное. Я перестал слышать запах яблок, забыл, что я всего-навсего сын Шаяхмета-Козла...

Гусман с ребятами неотступно крутится возле телеги. Кто-то изловчился и стащил-таки яблоко. Значит, пора убираться с колеса – не то задразнят разиней. Да и отделяться от дружков не годится. А купец что – он приехал и уехал.

Я отошёл в сторонку от телеги и стою себе с безразличным видом. Девчонка приподнимается, смотрит на меня и улыбается без всякого повода. В ответ ей улыбнулся и я. Она увидела и тут же, за спиной у отца, кинула мне самое большое, самое румяное яблоко.

Что было дальше, не помню. У меня вдруг закружилась голова, и я побежал домой. Мальчишки рассказывали, что потом купец, закончив торг, не спеша уехал из нашей деревни. Куда, никто не знает. И ещё рассказывали, будто его дочка, примостившись на груди ящиков, долго смотрела в сторону нашей деревни. И будто ветер играл её голубой лентой.

Когда они уехали, курносый Гусман отыскал меня и говорит:

– Думаешь, тебе она яблоко кинула? Оно у неё случайно вырвалось из рук, сам видел...

Мне сделалось не по себе, и я невольно подумал: «Друг-то ты друг, Гусман, а есть в тебе что-то нехорошее. Ну что ты меня терзаешь? Сегодня приехал купец с яблоками, завтра приедет другой, с огурцами. Улица-то у нас в Янбулатово широкая...» Но сказал:

– Ладно, давай не будем спорить, пойдём лучше искупаемся. Что-то жарко сегодня...

И вот мы вдвоём уже несёмся на мельничную запруду. А то яблоко я крепко держу в руке.

II

Дальше всё было вот как.

Когда у нас управятся с яровыми, то по старинному обычаю затевают сабантуй. Готовятся к нему по всем правилам. Девчата расшивают узорами полотенца. Среди взрослых идут разговоры о хмеле, о пиве, о медовухе. Однако в деревне немало и бесхвостых петушков, вроде нас с Гусманом. Что нам делать? Мы с друзьями заранее всё обговорили. Начнётся сабантуй – пойдём на скачки. Только бы время скорее подошло.

Ждали-ждали – и дождались. Сначала отпраздновали в нашей деревне – пошумели у нас, потом праздновали в соседних деревнях – мы пошумели у них.

Отец мне все уши прожужжал, чтобы я и думать не смел о скачках. Но под парами хмельного медка, – а его у нас умеют варить крепко, – отец забыл обо мне, а я о нём. Как бы то ни было, а этим летом я наездился вволю. Оттого что я лёгкий, владельцы коней наперебой приглашают меня. Какое это наслаждение – мчаться верхом на коне! Все глядят на тебя. Горячее дыхание скакуна обжигает лицо. А впереди – на макушке высокого шеста мелькают полотенца, одно краше другого...

Как бы там ни было, а мечта моя сбылась. Побывали мы на сабантуе и в далёком Мамалае. Здесь у Гусмана тётка, родная сестра его матери. Зашли к ней, отведали пива. Видно, в него подмешали что-то сердитое, как только выпили – настроение сразу пошло в гору, а ноги сами вынесли на майдан. Сюда со всей округи уже стекался народ.

Скачки ещё не начались, и я отошёл в сторонку. Хожу, стругаю ножом хворостинки и думаю: отчего так редко встречаются красивые девчата, такие как дочка давешнего торговца яблоками. Не могу забыть её, чертовку, стала сниться во сне, всё чаще и чаще. Как закрою глаза, появится откуда-то и стоит улыбается.

Из-за грёз своих чуть было не попал впросак. Пришло уже время пускать лошадей. Гусман у кого-то раздобыл коня и красуется, сидя на нём, выхваляется, поглядывает на всех свысока. Сам я не люблю мозолить людям глаза. Если первым домчаться до цели, куда ни шло. А если суждено притащиться последним, то лучше упасть где-нибудь в дорожной колее и затаиться. Блеснуть, как говорят, весенней молнией, потом можно и сгинуть.

Словно в лад моим мыслям кто-то бросил клич:

– Эй, есть ещё охочие?..

Я птицей метнулся:

– Дай, дяденька, мне!..

Через минуту я уже сидел верхом. Конь обещал быть ходким. Ноги тонкие, ноздри, подрагивая, пышут жаром.

Хозяин, придерживая коня, говорит:

– Резвый скакун, не подведёт. Теперь, сынок, всё от тебя зависит...

И предупредил:

– Не загоняй животину понапрасну. Если увидишь, что первым не прийти, на развилке повёртывай влево. Там я тебя и встречу.

Он прав. Зачем попусту нахлёстывать коня, этим ничего не добьёшься.

Верхом нас семеро: Гусман, я, остальные пятеро чужие, незнакомые нам парни. Кони, как на подбор, и идут вровень. Но больше других меня беспокоит молодая кобылка со звёздочкой на лбу. Неспроста она то и дело пофыркивает и потряхивает гривой, чувствую – лошадь с норовом.

Ребята, примериваясь друг к другу, хладнокровно болтают о предстоящих скачках. Надо иметь рыбью кровь в жилах, чтобы так спокойно рассуждать о том, кто будет впереди тебя. Нет, это

не по мне. Или молчу, или дерусь до последнего...

Гусман, отстав от других, поравнялся своего коня с моим. Наклонился и шепчет, будто в тайну какую посвящает:

– Тут, паря, ничего у нас с тобою не выйдет. Похоже, что все они тёртые калачи и дело знают. Вон ту кобылку со звёздочкой, говорят, в этих краях ни один конь не обойдёт.

Лясы точить я не собирался, потому нехотя ответил:

– Попробуем счастья, а там видно будет.

Больше ни звука. Напыжившись, Гусман пустил коня в галоп, догнал чужаков.

У околицы все выровнялись... Началась гонка...

Первые две версты шли, можно сказать, ноздря в ноздю. Присматривались друг к другу, нащупывали слабые места. Гусман держится на коне бодро, не переставая размахивает плёткой, покрикивает. Он заметно опередил всех, но опытные конники почувствовали, конечно, разгадали, что далеко ему не уйти. Своего коня я тоже успел оценить, но трогать плёткой его не спешу – всему своё время.

Показалась развилка, та самая, о которой упоминал хозяин. Кто-то, погоняя коня, громко гикнул. Не успел я и глазом моргнуть, как усилился злой цокот, и кобылка со звёздочкой вырвалась вперёд. Из-под её копыт полетели комья грязи и глины. Я невольно зажмурился, хотя пришла пора глядеть в оба.

Вдалеке, на верхушке шеста, мелькнули полотенца. Прикусив зубами два пальца, я свистнул и в первый раз взмахнул плёткой. Должно быть, конь почувствовал, что я шутить не намерен. Рванул так, что едва не опрокинул меня навзничь. В глазах потемнело, дыхание скакуна обожгло лицо.

Миновав развилку, мой конь в два-три прыжка настиг Гусмана. Слышно, как ёкнул его конь – это не признак горячности, скорее слабости. Захотелось чуток подразнить дружка. Но прежде нужно сделать ещё рывок. Снова взмахнул плёткой – наши кони поравнялись. Мгновение – и Гусман оказался позади. Такой оборот ему не понравился. Лихо замахнувшись, он яростно хлестнул по морде моего коня. Кровь сразу бросилась мне в голову, в глазах застило, ничего не вижу, ничего не соображаю. В порыве гнева стегнул Гусмана плёткой по лицу. Он покачнулся и плюхнулся на дорогу. Здорово попало бедняге, рубец остался на всю жизнь.

Потом легко, будто играючи опередил остальных соперников, но обогнать кобылку со звёздочкой совсем не просто. Выгнулась с грациозностью пиявки и словно скользит по воздуху. А маль-

чонка на ней в точности рябчик, да и только. Сидит, как влитой, помахивая поводьями, словно крыльями. Кобылку не тронет, плёткой не оскорбит, лишь изредка коротко гикнет.

Когда до шеста с полотенцами осталось с полверсты, мы пошли с ним бок о бок. Кто-то из наших янбулатовских нетерпеливо крикнул:

– Гони, Айдар, гони!

Я и сам хорошо знал – надо гнать. Но клич словно подстегнул меня. Сжал зубы и в третий раз взмахнул плёткой. Почудилось, будто всё, что было впереди, полетело мне навстречу, а мальчонка-рябчик порхнул назад. И когда до шеста осталось с полсотни сажень, мой конь вырвался вперёд, – и слёзы вдруг брызнули из глаз, мне почему-то стало жаль ту кобылку со звёздочкой...

Прямо с коня я попал в объятия толпы. Гриву скакуна украсили полотенцем. Ярким, красивым. Даже сейчас, в те редкие минуты, когда в душе оживают картины детства и родимой сторонки, среди других памятных мне вещей я вспоминаю это полотенце с вышитой красной каймой...

Меня со всех сторон поздравляли, благодарили, будто я чудо какое совершил. Потом перешли от сухого «спасибо» к медовухе. Хозяина коня, кажется, я где-то встречал. Только вот не могу вспомнить, где. Зовут его Исмагил-абзы. Считаться с моими отговорками он не пожелал, взял да и затащил к себе в гости. Жил он в достатке. Дом под железной крышей, добротные тесовые ворота. Полы крашеные – я сначала боялся лишний шаг ступить, потом, угостившись, даже в пляс пустился.

Исмагил-абзы – душа человек, меня поит, а сам песни распевает. Сижу, слушаю, глаз не свожу с его рта. Губами шевелит он как-то по-особому, и это движение опять-таки мне знакомо. Где же я его раньше видел? Пытаюсь вспомнить. Нет, не получается. Мамалаевского медка до сих пор не приходилось пробовать, а он такой, что всю память смывает начисто.

После того, как досыта погуляли, я начал поглядывать на дверь; пора и честь знать. А хозяин, угадав мои намерения, говорит:

– Сегодня у нас переночуй, а завтра – воля твоя – иди куда хочешь.

То ли вправду, то ли в шутку роняет:

– Вечером сходи к девчатам на игрища.

Ох, и хитрая же ты лиса, Исмагил-абзы. Раз в жизни посидели

с тобой за медком, а уж нащупал мои слабые струны. Откуда ты знаешь, что я люблю девчат? Но ни отпираться, ни соглашаться не стал.

– Нет, мне надо уходить – я лучше пойду.

Исмагил-абзы затвердил своё:

– Сказал, не пущу – значит, не пущу.

– Ну, ладно, подумаю, может и останусь, а пока у ворот посижу.

Вышел на крыльцо. Вижу – сад. Перемахнул через плетень и – ткнуться некуда – кругом яблони, черёмуха, рябина, смородина. Держу совет с самим собой, как быть – уйти или остаться. Ушёл бы, да медок у них слишком хорош, и на игрища к девчатам тянет. Остаться, да кем я им прихожусь? Так, топотун какой-то, полы попусту топчу. Вдруг вижу, шелохнулся листок, за ним другой. Затем сплошь затрепетал ветвистый куст смородины. Я затаил дыхание. Куст опять колыхнулся. Не успел сообразить, что к чему, как меж ветвей показалась рука. Должно быть, девичья: сердце подсказывает. Стою тихо, не шелохнусь. Тут на меня кто-то бросил ветку смородины. Ещё раз. Ещё.

– Ну, хватит! Так можно весь куст обломать... – не выдержал я.

Девушка прыснула со смеху и выпрямилась. Она по ту сторону куста, а я по эту, а куст нам всего-то по пояс.

– Помнишь, это я в тебя яблоком кинула? – говорит она и смеётся.

Так вот оно что... Но это уже не прежняя девчонка. Она больше похожа на девушку.

– Помню, вы приезжали к нам в Янбулатово яблоки продавать. Так?

Меж тем с крыльца кто-то позвал её:

– Василя, где ты? Иди домой...

Значит, её зовут Василя. Хорошо, очень хорошо.

Девушка не откликнулась на зов, а быстро спряталась в кусты. Немного погодя, торопясь, отрывисто прошептала:

– Ты не уходи! Оставайся у нас ночевать. Ладно? – И кинулась в заросли, не дожидаясь ответа. Вскоре хлопнула садовая калитка, и всё затихло.

Я вошёл в избу и заявил хозяину:

– Нынче, так и быть, заночую у вас, Исмагил-абзы...

Заночевал. А не случись этого, было бы лучше. Василия весь день порхала от дома к летней кухне, то приносила, то уносила что-то. Вечером вышла во двор, разодевшись во всё новое. Гляди – не нагладишься: платье белое с мелким-мелким узором – лён в цвету, передник обшит кружевом, а на плечиках крылышки, как у стрекозы.

Любуюсь ею и думаю: «Что, если посадить её на ладошку, уместилась бы?»

Смеркалось. Василия с соседними девчатами куда-то убежала. Двор сразу опустел. Я вышел за ворота, посидел на лавке. Вернулся назад, а Василии всё не видать. Начали загораться звёзды, удивительные какие-то, зеленоватые, и висят почти над головой. Если запеть громко-громко, они, наверное, осыплются. У нас в деревне Янбулатово мне в жизни не приходилось видеть такие звёзды.

Тут появилась Василия. Подошла ко мне и спрашивает:

– Тебя как зовут?

Не успел я назвать своё имя, а она, совсем как ребёнок, перескочила на другое:

– Это ты привёл нашего коня первым? И не побоялся?

Я не нашёлся, что ей ответить. Скакать на лошади, по-моему, пустяковое дело, во всяком случае, совсем не то, что разговаривать с девчатами.

– Почему ты молчишь? – снова спросила она. – Ну отвечай же... – ткнула кулачком меня в бок и побежала.

Говорить я не мастер, но уж если надо девушку обнять, не сплосаю. Догнал её одним духом. Схватил и прижал к воротам.

Визжит, чертовка, а сама лёгкая-лёгкая! И так ласково зазывает:

– Приходи к нам, Айдар, ещё. Ладно?..

Но побывать в Мамалае в то лето мне не довелось – постеснялся: был плохо одет. Василия вся в шелках да кружевах, а я в камзоле с короткими рукавами, перешитом из отцовского казакина. А чтобы девчата любили – кому это не известно? – прежде всего нужна пара хромовых сапог, тужурка, сатиновая рубашка и бархатная тюбетейка...

Надумал уйти в шахты, заработать хотя бы на одежду. Отец с матерью пытались возражать. Но я настоял на своём: уйду и баста! Только в конторе загвоздка – паспорта не дают. Мал, говорят, ещё, позагорай лето-другое под янбулатовским солнцем, а там видно будет. Короче, смеются.

Не дадите – не надо, клянчить не стал, взял да ушёл без паспорта.

В дороге встретил мужиков из деревни Кячи, пошли вместе. Я пришёлся им по душе. «Не тужи, говорят, парень. Сами устроим тебя – у нас полдеревни на шахте».

Добрались до шахтёрского городка Голубовки. Оказалось, и вправду, посёлок забит кячинскими мужиками. В первый же день они собрались всем скопом и давай пить. Пили, пили, потом отравились в Собачью слободку драться. Я всё примечаю, всё запоминаю. Впрочем, примечать-то особенно нечего. Домишки, как сарайчики для коз, стены саманные, разбитые окна заткнуты подушками. А ребятишек да мух – видимо-невидимо. Я-то думал, ведьма-нужда только в нашей деревне живёт. Оказывается, она и тут поселилась, и тут – куда ни глянь – подстерегает людей эта злая старуха с длинными седыми космами.

Не буду описывать, как вспомнил мать, отца, простя им все обиды, когда спускался в забой, как стоял, растерявшись, когда в лаве у меня погасла лампа. Бывалые шахтёры говорят, что поначалу оно всегда так.

В первые дни работы извёлся от жалости – не к себе, не к людям, а к лошадям. Всю жизнь, бедняги, тянут вагонетки. Слепнут под землёй, а когда смотришь на них, чудится, будто заглядывают они тебе прямо в глаза. Их счастливые собратья живут наверху под ясным солнышком, резвятся на зелёном лужку и похрумкивают травку. А в дни сабантуя и людей веселят. Тут мне припомнился скакун Исмагила-абзы. Эх, вскочить бы сейчас на него и умчаться в родимую сторонку. Чтобы как в старой песне:

Как вскочил на коня,
Конь умчал в степь меня...
Эх!..

Не пробыл на шахте и десяти дней, ещё и первой получки не получил, а душа уже рвалась отсюда, как птица из клетки. Придётся стиснуть зубы и терпеть до конца. Но если вернусь домой в хромовых сапогах, я и тебя, Василя, пройму до сердца.

По правде сказать, надежд у меня было полно, глубокий карман, только денег вышло маловато. После получки хотел порасспросить, в чём дело, но тут кто-то подошёл сзади и взял меня за плечи. Оглядываюсь, Рахман-абзы, кячинский мужик, с которым я пришёл сюда. Пожаловался я ему. А он уже немного выпил, оживился. Сверкая глазами и усмехаясь, говорит мне:

– Радуйся, птенец, что земля тебя ещё носит да руки работу

просят. А деньги, дурень, тут по счёту дают.

Звал распить с ним бутылочку. Я отказался. Не знаю, как у других, у меня свои соображения. Накоплю побольше деньжат, оденусь-обуюсь, задышаться под землёй не стану. Лучше в деревню вернусь и займусь хозяйством.

Ночь напролёт я не спал, всё деньги считал – наверняка обдурили. Утром попался мне на глаза техник:

– Почему, – спрашиваю, – так?

– У нас, – говорит, – под землёй не принято задавать вопросы «отчего» да «почему», а тем более отвечать на них.

Засмеялся и пошёл. Только блеснули его хромовые сапоги, заметно приглушив всю мою досаду. Если работать, так уж ради таких сапог. Чтобы солнце играло на голенищах и чтоб скрипели на каждом шагу.

Не пил, не курил, как другие, и к концу второго месяца накопил чистых пятнадцать рублей. Но копилась и злость на техника: пишет он на меня штрафы за всякие небылицы. Приходит из-под земли такая бумажка, наверху известное дело, с тобой и не разговаривают. Без этих проклятых штрафов у меня был бы целый четвертной.

Деньги после каждой получки аккуратненько складываю и зашиваю в шапку, оставив в кармане лишь на хлеб и чай. Кячинские мужики, шахтёры бывалые, смеются надо мной:

– Тут до тебя уже был один такой, не пил, не курил, только деньги копил. Но деньги его остались наверху, а сам он попал под обвал и из-под земли не вылез... Ешь, пей, не отцовское наследство проматываешь: коль заработал – не жалеи!..

Чтобы от земляков совсем не отколоться, в свободное время начал играть в карты. И здорово наловчился: вмиг умею передёрнуть любую. Заметят: съездят по зубам, не заметят – загребаю кон. А подкладка шапки всё набухает.

Мужики и тут подсмеиваются, что-то, мол, у тебя шапка на макушке торчит. «Хорошо, – думаю, – пусть себе торчит, того же и вам желаю». Недоедал, мошенничал, в одном месте рвал, в другом пощипывал и шапку набил порядком, но выпростал её быстрее быстрого.

Произошло это так.

Однажды во всех бараках началось какое-то непонятное оживление. Заговорили, будто откуда-то с Урала едет знаменитый картёжник. У нас в Голубовке будет проездом. Отовсюду поползли о нём слухи, рассказы. Собачья слободка стала готовиться к встре-

че, как к свадьбе, ожидая её с нетерпением. И вот прибыл к нам огромный детина с рыжими, почти красными усами. Вороватые глаза горят, как у волка. Одет с шиком: лаковые ботинки, часы с золотой цепочкой, белый воротник торчком. Увидел его – сердце дрогнуло. И не зря!

Игру затеяли в ламповой, тайком от начальства. Не прерывали две ночи подряд. Я же места себе не найду. Да и сердце никак не уймётся, всё ноет и ноет. Дай, думаю, загляну на минутку, посмотрю, что делается. Когда заходил в ламповую, шапка торчала на самой макушке, а оттуда вышел чуть ли не на глаза съехала. Так и карман опустел, и сердце успокоилось. А знаменитый шулер, обобрав всех до нитки, разочек напоил шахтёров и отправился в новый вояж.

После встречи с Рыжеусом я перестал зашивать деньги в шапку. Нет, лучше проедать их и хоть изредка выпивать с друзьями, чем копить и смешить добрых людей.

Отец с матерью забросали меня письмами, зовут домой. Ненажитого добра, едят они, целые горы вокруг, были бы руки. Кроме того, в слободке поговаривают о беспаспортных. Ну что ж! Получу очередную получку – и в путь.

Теперь не расстаюсь с мечтой о Василе. Ведь тогда, у ворот, я даже не поцеловал её. Не струсил: и ведать не ведаю, что такое страх. Просто растерялся. Уж слишком низко опустились звёзды в ту ночь...

Размечтался я так во время работы. А техник тут как тут, и ну привязываться ко мне: ты что, говорит, крепление не по правилам ставишь? Только о твоих креплениях мне и помнить, гнилозуб! Получку бы получить да кое с какими делами покончить. С ненавистью взглянул я на его сытую ряжку и поклялся проучить эту скотину.

Удобный случай скоро представился. Получил я расчёт и вечером накануне отъезда выпил с друзьями. Потом все вместе отправились на улицу. Побродили немного по слободке и расстались. Я шёл один узким переулком, и вдруг – даже глазам своим не поверил – навстречу мне техник тащится. Вот, думаю, кстати. Поравнялись. Хватаю его за грудки и спрашиваю:

– Ты что здесь шляешься, пёс цепной?

К такому обращению техник не привык, крепко перетрусил – слова выговорить не может, а я продолжаю:

– Ага! Высматриваешь, где что плохо лежит, присвоить хочешь? – и с размаху закатил ему леща.

Он крикнул, я ещё раз двинул. Кричит, стало быть, мало. Почему бы не добавить. Квартальному плевать на то, что делается в Собачьей слободке. А на крик сбежались те, с которыми я только что пил. Говорю им:

– Я поклялся, что уеду отсюда, только обувшись в сапоги этого туполобого... Подсобите, дружки...

Они зажали технику рот, а я осторожненько стянул с него хромовые сапоги.

Как бы там ни было, слово своё я сдержал и в деревню вернулся в хромовых сапожках.

IV

Не прожил дома и двух дней, а уже пошли разговоры: приехал-де сын Шаяхмета-Козла и здорово, видно, разбогател. Я посмеиваюсь в усы – болтайте себе на здоровье. Правда, насчёт усов лишнего прихвастнул, откуда им взяться-то? Юнец – и губы голые. Но было бы неплохо, чтобы под носом чернела узенькая полоска. Тогда пройдёшь по улице в хромовых сапогах, сатиновой рубаше да ещё с чёрными усами – все так и станут смотреть во все глаза на тебя: «Айдар идёт, Айдар!...»

Впрочем, плевать. И без усов куда хорошо живётся. Вчера получил записку от Хадичи, дочери нашего соседа. Весь лист размалёван цветочками. Распелась девица: «Будет по нраву, так прочтёшь, а не по нраву, так сожжёшь...» Жечь не стал, а порвать – порвал.

Предложил было Гусману сходить в Мамалай в гости. Он ни в какую:

– Дел по горло. Некогда. Да и неудобно в будни по гостям ходить.

– А я говорю, что удобно.

Взял и один потопал. Зашёл к тётке Гусмана:

– Принимай, тётушка Ниса, земляка.

В подарок принёс ей фабричный платок, кусок душистого мыла – вот она и растаяла. Хлопочет, бегаёт, угощает.

– Ничего-то, тётушка Ниса, мне не надо, – говорю я ей. – А снесика и отдай Василе это маленькое – с птичий клювик – письмецо.

Не прошло и получаса, как я держал в руках ответ: «Жди. Вечером приду к роднику».

Не знаю, хватит ли сил дождаться. Так и хочется спросить, скоро ли у вас в Мамалае наступит вечер? А тётушка Ниса – лу-

кавая баба – не спеша занимается своими делами и будто между прочим рассказывает:

– Сидит Василя, косы заплетает, а уж они у неё длинные-предлинные – по пояс. Взглянула на письмецо, так и ошалела девонька, заметалась по горнице. А сама-то и гибка, и стройна, стан и плечи будто точёные, загляденье, а не девка. И смущаться-то ей к лицу: щёчки, как яблочки, разрумянились, алым цветом зацвели.

– Хватит, тётушка Ниса! Твоих речей мне не переслушать, а ждать я больше не могу!

Натянул на ноги хромовые с блеском сапоги, влез в синюю сатиновую рубаху и, подвязавшись поясом с кистями, выскочил из дому. Иду по самой серёдке улицы. Хватит, долго мы ходили по обочинкам, попробуем-ка здесь, на виду.

Не заметил, как ноги сами привели к дому Васили. Сердце забилось часто и гулко. Вечером-то мы свидимся, в этом сомнения быть не может, но ты погляди на меня днём, при свете солнца!

Прошёл раз, другой. Показалось, что меня немного знобит. Необъяснимая это вещь – красивая девчонка: засядет в сердце, клещами её оттуда не вытащишь, покоя не даст, изведёт.

Наконец-то наступил вечер. Накинув поверх сатиновой рубахи пиджак, обмахнув сапоги, отправился я к роднику. Девчата по холодку только-только начали таскать воду. Немного погодя появились парни с гармошкой, на вид довольно хлипкие. Но, как говорится, в своей конуре и собака – лев. Посматривают на меня косо. Дескать, откуда залетел к нам этот воробей? Стою себе, покуриваю, руки в брюки и ухом не веду.

Вскоре показалась и Василя с коромыслом и вёдрами из белой жести. Узнал её издалека. Заметно подросла, ещё краше стала...

Мигом очутился рядом, словно никого вокруг и не было. Встретились и будто онемели, стоим, молчим. Потом заговорили оба враз. Но что я сказал, что она – ничего не запомнил. Забыл всё – и муки, выпавшие на мою долю, и про хромовые сапоги, а Василя, кажется, их совсем и не заметила. Потом она вспомнила, что стоять здесь ей долго нельзя, дома заругают, наполнила вёдра и ушла. Договорились, что она придёт ещё раз, чтобы условиться обо всём, но сделать этого она не успела.

Парням, что наблюдали за нами, не по нраву пришёлся мой долгий разговор с Василёй. Они подошли поближе и давай, что называется, заводят меня:

– Не зря, оказывается, говорили, будто дочка Исмагила сохнет

по какому-то босяку. Вот этот, значит, и есть тот самый голодра-нец, – первым начинает гармонист.

– Это ещё что?! Она грозитя убежать с ним, – подхватывает его дружок.

– А что тут особого. Возьмёт и убежит. Видишь, сапог-то у него две штуки. Заживут в своё удовольствие – он в одном сапоге, она – в другом.

Я помалкиваю. Что ни говори, гость я здесь. Надо быть скромным. А до того трудно удержаться... Хоть бы поскорее, что ли, вернулась Василя!

Гармонист, верховодя, переменял тон и принялся теперь за своих приятелей:

– Рук у вас, конечно, нет, языками только чесать мастера. Да, раньше, бывало, таких цыплят и близко к деревне не подпускали. Кого терпите, а?..

Это уже был вызов: всё равно что ударить. А на удар надо ответить. Не стоять же, как истукан, и любоваться собственной тенью!

Я не выругался, не огрызнулся, лишь подошёл и стал перед ними. Парни переглянулись, но руки держали за спиной. Не показывал своих и я. Не драться пришёл я сюда. Но и не затем, чтобы мне рёбра считали.

Гармонист тронул басы и, разведя мехи гармонии, локтем тронул соседа. Сигнал, значит, подан. Один зашёл мне за спину, рука другого потянулась к моему вороту. Перебирая лады, гармонист вновь растянул мехи, но сдвинуть их обратно не успел...

Началась драка, а кончилась она тем, что меня заперли в холодную кладовую: перестарался... В свалке я расквасил нос одному из парней, который оказался старостиным сынком. В пору у старосты гостили деловые люди и с ними урядник. Пока я отмывал у тётушки Нисы ссадины и синяки, в дверь забарабанили, и ввалился урядник. Он заорал:

– Вот ты где, разбойник! Да я тебя в тюрьме сгною!

Угрозы полицейского меня ни на грош не испугали, скорее разозлили: ночь, которая обещала мне свиданье с Василёй, суждено было проваляться где-то в каменной кладовке. А если поразмыслить, разве я в чём виноват? Люблю, любил и буду любить. И Василя всё равно станет моей. Головой каменные стены прошибу, а другому её не отдам.

Однако сидеть в кладовой, ожидая, как будут тебя судить да рядить, не очень-то приятно. Расстелив на полу пиджак, я прилёг,

но сон как назло не шёл. Не потому, что боялся угодить в тюрьму, плевал я на неё. Жаль одного: мало попало старостиному сынку. Надо было дать как следует. Тогда бы не лез. Да и другие тоже...

Так, перебирая в памяти подробности драки, я незаметно уснул. Проснулся среди ночи, услышав чей-то робкий оклик. На полу играл лунный луч, поблёскивали сапоги. Я подошёл к окну. Стёкол нет, за железной решёткой сад. Шумят деревья, и ни души.

– Кто там? – спрашиваю я сердито.

В ответ грустный девичий голос:

– Это я... Василя. Ты потише, Айдар. Не ровён час, услышат. Я растерялся.

– Что ты здесь делаешь, Василя?

Она подходит поближе к решётке и шепчет:

– Иди скорее к двери, Айдар, я принесла ключи.

Несколько минут спустя мы были уже в саду.

Василя взяла меня за руку и, чтобы нас не увидели, мы быстро спустились под гору. Там росли высоченные деревья, тихо журчала речка, и монотонно гудела ветряная мельница. Мы остановились у старой раскидистой ветлы.

Василя заметно вздрагивает, что-то говорит, но от волнения у неё прерывается голос. Чтобы успокоить девушку, притягиваю её поближе к себе, крепко обнимаю. Мы почему-то враз замираем и глядим на речку.

Молчание прерывает Василя:

– Нашёл с кем связаться – с сынками лавочника. Он всё начальство здешнее подкупил...

Она осыпает меня упрёками, а сама стоит, съёжившись, как перепуганная птичка. Порывается рассказать, как раздобыла ключ, но у неё ничего не получается – мыслимое ли это дело говорить сейчас о ключе?!

И кто бы мог подумать, что в этой девчонке, которая ещё недавно, примостившись меж ящиков, ездила с отцом из деревни в деревню, что в этой стрекозе заключено столько смелости?

– Уходи отсюда, Айдар, уходи, милый, пока в Сибирь не успали...

Её жаркое дыхание обжигает мне щёку. Хочу пообещать хоть что-нибудь в утешение, да не могу, я ведь всего-навсего сын Шаяхмета-Козла.

Ушёл... Зашагал в сторону родной деревни. Начало светать, а луна всё ещё на небе. Дорога тянется впереди светлая-светлая,

и идти по ней легко. Вспоминаю, что хотел, но не успел сказать Василе. Остался в кармане – позабыл отдать – и подарок, что привёз с собой за много сотен вёрст.

Когда теперь увижу её? Увижу ли? И сердце заныло, расходилось не на шутку.

Пешком, не заворачивая домой, направился я прямо на Урал. Сапоги выдержат, а об остальном и думушки нету.

V

Почти два года прожил на стороне. Ни отцу с матерью, ни Василе не написал ни строчки. Писать домой было нечего, да и стыдно, что не могу послать денег. Ведь понимаю, как тяжело приходится отцу каждую весну. У него нет средств, чтобы вспахать даже наш клочок земли, и он должен гнуть на богатеев спину, кланяться им. А я скитаюсь по белу свету и того, что зарабатываю, едва на себя хватает.

А вот почему Василе не писал, сказать трудно. Вообще странным становлюсь я человеком. В душе скапливается какая-то непонятная злоба, хочу кому-то отомстить, доказать что-то. Порой думаю: пусть пропадёт, пусть провалится к чёрту сама Василя. Пропиваю, проигрываю всё, что добыл, и снова впрягаюсь в работу.

А Василя всё же тянет меня, как магнитом. Решил-таки вернуться в родные края. Прикинул, вдруг заберут в солдаты, тогда и вовсе не увидаюсь.

В кармане не густо, но приодеться, обуться кое-как наскрёб. И возвратился кстати. В Мамалае готовятся к свадьбе, выдают Василю за сына лавочника Зарифа из деревни Сатыш. Готовят пир горой. От злости не соображу, как быть. И вдруг наболевшее, непонятное стало осмысленным. Есть кому перегрызть горло – сынку лавочника Зарифа.

Но прежде надо увидеть Василю, поговорить с ней. Послал за нею тётушку Нису. Пришла. Осунулась, побледнела девчонка. Взгляд суровый, тяжёлый, а ресницы вроде ещё длиннее. Молчит, обиделась, должно быть. Сама по-прежнему красивая-красивая и, несмотря на печаль, так и светится вся, будто луна в мае. Снова в душе подумал: «Сделаю всё, что от меня потребуется, но никому тебя не уступлю».

А внешне держусь сурово. Говорю:

– Вовремя я подъехал, прямо к тебе на свадьбу. Не так ли, Василя?

– Что ж, хорошо, – отвечает она, не подымая глаз. В голосе холодок, поневоле разозлишься.

– Сыночек лавочника во всём ублажит тебя. Уже теперь набила рот его пряниками, толком не можешь разговориться.

Василя вздрогнула, хотела что-то сказать, но молча отвернулась в сторону.

Что это стало с девушкой? Подхожу, беру её за плечи. И заскорузлые ладони, привыкшие к холодным глыбам угля, смягчают, оттаивают. Оттаивает и сердце. С губ готовы сорваться хорошие тёплые слова, только выскажу ли?

– Эх, Василя, Василя! Не подождала ты меня. А я за тобой приехал.

– Почему же, – спрашивает она, не подымая глаз, – знать о себе не давал?

Затем не выдержала, вскинула на меня глаза. Взгляд колкий, жгучий. Кажется, вот-вот обожжёт укором, отчуждением. Как, думаю, вынести такое? И стерплю ли?

– Ладно, – говорю, – коли так, прощай, – и зашагал к двери.

Василя встрепенулась, метнулась птицей и повисла у меня на шее. Обнимает, целует и шепчет сквозь слёзы:

– Айдар, сердце моё, не губи меня, горькую. Увези отсюда. Завтра должен приехать жених, а ты нынче же увези. Никто мне не мил, кроме тебя. Никогда не был и не будет. Уедем, Айдар!

Значит, поладили, надо радоваться, смеяться, а она, дурёха, плачет. Солёную воду льёт. А я слёз терпеть не могу.

– Ладно, если рот не набит пряниками, считай, что всё хорошо. Остальное уладим. Завтра вечером будь готова. Посажу на коня и увезу.

Вот так утешил девушку, а сам тайком, никому не попадаясь на глаза, поспешил к себе в деревню.

На другой день без труда раздобыл упряжку. Серый жеребец моего зятя пришёлся за коренника, пристяжным запрягли Гусманова гнедого мерина и погнали.

Мать всё допытывалась:

– Куда это вы собрались, ровно взбесились?

Но когда я сказал:

– Приеду, увидишь. Только дома немного приберитесь, – она обо всём догадалась.

По старой дружбе мы отправились с Гусманом. Захватили соседского мальчонку присматривать за конями. На всякий случай взяли и бутылку водки, но, лишь выехали за деревню, под настро-

ение распили её с Гусманом пополам. Славно получилось, даже мне показалось, что и лошадки мчат по-другому.

Стало темнеть. Вспыхнули звёзды. Повеял вечерний ветерок. Тихо веет, ласкает щёки, а на сердце ещё радостней. Хороша наша сторонка! По ночам непроглядная густая тьма надёжно укрывает тех, кто девок похищает, и тех, кто коней крадёт.

Молча, бесшумно подъезжаем к Мамалаю. Тревогой в сердце отдаётся цокот копыт. Каждый думает о своём: Гусман, как всегда, навязчив:

– Если выплывем благополучно, заполучишь ты, паря, девку первый сорт, – шепчет он мне.

Прибыли ко времени. Хорошо, что изба тётушки Нисы прямо возле околицы. Коней загнали во двор. Приставили к ним мальчонку, распрягать не стали. Сами задворками поспешили к дому Исмагила-абзы.

С Василёй обо всём условились загодя. Между десятью и половиной одиннадцатого в нижней части окна, выходящего в сад, должен торчать мой ножик с белой костяной ручкой. Увидев его, она возьмёт кумган и выйдет во двор. Пройдёт в сад, а там мы скроемся в кустах смородины. Перелезем через забор и – прямо к тётушке Нисе, а потом в нашу деревню.

Так было задумано, однако на деле вышло по-другому...

Гусмана я оставил по ту сторону забора, сам перемахнул в сад. И откуда только – чума его побери! – во дворе залаял пёс. Учужал, проклятый, повернул морду к садовой отраде и знай надрывается. Думать некогда – его хватить по голове гирей, которая была у меня с собою на всякий случай. Пёс взвизгнул и замолк. Я поспешил к дому и воткнул в раму свой ножик. Заглянул в окно: в избе ярко горят огни, хлопчут, суетятся бабы, столы уже накрыты. За узорчатым пологом видна взбитая перина.

На лай собаки из горницы вышли Исмагил-абзы и несколько мужчин. Покружились с зажжёнными фонарями по двору и, видимо, успокоившись, вернулись в дом. А ножик мой так и остался торчать в оконной раме. Остро наточенное лезвие, как молния, поблёскивает на свету, падающем из окна. По ту сторону забора нетерпеливо напоминает о себе Гусман, а Васили всё нет и нет.

Вскоре откуда-то издалека донёсся перезвон колокольчиков. Послышались пьяные голоса, топот лошадей. Жених где-то поблизости. Беспокойство овладело мной. А вдруг Василя передумает и не выйдет?.. Нет, вышла. Направилась в сад. Как и уговаривались, в руках у неё кумган.

Василя легонько кашлянула. Я тут же подхватил её и осторожно передал Гусману. В мыслях я благодарил судьбу за то, что девушка такая ловкая, смелая. Хоть бы на минуту чего испугалась. А ведь мы вырвали её у жениха из-под самого носа.

Колокольчики позванивают сильнее, задорнее. Кто-то кричит на всю деревню:

– Едут!..

Бабы мечутся, хлопают дверьми и громким шёпотом зовут:

– Василя! Где ты, Василя?

А её и след простыл. Не найдёте её теперь. В доме сумятица, беготня. Я же чуть было не забыл о своём ножике.

– Да ладно, Айдар, пусть остаётся, – уговаривает Гусман.

С чего бы это оставлять его здесь? На дворе дружки, бабы, девчата, мальчишки. Я бесшумно перепрыгнул через забор, подкрался к дому и вытащил ножик из оконной рамы.

Через несколько минут мы были уже в пути. Кони несут вовсю: так-то оно веселее.

VI

А сегодня переполох и суeta в доме у нас. С утра топится печка, что-то шипит, жарится.хлопотливо бегают мама. Возится тётя Зухра, даже кошка и та мечется как угорелая. Кругом снуют, соседи роятся, словно пчёлы. Моего голоса и не слышно. Василя, засучив рукава и подогнув подол платья, тоже помогает, всё горит, всё спорится у неё в руках. У матери рот до ушей – получила невестку без лишних расходов.

Впрочем, и у меня настроение приподнятое. Оно и понятно: как-никак женюсь.

Вначале собрались и посидели за столом старики, соседи, всякие родичи. В избу нас не пустили. Вечером пришёл наш черёд, и мы не пустили стариков.

Мулла прочитал обрядную молитву – никах.

В чистой клети мать постелила пышную постель. Проходя мимо, я нет-нет да и гляну в ту сторону краешком глаза. Но прежде надо угостить друзей, что помогли привезти девушку, и своих односельчан, у которых от летней жары пересохло в горле. Пусть повеселятся вволю, чтобы всю жизнь помнили, как гуляли на моей свадьбе.

Отец изрядно припас горькой тайком от меня, то же сделал и я, скрыв от него, – и водка льётся у нас, будто вода. У парней

развязались языки, говорят:

– Если так угощаешь, завтра, Айдар, умыкнём тебе ещё одну девку.

Хвалят меня, хвалят отца – ни дать ни взять ангелы мы, да и только.

Похвалу на свой счёт я бы вынес, но вдруг Гусман принялся за Василю.

– Девушку ты получил, паря, что надо. Живи и цени её по достоинству... Вчера, когда снимал её с забора, нечаянно тронул за талию. Ну и стан, скажу тебе, у твоей ненаглядной...

И ещё болтает что-то несусветное. Не выдержал я и, вызвав его в сени, сказал:

– Или прикуси язык, или я тебя вышвырну в окно.

Развезло Гусмана основательно, и в ответ он только хохочет:

– Ну что ты губы скривил? Я же не хаю невесту твою, а хвалю. Потому что есть за что.

– Будешь болтать лишнее, так и знай: вырву с корнем твой гадкий язык и выкину псам.

А Гусман всё не унимается, и глаза у него поблёскивают как-то странно.

– Покуда я ещё с языком, собирался сказать тебе всё, что знал. Слушать, видно, ты не намерен. Ну что ж, если так, пеняй на себя...

В сенях у нас горит всего одна лампа без стекла, однако, вижу, не без умысла прикидывается Гусман таким пьяным.

В душе у меня стало твориться что-то невообразимое, никогда такого не переживал. Опять пристаю к Гусману, но уже не помолчать велю, а требую выложить всё без обиняков. Он же как назло уставился на меня и не говорит ни слова. Ничего, ты у меня разговоришься! Придушу, но заставлю выложить всё начистоту! Гусман стоит, как истукан, и не шелохнётся. Знает, дьявол, что он мой гость, вот и хорохорится. Но всё-таки у него вырвалось:

– А что у меня выпытывать? Попривыкнете друг к другу, Василя сама тебе и расскажет.

Чувствую, стеснило дыхание в моей груди, тысячи змей враз зашевелились в сердце, и если хоть одну из них растравить сейчас, гиблое твоё дело, Гусман! Впившись в дружка глазами, хватаю его за шиворот.

– Что ты мелешь, курносый? Отвечай, что мелешь?

– Говорю же, придёт время, узнаешь от Васили...

– Ну нет! Сознавайся, что у тебя на уме?

А он стоит и скалится, ему хоть бы хны. Смотреть даже противно. Скрутил в руках ворот его рубахи и не знаю, что делать дальше.

Долго мы так стояли, уставившись друг на друга. И вот Гусман, усмехаясь и как ни в чём не бывало заявляет:

– А ты что разъярился? И сам, наверное, не святой. Василя ведь тоже человек. Тебя не было, но мы-то здесь оставались.

Большого мне и не надо. Или он как-нибудь докажет это, или все мои змеи враз накинутся на него.

По-видимому, Гусман и сам почуял, куда клонится дело, поэтому поднял руку и чуть ли не в глаза мне тычет мизинцем. А на нём поблёскивает серебряный перстень с сердечком вместо камня.

– Читай, – говорит, – что здесь написано...

На перстне крохотными арабскими буквами выведено: «Василя».

Я сразу протрезвел. Выпустил из руки ворот Гусмановой рубахи и ощутил себя одиноким и несчастным, как обгорелый столб. А дружок мой разошёлся, болтает невесть что и каждое его слово ранит мне сердце:

– Может быть, она думала, что ты не вернёшься, пропадал-то ты почти два года. Вестей о себе не подавал и появился совсем неожиданно. За это время перстень оказался у меня. Мы тут без тебя раза два справляли сабантуй, а сам знаешь, что вытворяют на нём мамалаевские девчата, особенно с парнями из других деревень.

Я словно оцепенел, застыл на месте. Стою и думаю, с чего бы начать. Прямо передо мной коптит лампа. Что если с неё и начать?

Гусман ушёл в избу, шумит, пирует вместе с гостями. А я возвращаться туда не могу, стою, словно ожидаю ещё чего-то.

Вышла Василя, сияющая, будто солнышко, но, увидев меня, так и ахнула:

– Что ты здесь делаешь, Айдар, один? Или голова разболелась? – Руки её тянутся к моему лбу.

Я отталкиваю их и, нахмурившись, говорю:

– Уходи! Иди в избу...

Она не уходит, стоит около меня и дрожит.

– Тебе говорят – уходи! – кричу я во всё горло. От моего крика гаснет в сенях лампа. Нас окутывает сплошная темень. Василю не видно, только слышен её тревожный голос:

– На что это ты вдруг обиделся, Айдар? Или стряслось что?

– С тобой разговор будет потом. Ступай в клеть и сиди, жди...

Она покорно уходит. Немного погодя доносится глухой щелчок дверного крючка. Ладно, человек, с которым надо свести счёты, в моих руках. Остальное потихоньку распутая.

Есть несколько способов для того, чтобы наверняка расстроить свадьбу. Первый – прикинуться вдребезги пьяным, зайти к гостям и с треском вышвырнуть Гусмана в окно. Да разве он виноват? Если девушка сама бросается в объятия, что же остаётся делать парню, как не обнять её? Потом, что ни говори, Гусман мой гость. А такого, чтобы гостя выбрасывали в окно, у нас в Ямбулатово ещё не бывало.

Другой способ тоже не совсем мне нравится. А вся беда в том, что не умею я делать дело подумавши. И размышлять – хорош второй способ или нет – не стал. Выбежал на улицу, подобрал увесистый камень и – бац! – им в собственное окно. Зазвенели и посыпались стёкла. Когда вошёл в избу, от свадебного веселья не осталось и следа. Гости изумлённо переглядывались и передавали из рук в руки увесистый булыжник. Наш сосед Саттар, сидевший против окна, стонал, обхватив голову руками. Меж пальцев у него сочилась кровь. Камень угодил в совершенно невинного человека. Не рассчитал...

Ну ладно!.. Стекольщик у нас свой: нам убыток на пятнадцать копеек, ему заработок на пятнадцать копеек, – а камень своё сделал.

Пока гости волновались, суетились и обсуждали это событие, я быстренько смотался. Прошёл в клеть к Василе и заперся на крючок.

Веки у девушки распухли от слёз. Голос дрожит, двух слов, бедная, связать не может. Мне же любой ценой надо добиться от неё правдивого признания.

Присмотреться, так это нежное создание для ногтя, вроде, великовато, для кулака маловато. А грех такой, что мало любое наказание. Но даже ногтем я не посмел её тронуть, рука не поднялась... Слишком хрупка она для мужской руки.

Можно отомстить иначе и, пожалуй, куда больнее и горше. Стоит только решиться.

Молча я подошёл к Василе. Коснулся рукой её талии – девушка вся затрепетала. Через маленькое окошко в клеть заглянула луна и осветила белую ножку кровати, которую смастерил из липы отец.

На свете есть приступ злобы, есть жажда мести. Но есть ещё и белая ножка кровати, застенчивая луна и трепещущая девушка,

которая сидит и уже давно дожидается тебя. Помню, как в голове у меня промелькнули такие мысли. Остального не помню. И я чуть было совсем не размяк, сгори в огне эта ножка кровати!

Много ли, мало ли времени прошло – не знаю. Луна спряталась за облако, в клети стало темно. Давеча, когда носился по двору, носком сапога споткнулся о камень, а ногу пронзила боль, будто ступил на горячие уголья. Зажёг спичку, посмотрел, не порвался ли сапог – и при свете нечаянно увидел: Василя, растерянная и испуганная, полулежит на кровати. Густые чёрные волосы рассыпаны по белой подушке...

Лучше бы я не видел всего этого! Поспешно потушил спичку и начал переодеваться.

– Ты что там делаешь, Айдар? – спросила она, почуяв неладное.

Я ничего не ответил. Оделся. Осталось только уйти, а ноги – ни с места.

Василя мягким голосом снова:

– Почему ты так... Айдар?

Станешь объяснять – дело затянется, не то ещё распустишь нюни и кинешься ей в объятья. Нет уж, мстить так мстить. Не оглядываясь, на ходу бросил:

– Я сейчас вернусь, – и ушёл прочь.

Так впервые в жизни я обманул Василю, другого же случая ни солгать ей, ни оправдаться перед ней не представилось.

Никому не сказав, я снова махнул в Донбасс.

VII

Василю я больше никогда не встречал, однако до сих пор не в силах забыть эту необыкновенную девчонку. Какой-то негасимый огонь зажгла она в моём сердце. В Янбулатово я не возвращался, а если бы и вернулся, прежней встречи мне бы не устроили. Если задуматься, дел-то наделал всяких, поэтому и думать не пытаюсь.

Изредка кое-что посылаю родителям. Денег, конечно, не так много, а слов и того меньше: «Где и как живу, писать вам не буду, деньги, какие вам посылаю, принимайте с чистой совестью». О Василе же ни-ни. Пусть любитесь надписью на перстне. И всё-таки тоскую я по этой девчонке. Вижу во сне. Но не ту, прежнюю, смеющуюся, а словно бы обиженную. Может, понапрасну наказал я девушку? Вот так думаю ночи напролёт, не сплю, терзаюсь, иной раз хоть пешком иди разыскивать её. А утром валяются на

меня новые заботы и заслоняют думы о Василе.

По правде говоря, осточертели мне шахты Донбасса. Всерьёз завладела думка податься назад – опять в деревню к борозде. Уже болтался на станции с котомкой за плечами... Но меня как беспаспортного схватили за шиворот... Впрочем, в ту пору и с паспортом не разгуляться было – шла война и государь-император всех забирал подчистую... Со мной тем более никаких церемоний, не дали и рта раскрыть. Смерили рост, взвесили на весах и, заявив: «Годен!» – отправили в казармы.

Объезжали там по-всякому и добились-таки, что из меня тоже вышел солдат. Да ещё какой! При этом, правда, пощипывали мою слабую струнку: говорили, лихая, мол, голова. А я и рад стараться!

С тех пор, как попал на фронт, служу в конной разведке. Каждый раз, когда, выполняя задание, выкину что-нибудь лихое во вражеском тылу, офицеры похвалят: «Молодец, гололобый! Всё это ради нашей великой империи, царя-батюшки, ради славы русского оружия». То да сё... Ради кого – до этого мне дела нет. Одно только здорово – вволю наездился верхом.

Кто бы мог подумать – такое совпадение: попал в одну часть с Гусманом. Рассказал он о своих детишках, о деревне, о родичах, а про Василю – ни звука. Думает, наверное, не стоит трясти старую шубу, пыли много будет. Но в один прекрасный день разговорились. Да так, что ничего не осталось на другой раз. Выяснили даже то, что в прошлом было покрыто тёмной завесой.

Случилось это вот как.

Однажды подходит ко мне офицер, командир нашей разведки, и говорит:

– Дело есть для тебя, Курбанов...

Стоит и смотрит в упор. И так пронизательно, что у меня начало лицо гореть – испытывал, так сказать.

– Для тебя, для одного, ну, если хочешь, и помощника дадим.

А что за дело, не говорит, должно быть, не простое. Ну и пусть, я и сам люблю, когда что-нибудь поопаснее да позаковыристее.

Потом дал понять, что растабаривать со мною больше не о чем. Но перед тем пообещал, будто поманил котёнка кусочком мяса:

– Сделаешь, как надо, крест на грудь и – на побывку... Запомни!

Что касается креста, пусть он сам с ним целуется, но услышав про побывку, я наострил уши.

Короче говоря, летним вечером вдвоём с Гусманом пошли

мы к немцам в гости. Их батальон стоял в небольшом польском селе, за лесом. Задание ясное: прощупать дороги, чтобы обойти батальон с флангов и ударить по тылам; точно разузнать, где расположен штаб батальона. Гусмана выбрал я сам, сказал, что он мой земляк.

Ночка выпала хорошая, только с девушками секретничать. В такие ночи поневоле вспоминается юность, хочется бродить по улицам родного села, петь во весь голос. Но сейчас не то что петь, нельзя и громко разговаривать,

Недалеко от опушки привязали мы коней к стволу старого дуба. Село почти рядом, через речку. Глядя со стороны, можно подумать, что жизнь здесь замерла и нет ничего, кроме костёла с блестящим куполом. Лишь изредка долетают до нас слова на чужом языке. Где-то поблизости прозвучала команда, сменились часовые.

Пробираясь зарослями густого тальника, мы подходим к селу всё ближе и ближе. Уже поравнялись с гумнами. Виднеются клети, большие амбары. Прохаживаются часовые. Да, тут наверняка склады у немцев. Нащупываю в кармане спички – пусть будут под рукой, – хоть играть с огнём не входит в моё задание.

Путь в село нам преграждает речка. Чтобы перейти её, нет ни кладки, ни моста. Надо искать их где-то пониже.

И в самом деле, мост оказался ниже, с южной окраины села. На том берегу, возле дороги, идущей от околицы, и каменный колодец с часовенкой. Немцев не видать. Похоже, что за этот участок они не волнуются.

Порыскали-порыскали мы и разглядели большие, наполовину вросшие в землю склады. Охраны – никакой. Вот если бы этим забытым местом заинтересовались наши! Мост выдержит, а случай этот очень подходящий, чтобы устроить немцам на этой польской земле жаркую баню.

Разведав южную окраину, мы дали основательный крюк и подобрались к селу с другого конца. Здесь не так удобно, хотя, если действовать с умом, окружить неприятеля можно. Для ориентира поставили вехи. Теперь разведка со своей задачей почти справилась. Осталось найти штаб.

Перевалило за полночь. И вот в такую пору, когда времени и без того в обрез, Гусман затеял спор. Он считает, что мы без всякой надобности лезем на смерть. Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймает. Хватит, говорит, вернёмся к своим. Пытается припугнуть меня тем, что лошадей можем потерять. Я

его и слушать не хочу, даже отвернулся. Наконец он принялся умолять. Со страхом в голосе стал шептать:

– Айдар!.. Айдар, ты чего дуришь?! Ну что ты за простофиля! Послали – пошли, что было по силам, сделали. Неужели и вправду хочешь отыскать их штаб? Как пить дать в селе нас за каждым углом подстерегает патруль. Потом, ты подумай головой. Где штаб? Известно, не в какой-нибудь чёрной избе. Где-нибудь посреди села, в доме под железной крышей. Вернёмся, так и скажем. Никакой чёрт не станет проверять.

Не пойму, говорит ли он всерьёз или притворяется, чтобы испытать меня? Знай я его мысли наверняка, показал бы я ему железную крышу...

– Ты это подумав говоришь или землю носом роешь, земляк? – со спокойной миной спрашиваю я его.

Гусман стоит как вкопанный, хоть бы слово в ответ. Но когда тронулись в путь, он опять начал канючить. На этот раз видно, что не притворяется: голос у него дрожит и срывается:

– Есть у меня тайна, которую хотел открыть тебе прежде, чем умру. О Василе... Но, видать, не суждено, не успею.

Гусман, конечно, рассчитывал, что упоминание о Василе в такую минуту смягчит меня. И верно, услышав это имя, я точно захмелел: ведь где-то есть ещё Василя, есть белая ножка кровати, есть застенчивый месяц и глаза, что могут смотреть на тебя с беззаветной любовью.

Сам не пойму, что за чувство пробудилось во мне. Я махнул рукой и сказал Гусману:

– Иди к лошадям и жди меня там... Один пойду.

Гусману словно только этого и надо было. Как пуганый козёл, припустился он по берегу и скрылся в кустах. Собравшись с духом, я направился в глубь села. Надо же высмотреть, в каком доме размещается штаб, и утереть Гусманов курносый нос.

Как говорится, чиркнул одной спичкой и сделал два дела. Храбрый солдат, он всё может. Вовсю запылял один из немецких складов. Пламя занялось до самого неба: вот, если не видел, полюбуйся, Гусман.

Поднялся шум, началась тревога. Толкая и подгоняя друг друга, забегали немецкие солдаты. Воспользовавшись сумятицей, я высмотрел, где находится штаб, а большего мне и не надо.

Пробрался в лес, к лошадям, Гусман, бедняга, глазам своим не поверил. Увидел меня – аж вскрикнул:

– Неужто живой?

Нашёл чему удивляться, ни черта со мной не случится...

Мы сели на коней и тихо едем лесной просекой. Разгорается чудесная зорька. В давнюю пору, когда похищали Василию из Мамалая, заря была точь-в-точь такой же. Я помню, что давеча Гусман хотел поведать тайну, связанную с Василёй. Почему же он молчит?

– Ну, пока оба живы-здоровы, Расскажи о Василе, обещал ведь.

Гусман вздрогнул, кинул на меня быстрый подозрительный взгляд. Рассвело, и я увидел его помутневшие глаза.

– В общем-то пустяки, – ответил он, пытаюсь отвязаться.

Но я настаиваю, и Гусману деваться некуда. Начинает издаലെка. Слушаю, не перебивая: рано или поздно доберётся до сути. Мы выехали из лесу. И тут Гусман заторопился, словно хотел, чтобы все тайны остались здесь, в лесу:

– Ты ведь попусту тогда горячку спорол. Толком ничего не разузнал, не расспросил, бросил девушку и ушёл. Куда это годится? А девушка-то была что ягодка...

Потом Гусман увлёкся собственным рассказом и голос его зазвучал увереннее.

– Признаться, я сам имел на неё виды и, кроме того, хотел отомстить тебе за прошлое. Помнишь тот сабантуй в Мамалае? Ты хлестнул меня плёткой по лицу, полгода не заживала рана. А злоба не проходила ещё дольше. Затаилась где-то в душе. Росла и росла. А потом представился случай отыграться. Поехали мы с тобой в Мамалай за Василёй. Помнишь, ты был по одну сторону забора, я – по другую. И когда переправляли Василию из сада, я стянул с её пальца перстень, подумав, что он может мне ещё пригодиться. Девчонка была такой оробевшей, что и не почувствовала. А тебе, чтобы разъяриться, этого оказалось предостаточно...

С таким смаком он всё это рассказал, будто языком не слова ворочал, а конфетку. Да и есть о чём порассказать – сделано мастерски. Осталось только головой покачать, изумиться. Вот, оказывается, сколько злобы вмещалось в душе этого небольшого, по-лисьи хитрого человека.

Во мне поднялась волна гнева. Знаю, просыпается старое, незабытое и не к добру. Пора рассчитаться за всё: за потерянную первую любовь, за пышные волосы Васили, за вёрсты, что находил пешком...

Но внезапно рядом прогремели короткие выстрелы. Мой конь рухнул на землю. Запомнил его большие жалобные глаза. Вот что

значит неосторожность: мы отвлеклись и напоролись на засаду. Могут помочь только гранаты за поясом.

Сдаваться я не собирался. Взял в руки по гранате и пошёл прямо на немцев. Гусман дико заорал:

– Ты что, Айдар, очумел?! Обоих погубишь!..

Я оглянулся и увидел, что он поднял обе руки вверх...

– Ах, так? Первую тебе, заячья душа! – И с беспредельной ненавистью метнул я в него гранату. Гул взрыва разнёсся по утреннему лесу.

Пламя, земля и вместе с ним мой односельчанин Гусман взлетели на воздух.

У меня осталось ещё три гранаты и одно сердце.

– Нате, это вам!

.....

Подоспели наши, вырвали меня из пасти смерти...»

Так обрывается увлекательная повесть, которую человек написал, даже ясно не представляя себе, для чего он это делает. Записал, потому что долго лежал в госпитале, скучал и не знал, чем заполнить время.

Этот удалец, чья жизнь прошумела, как вешний ручей, крепко засел в моём сердце и заставил о многом задуматься.

И вот в раздумье иду я по улице к моей недавней знакомой, военврачу с удивительно чёрными глазами, желая поговорить с нею пооткровеннее. Во всяком случае я должен получить ответ на вопрос: что стало с Василёй?

К счастью, я попал к ней в удобное время. Моя знакомая только что пришла с работы, ужинала. Как оказалось, настроение у неё было хорошее, и мы порядком засиделись.

Вначале она отнекивалась, говорила:

– О Василе знаю столько же, сколько и вы. Лишь по этой тетради.

Но потом призналась, что она и есть та самая Василя, а Айдар погиб от тяжёлых фронтовых ранений. Возможно, к ним прибавились нахлынувшие с новой силой сожаления по поводу совершённых в молодости ошибок.

...Несколько минут мы оба молчали. Затем Василя-ханум, поборов волнение, решила выговориться до конца. Она чуть приподняла голову и, грустно взглянув на меня, вернулась к прежней теме:

– Мы часто рассуждаем о счастье, хотя вряд ли всегда умест-

но. Наверное, неуместно и моё откровение. Но теперь ничего не изменишь. Айдар для меня – это время юности, первых бессонных ночей. Их не забыть и не вернуть, как не забыть и не вернуть самого Айдара. Наверное, с ним ушло моё счастье. Но я всё же шагала, старалась не отстать от других. Думаете, легко было все годы искать и не найти ничего, кроме этой тетради? Ошибаетесь...

Я не перебивая слушал её, а Василя-ханум, вздохнув, продолжала:

– На долю каждого человека могут выпасть жизненные испытания. Дело не в этом. Найти силы и волю, чтобы преодолеть своё страдание, несчастье – вот в чём главное. И я преодолела. Айдар же так и остался памятью моего сердца.

Она умолкла, потом тихо добавила:

– Если вы и в самом деле намерены опубликовать его записи, то об одном прошу, ради всего святого, не окрашивайте их в розовый цвет, сохраните, всё, как есть. Прежде всего он был человеком, человеком пусть и останется.

Спустя два месяца, весной, пришёл я снова к могиле незнакомого мне Айдара Курбанова. До меня здесь кто-то уже побывал. На могильном холме лежал свежий букетик ландышей с ослепительно-белыми бубенцами. И мне хотелось думать, что могилу воина Отечественной войны украсила цветами Василя-ханум.

То были трудные послевоенные годы.

Колхозы тянули из последних сил, чтобы прокормить не только своих тружеников, но не оставить голодным и город. Вдобавок – что уж греха таить! – приходилось, по настоянию властей, частенько помогать и вконец разорившимся соседям. Да ещё эти уполномоченные, толкачи, которые, требуя каждый своё, постоянно тормозили и понукали председателей... Каково тут было крутиться, выгадывать, а подчас и хитрить, чтобы свести, несмотря ни на что, концы с концами!

Сам я в те годы работал литературным сотрудником в областной газете. И вот, когда колхозы и без того страдали от наплыва разного рода представителей, а также от собственных и специальных корреспондентов газет и радиокомитета, путавшихся в ногах у работающих людей и порой мешавших им делать дело, – появился в колхоз «Светлый день» и ваш покорный слуга.

День-то выдался тогда светлый, но вот экономическое положение колхоза, прямо сказать, было не слишком радостным... Случилось это не в праздник, не в выходной даже, а в будни, в самый что ни на есть обыкновенный рабочий день, когда трудоспособному населению положено быть на полях и на фермах, в день, так же похожий на другие, как яйцо, какое ежедневно сносит курица. И вдруг на крыше одного из старых домишек аула, вернее, на коньке прогнившей, почерневшей уже от времени соломенной крыши я увидел вьющийся, весело щёлкающий на ветру флаг. Это меня, разумеется, удивило и обрадовало. Вот бы, подумал я, занести в блокнот, предназначенный для фиксирования положительных сторон нашей действительности, какой-нибудь из ряда вон выходящий фактик!

С твёрдым намерением – будет это уместно или нет – выудить у начальства причину столь необычайного события я направился в контору колхоза. Но не успел я и рта раскрыть, как разговор сам собой потёк по нужному мне руслу.

– Прямо не успеваю сегодня таскать этой тётушке Гильменисе письма, да ещё телеграммы идут одна за другой, – не то жалуюсь, не то гордюсь, говорила колхозная почтальонша, которая зашла в правление с сумкой, разбухшей от набитых в неё до отказа газет и писем. Вывалив на стол почту, она добавила: – К тому же ей

пришли два перевода, и сумма, знаете, очень и очень приличная! Интересно, куда столько денег старухе? На что она их потратит?

Девушка так же была напичкана новостями, как и её сумка. Она, видно, и всегда была не прочь поболтать, перекинуться шуткой с правленцами, но в тот день председатель Мурсалимов шутить был не склонен.

– Тётушка Гильмениса заслужила и не такое, – отрезал он. – А что касается денег, то для них кошелёк найдётся, не беспокойся!

Что правда, то правда: деньги карман не рвут. Девушка спорить не стала и удалилась. А вскоре я понял из разговора, что некой старушке исполнилось сегодня семьдесят лет и по этому именно случаю ей и шлют со всех сторон письма, переводы и телеграммы.

Решив, что, кажется, наступил удобный момент задать парочку солидных вопросов, я уже было прокашлялся и принял глубокомысленный вид, как вдруг заговорил главный бухгалтер. Вообще-то он работал простым счетоводом, но для пущей важности именовал себя «главным бухгалтером». До этой минуты он в разговор не вмешивался и с чванливым видом восседал за столом, заваленным кипами разных бумаг и папок.

– Чёрт с ними, с деньгами и телеграммами. Коли уж народила она детей больше чем было обитателей даже в Ноевом ковчеге, – пусть шлют. Это не суть важно, – сказал он, подсчитав необходимым для порядка сначала поддержать председателя, но потом добавил с такой серьёзностью, какая приличествовала бы лишь при решении вопроса государственного значения: – А вот вы мне скажите: что за безмозглый дурак, не дожидаясь, пока, как говорится, пройдёт пятница и настанет суббота, велел на её развалюхе вывесить красный флаг? Уж не собирался ли он придать семидесятилетию тётушки Гильменисы политическую окраску? Не укажут ли нам потом, что вот, мол, сделали из мухи слона? Ведь это буквально не лезет ни в какие ворота!

Но на сей раз Мурсалимов отрезал ещё резче:

– Лезет, лезет! Будь моя воля, я бы таких людей, как Гильмениса, которая вырастила столько дочек и сыновей и при этом только что носом землю не рыла, чтобы поставить их всех на ноги, выставлял прямо в музей. А если тебе охота узнать имя того дурака, что распорядился вывесить флаг, изволь, дорогой: это я. Вот так!

Тут Мурсалимов ни с того ни с сего повернулся ко мне. В прищуренных глазах его искрилось то особое мудрое лукавство, которое отличает людей, много лет работающих в самой гуще народа.

– Вот пусть рассудит товарищ корреспондент, – нарочно понизив голос, сказал он. – Кто посмеет нас упрекнуть, будто мы льём воду на мельницу разной контры, вывесив красный флаг на доме тётушки Гильменисы?.. Той самой мужественной Гильменисы, что, потеряв одного за другим двух мужей... Именно одного за другим, а не одновременно, потому что в нашем ауле есть и такие вдовушки, что оказываются сразу и без трёх мужей!.. Так вот, Гильмениса, о которой идёт речь, в молодости осталась совсем одна с тремя детьми на руках, но духом не пала и вывела всех в люди, а потом вышла замуж и овдовела снова, и на этот раз на её попечении оказалось четверо, однако и тут она разума не утратила, а работала, как хорошая лошадь, кормила сирот, сама ходила в лохмотьях, детишек же старалась одевать получше, учила и выпустила в свет уже оперившимися... А когда организовался колхоз – кто вступил в него одной из первых? Кто здесь у нас ломал хребет, не отказываясь ни от какой, самой тяжёлой, мужской работы? И кто на седьмом десятке лет шагал в ногу со всеми, ни в чём не уступая молодым?.. Я считаю, мы не имеем никакого морального права забывать в повседневной текучке о таких людях, как Гильмениса Рахманова! Не имеем!.. И если я ошибаюсь, то пусть меня поправит товарищ корреспондент из Казани! Пусть он напишет в своей газете, что вот, мол, председатель Мурсалимов перегнул палку! Пусть хорошенько продёрнет меня, я ничего не имею против!

Мурсалимов победно взглянул на меня и, увидев, что я немного сбит с толку и не могу сказать ничего вразумительного, раззадорился пуще прежнего:

– Днём вы, товарищ корреспондент, делайте что угодно. Подите, смотрите, беседуйте с людьми. А вечером – милости просим с нами за праздничный стол. Это официальное приглашение, так и знайте! Познакомим вас с тётушкой Гильменисой

и такое вам ещё порасскажем о её жизни, такую преподнесём выразительную женскую биографию, что перо ваше само запросится к бумаге, вот увидите!

Мог ли я устоять перед напором председателя? Недаром у нас говорится, что гость – ишак хозяина, и в данном случае я охотно принял на себя роль ишака. Лению я в молодости не отличался, наоборот, меня постоянно сжигало лихорадочное профессиональное любопытство, а потому я не отправился в какой-нибудь прохладный чулан, чтобы, подложив под голову пуховую подушку, а под подушку – блокнот, придавить муху в ожидании вечернего угощения. Нет, я вышел на улицу и отправился осматривать аул. Живописностью и благолепием он, увы, меня не поразил – то был самый обыкновенный, со всеми чертами послевоенной нищеты аул, где преобладали покосившиеся домишки, крытые соломой. И только один из этих домов, как две капли воды похожий на остальные, отличался от прочих огненно-красной бабочкой флага.

2

Клуб у них, конечно, был невелик и, как это часто бывало в те годы, занимал приземистое здание кое-как переоборудованной мечети. Зато внутри не ощущалось недостатка в плакатах и лозунгах. Но вот к чему, если вдуматься, им понадобился этот огромный, во всю сцену, покрытый кумачом стол президиума? И трибуна? И внушительный графин на тарелке? Уж не творчество ли это «главного бухгалтера», решившего, видимо, что если отмечать юбилей тётушки Гильменисы, то капитально, на широкую ногу!

А ведь куда как лучше поставить бы этот стол в зале. Мало одного – придвинуть к нему вплотную второй. А набралось бы гостей больше, чем ожидалось, притащить и третий, и четвёртый стол. Не беда, если получилось бы не слишком ровно! Но чтобы весело, на разные голоса, шумели самовары, звякали чашки и блюда. А если кому и захотелось бы смочить усы в чём-то покрепче чая, не стоило обижать и таких... «Ну как же без президиума?» – наверняка заволновался бы «главный бухгалтер». Пока не зашумело в голове от выпитого, можно было бы ему и ответить: «Постой-ка, дружище, разве это обычное собрание, на которых мы горланим до хрипоты каждую божью неделю? Если хочешь знать, это – праздник. Праздник человека, и именно ему

– человеку – подобает сегодня занять почётное место на сцене, которое он из скромности всегда уступает другим. Вот и посади его на всеобщее обозрение, пусть он один составляет тот пресловутый президиум. А если человек сочтёт для себя неудобным сидеть там одному, разреши ему выбрать среди гостей кого пожелает – близкого друга, ровесника, словом, того, с кем он имел обыкновение делить в жизни радости и невзгоды. И чтобы им не было там скучно, на непривычном для них возвышении, принеси кипящий самовар – ведь татарина чаем не испугаешь, – и пусть пьют сколько влезет. Можно незаметно поставить перед ними двумя и кое-чего покрепче, и уж как там они захотят – пригубить или нет. А сам, даже если ты и считаешь себя незаменимым в ауле, произнеси благопожелание, но только не сверху, как ты привык, а снизу, из зала, – потому что главный сегодня не ты, а другой. И если у тебя найдётся что преподнести юбиляру, встань и отнеси подарок на сцену, да так, чтобы не очень себя выпячивать, и не забудь сказать при этом несколько тихих дружеских слов. А потом – отойди, стушуйся, и пусть себе человек пьёт чай в своё удовольствие, ведь, кажется, ещё не было случая, чтобы кого-либо от злоупотребления этим напитком унесло в Каспийское море! Вот так-то, любезный!»

По правде сказать, я себе представлял, что в ауле, где догадались вывесить флаг по случаю семидесятилетия тётушки Гильменисы, чествование её должно было пройти так или примерно так... Но не тут-то было! Начались длинные стандартные речуги с цитатами из газетных передовиц. Начались приторные приветствия, пересыпанные пустыми бездушными словесами... И скромная, щупленькая старушка, с густой сеткой морщин у глаз, слушала всё это смущённо, с явно написанным на лице недоумением. Время от времени в глазах её вспыхивал лукавый огонёк, и тогда делалось очевидным, что человек она умный, много переживший и передумавший на своём веку, и что хотя ей, несомненно, приятно оказанное внимание, вся эта парадная шумиха претит ей.

А ещё я почувствовал, что тётушка Гильмениса больше всего рада возможности повидаться со всеми детьми и внуками и, когда очередной оратор в выпренных выражениях восхвалял её заслуги в области воспитания подрастающего поколения, старушка, не очень-то вслушиваясь в его слова, просто брала руку своей дочери Фасили, приехавшей по этому случаю из Казани, и мягко поглаживала, любуясь её нежностью и белизной.

И как же ей было не ликовать, не тешиться – ведь это же её ненаглядная Фасиля, дочка от первого мужа Барыя, которую довелось ей поднимать одной с двухлетнего возраста; и как же было трудно её, маленькую модницу, одевать, а вот она теперь сидит рядом с матерью – просто королева!.. И муж у Фасили тоже, слава Аллаху, большой человек, начальник, и какие подарки не поспешил прислать теще!..

Из пятерых дочек на юбилей приехали только две, остальные прислали вместо себя детей, и внукам тётушка Гильмениса была рада в особенности. Каждого ей хотелось посадить к себе на колени и ласкать, приговаривая: «Дитя моего дитяти – слаще мёда!», однако она не смела об этом и заикнуться, робея перед почти уже взрослыми молодыми людьми.

На другой день я отправился в дом тётушки Гильменисы и застал там страшную суматоху: в тесной комнатке толкались приезжие родственники, а также заглянувшие, что называется, «на огонёк» соседи, и бедная хозяйка совсем потеряла голову – то хваталась за самовар, намереваясь поставить чай, то опускала его посреди комнаты на пол и кидалась к подаркам, чтобы показать их гостям. Я тотчас понял, что зашёл не вовремя, однако уйти сразу было неловко. Тётушка Гильмениса явно устала от всей этой сутолоки, юбилейных хлопот, гостей и даже, хоть она и не желала себе в том признаться, от настырного и шумного внука, сына вышеупомянутой Фасили...

Говорить сейчас с ней было бы бессмысленно и, вспомнив предложение Мурсалимова погостить в ауле денёк-другой, я решил пока побеседовать с друзьями и сверстниками тётушки Гильменисы, а разговор с ней самой отложить до того времени, когда все разъедутся, да и сама она немного опомнится от навалившихся на неё нежданно-негаданно богатых даров, особенно если учесть, что один из них требовал от хозяйки неусыпного внимания, будучи полуторагодовой резвой тёлочкой, пригнанной с колхозной фермы.

Терпение моё было вознаграждено. Тётушка Гильмениса вскоре пригласила меня к себе, поставила на стол поющий самовар, разложила по тарелкам городские яства и сладости, и мы с ней уютно проговорили до поздней ночи. Она доверчиво рассказала мне про себя всё, с теми обыденными и точными подробностями, что и составляют неповторимую и правдивую картину человеческой жизни... И теперь мне, главное, не забыть бы чего существенного и довести до читателя эту замечательную

3

Гильмениса вступила в наш век двадцатилетней девушкой на выданье. Писаной красавицей её назвать было нельзя, но внешность её располагала людей с первого же взгляда. И когда она, стройная, яркая, звеня монетками, вплетёнными в толстые косы, мелкими шажками проходила за водой к ручью, на неё заглядывались не только юноши, но и давно женатые мужчины, которым не пристало в открытую любоваться молоденькими девицами. «Ишь какая дочка выросла у Альмухаммет-бая, – качая головами, говорили они. – Блажен будет тот, кому Всевышний предназначил её в жёны!»

Красота стройного тела счастливо дополнялась неотразимой прелестью карих блестящих глаз. Неправдой было бы сказать, что ресницы, точно острые длинные стрелы, как любят выражаться поэты, «охраняли покой её глаз», но пушистые и густые, они не были, однако, приучены их скромной хозяйкой кокетливо играть и вскидываться. Гильмениса отличалась простодушием, тем более очаровательным, что оно соединялось с природной живостью и естественностью. Случалось порой, что на лугу во время косовицы шалунишка ветер откинет неожиданно край платка, которым девушка покрывала голову, и тогда любопытному взгляду открывались тяжёлые косы, а то ещё и округлая, ослепительно белая шея... И тогда уж дай, о Аллах, самообладания бедным деревенским джигитам, чтобы они, не слишком-то избалованные такими подарками, не ахнули громко при всём честном народе!

Короче говоря, Гильмениса была как раз тем самым сказочным яблочком, наливным и румяным, что, созрев на ветке под ласковыми лучами солнца, само так и просится в руки. Молва приписывала ей живой ум, покладистый характер и даже учёность. Говорили, что с ней занималась сама абыстай, жена муллы, и книги она читала – будто воду пила, да к тому же умела водить пером по бумаге достаточно бегло, во всяком случае для того, чтобы самолично настрочить письмецо какому-нибудь джигиту.

У читателя, как в своё время и у меня, вероятно, уже возник вопрос: почему же дочь богача Альмухаммета, это наливное румяное яблочко Гильмениса, дожив до такого почтенного возраста, как двадцать лет, всё ещё в неприкосновенности висело на ветке? Почему в дом её отца никто не засылал сватов? Почему,

наконец, какой-нибудь смелый и ловкий, как коршун, джигит до сих пор не выкрал её средь бела дня, подобно тому, как коршун, падая камнем, хватает и уносит в поднебесье цыплёнка? Ведь в прежние времена умыканье невест у татар не считалось делом зазорным.

Причин тут много. Во-первых, Гильмениса, конечно, знала, что над её головой кружится несколько ловких коршунов, но сама ничуть не была похожа на цыплёнка, только и умеющего издавать жалкое, беспомощное «пью-пью». Девушка она была хоть и скромная, но знающая себе цену, и ни капельки не напоминала послушных, забитых подруг. На вечеринки она ходила редко, а если и придёт, то всегда норовит убежать одна, без провожатого, отговариваясь тем, что сама прекрасно помнит дорогу к дому.

Во-вторых, Гильмениса не считала для себя возможным поддаваться ухаживаньям первого встречного. Она держалась с достоинством, которое иными завистниками принималось за высокомерие. Подумать только! Ей предлагают звезду с неба, так нет – подавай ей не простую звезду, а самую что ни на есть яркую, самую голубую!

Третья причина мучила не только её обожателей, но и саму Гильменису. Она была дочерью главного богача в ауле. Сколько влюблённых проплакали себе все глаза из-за такой несправедливости и неравенства, скольким хорошим людям это сломало судьбу – не перечесть! Сейчас кое-кто из молодых, слушая подобные истории, недоверчиво пожимает плечами. Сегодня, конечно, тоже не всякий родитель согласится отдать любимую дочку за шалопая, направо и налево швыряющего деньги, заработанные отцом, и неспособного ни к какому труду. А в те времена, когда богатство и бедность разделяли людей, точно глухая стена, лавочник Альмухаммет, считавший себя не более и не менее как «пупом земли» и не особенно-то якшавшийся даже с самыми привилегированными людьми аула, вряд ли по доброй воле согласился бы отдать свою единственную дочь Гильменису в руки первой постукавшей в его ворота свахи.

И всё же, несмотря на баснословное богатство Альмухаммета, несмотря на недоступность его несравненной дочери, нашёлся джигит по имени Хафиз, которого, при всём желании, никто не назвал бы птицей высокого полёта, так как всё имущество его заключалось в домике под соломенной крышей, худой коровёнке и четырёх или пяти овечках, но зато стареющие родители его были, не по положению своему, горделивы, да и сам он слыл первым в

ауле песенником, плясуном и к тому же непобедимым батыром на всех сабантуях. Так вот, хотя Хафиз ничем, кроме вышеперечисленных достоинств, не обладал, он всё же осмелился вить между собой и Гильменисой невидимые для постороннего взгляда, тончайшие, словно паутинка, нити – нити любви. О, конечно, он делал это поначалу с великими предосторожностями, чтобы не попасться на злые языки. И тут на помощь молодым людям пришло уже упомянутое умение Гильменисы водить пером по бумаге, умение, которое девушка приобрела благодаря своим способностям и старанию. Поистине – молодость и любовь могут долбить даже камень!

Да что камень! Вы только послушайте, что выкинула наша недотрога, гордячка Гильмениса, которую привыкли считать единственной полной луной на небосводе аула и до которой никто ещё не мог дотянуться. Гуляла-гуляла она в вышине одиноко и вольно, а потом взяла да и опустилась к бедному дому Хафиза, что лепился на окраине аула, у самого моста. И какую же для этого придумала хитрость: как-то пришла в лавку Альмухаммета тётушка Сарби, мать батыра Хафиза, за солью, а Гильмениса возьми да и нацарапай на бумаге записку и заверни в неё эту самую соль! А в записке стояло: «Хафиз, сегодня под вечер я буду искать телёнка в кустарнике возле вашего дома». Вроде бы выстрел в воздух, но прицел у Гильменисы был верный. Хафиз, у которого сроду не имелось бумаги на закрутку, непременно кинется к обёртке из-под соли и прочтёт эти слова. Ну а если не заметит сразу – что ж, придётся «искать телёнка» в кустарнике завтра и послезавтра... Коль уж проснулась в ней страсть, не отступится Гильмениса от своего, так или иначе, а встретится с Хафизом.

Ведь хоть и была эта записка первой, но ещё раньше они тайно читали слова любви друг у друга в глазах. А что касается записки, то она сыграла решающую роль в их отношениях. Всё было тихо в ауле в тот вечер, и небо сияло звёздами, когда дочь Альмухаммета и батыр Хафиз, встретившись в кустарнике, искали «пропавшего телёнка», преспокойно жевавшего в это время жвачку в хозяйском хлеву.

Вот каким образом спустилась гордая девушка на грешную землю и убедилась в том, что на земле приятно и сладко, да если любимый, как бы невзначай, нежно коснётся твоей руки, а потом ещё и обнимет, то можно очень легко и для себя незаметно снова взлететь вверх и оказаться на седьмом небе.

Впрочем, поиски «пропавшего телёнка» не остались, увы,

незамеченными. В доме, где привыкли следить за каждым её шагом, столь долгое отсутствие Гильменисы вызвало настоящий переполох. Поползли слухи и по аулу, которые, докатившись до ушей Альмухаммет-бая, взбесили его вконец. Это ведь только сказать легко, а каково слушать? Такое ничтожество, как сын Хасанши Хафиз, у которого во дворе и палки не сыщешь от собаки отбиться, посмел протянуть лапу к единственной дочери главного богача аула! Да ещё когда к Альмухаммету зачастили сваты со всей округи.

Но чем больше противились этой любви родители, тем изощрённее ухитрялись их обманывать молодые. Альмухаммет перестал отпускать семье Хасанши товары – ни за наличные деньги, ни тем более в долг. «Пусть эти набитые песком башки, – заявил он во всеуслышанье, – и близко не суются к моей лавке!» Но влюблённые, не обращая никакого внимания на все эти препоны, уже не довольствовались невинными записками на клочке бумаги, а едва лишь аул погружался в сон, батыр Хафиз, перемахнув через высокий, обвитый колючей проволокой забор, преникал к окошку, за которым его ждала Гильмениса. Правда, она вольничать ему не разрешала и не спешила, как поётся в песнях, втянуть к себе возлюбленного в окно. Но и она уже не была прежней и долго шепталась с Хафизом, а перед тем как отпустить храбреца, подставляла для поцелуя горячую щёку. И, ах, какими сладостными были эти робкие, торопливые, опасные поцелуи, когда за стеной слышно дыхание спящих родителей! Волшебство, да и только.

Но волшебству этому неожиданно пришёл конец. Кто знает, как бы оно всё обернулось между двумя влюблёнными – возможно, дело и не ограничилось бы одними этими воровскими поцелуями через окно. Да Альмухаммет подкупил кого надо, и в ту же осень Хафиза забрали в рекруты.

Если бы его часть стояла в Лаишеве или Казани, то он мог бы иногда приезжать домой на побывку, а нет – сама Гильмениса навестила бы его при случае. Но его послали к чёрту на кулички, за тридевять земель от родного аула – к самому Чёрному морю, откуда, по слухам, возвращаются не раньше, как через шесть долгих лет. И то, если, на счастье, не будет войны. А вспыхни она ненароком, кто первым отправится на дно моря, прямо в пасть большеротым рыбам-китам? – думала в отчаянье Гильмениса. – Конечно же, её ненаглядный красавец!

Как будто война разбирает, кто красавец, а кто урод, и боль-

шеротые рыбы-киты, что живут на дне моря, только и ждут, как бы полакомиться Хафизом!

Что поделаешь, ни в одной из прочитанных Гильменисой книг не говорилось, как должна страдать девушка, разлучённая со своим любимым. И только, бывало, ляжет она в постель, как её обступали кошмары, и представлялось, что вот сейчас, в самую эту минуту, погибает в пучине морской Хафиз... Гильмениса шептала страстно: «О Аллах, сделай так, чтобы свет моих глаз не стал пищей большеротой рыбы-кита! Сделай так, о Аллах!» И лишь тогда успокаивалась и засыпала, когда ей казалось, что она убедила Всевышнего.

Возможно, на неё повлияла болтовня досужих соседок, но в одну из таких ночей (днём-то ей недосуг было думать об этом, забот полон рот, присесть и то некогда; накормить скотину, натащить воды, убрать в доме – сорок дел у неё и ещё сорок первое ждёт своей очереди!), так вот, в одну из ночей, когда Гильмениса прочла уже все молитвы и как будто умилила Аллаха, ей вдруг пришла в голову мысль, что, мол, сейчас-то ей за двадцать, но сколько же будет ей лет, когда Хафиз, кончив службу, вернётся в аул? Да хорошо ещё, если он не забудет данных ей клятв, а если разлюбит? Вон и письма поступают от него всё реже и реже, хотя – кто знает? – есть ли у солдата время писать! Домой к ней писать он не осмеливался, а мать Хафиза Сарби, быть может, припрятывала его записочки Гильменисе, не желая окончательно портить отношения с лавочником? Или почта плохо работает?

Гильменису одолевала тревога. А тут ещё языкастые сплетницы, намекавшие ей ядовито, что она и так почти уже старая дева... А возраст, которого достигнет Гильмениса к концу срока службы Хафиза, и вовсе повергал её в трепет.

Родители Гильменисы тоже тем временем не сидели сложа руки. В один из базарных дней лавочник Альмухаммет вернулся домой в отличном расположении духа. Торговля была удачной и, главное, он нашёл наконец человека, за которого не стыдно было отдать дочь. Не откладывая дела в долгий ящик, зашевелились сразу обе высокие договаривающиеся стороны. Жених заслал сватов, родители невесты принялись готовить приданое. Но удивительно, что Гильмениса узнала обо всём последней, а узнав, ужаснулась. Наречённым её был горбатый сын чардаклинского муллы, который в данный момент протирает полы своего

джиляна¹ в Мачкаринском медресе и, благодаря своей редкой тупости, так и остался пишкадамом². Даже по мнению правоверных мусульман, это был человек, который «косит сено дугой», а по-русски сказать – «ни богу свечка, ни чёрту кочерга».

Гильмениса, обычно славившаяся своей выдержкой, тут просто вышла из себя. Полудетские, наивные её страхи, что Хафиз погибнет в пасти кита, отступили на второй план. Проплакав о нём ночь напролёт, она, однако, решила, что плетью обуха не перешибёшь, и Хафиз, видимо, для неё потерян. Но вот сломить свою гордость, плестись на поводу у спесивого отца и покорно выйти замуж за нелюбимого – это было не в её характере.

Та самая девушка, которой, как и её подружкам, было уготовано судьбой пройти по жизни мелкими понурыми шажками впряжённой в повозку клячи, возмутилась против этой незавидной доли. Привыкшая таить обиды в себе, помалкивать и в тех случаях, когда бы следовало поднять голос, Гильмениса, хотя и принадлежала к числу людей, про которых говорят в народе, что они не выставят напоказ руки, даже если она переломлена, вдруг ощутила в себе силы отомстить неповиновением не только самодуру-отцу и общественному мнению аула, но самому Аллаху.

Так как Гильмениса ни словом не возразила родителям, то они приняли её молчание за знак согласия.

А она, чтобы у домашних не возникло на её счёт и тени подозрения, не стала, правда, как подобает просватанной, проливать слёзы над раскрытым девичьим сундуком, но однажды под вечер, не посчитав даже нужным хоть с кем-нибудь посоветоваться, вышла из дому с вёдрами и коромыслом.

Оставив вёдра в тальнике у ручья, она отправилась налегке в покосившийся домишко их бывшего батрака Барыя, ничем среди прочих не выделявшегося, разве что влюблёнными взглядами, которые он бросал иногда на хозяйскую дочь. В доме никого, кроме Барыя, на счастье, не оказалось, а Гильмениса была в таком состоянии, что, несмотря на строжайший мусульманский запрет разговаривать с малознакомыми мужчинами, от которых ей полагалось «прятать язык», так и выпалила прямо с порога вместо приветствия:

– Барый, я пришла к тебе, чтобы выйти без родительского благословения замуж... Возьмёшь меня?

¹ Джилян – одеяние учащегося мусульманской духовной школы.

² Пишкадам – оставшийся сверх своего срока в медресе.

Она стояла перед ним, и сердитые, злые слёзы застилали ей глаза.

– Пстой, что ты!.. – пробормотал вконец растерявшийся Барый. – Проходи, Гильмениса, присядь на нары.

Бедняга! Он был так ошеломлён её заявлением, что потерял способность соображать.

– Я не для того пришла, чтобы с тобой рассиживаться, – отрезала Гильмениса. – Скоро меня хватятся, надо решать. Говори, согласен ты взять меня в жёны? Если да, то тянуть нечего, пошли прямо сейчас по берегу до соседнего аула Челянле-куль и пусть нам прочтут никах. Не бойся, у меня есть, чем заплатить мулле. Всё-таки я дочь Альмухаммет-бая.

– То-то и есть, Гильмениса, – тихо ответил Барый. – Ты дочь богача, а у меня, сама знаешь, над головой небо, под ногами земля, вот и всё моё имущество!

– Ничего, не пропадём, для начала и этого хватит. Будем работать. А если придётся, то и поголодаем. Ты меня, главное, не гони обратно в ту сторону... – Гильмениса махнула рукой в направлении родного дома. – Я там все нити оборвала...

Так Гильмениса вышла замуж за последнего бедняка в ауле... Но чем это кончится? Ах, чем бы ни кончилось, у неё было сейчас одно на уме: кто падает сам – не плачет!

4

Жизнь, однако, – скотина довольно упрямая. Даже если только и делаешь, что гладишь её по шёрстке, она порой поворачивается к тебе задом и лягает изо всех сил. А Гильмениса, как вы, вероятно, успели заметить, не из тех, кто любит гладить по шёрстке...

Несмотря на храброе заявление: «кто падает сам – не плачет», ей всё же случалось пролить порой втихомолку слезу. А бывало, хоть глаза её сухо блестели, она горько рыдала в душе. Конечно, выходя замуж за Барыя, она знала, что у него нет ничего, кроме покосившегося домишки да горбатой сестрёнки Камар, и не в том было горе. Но она не предполагала, что весь аул так дружно ополчится против неё и осудит. У людей просто не укладывалось в голове, как это дочь самого Альмухаммет-бая, от милости которого зависели все жители округа, взяла да и преступила отцовскую волю, перешла в дом нищего батрака. Они не могли ей этого простить, потому что их это унижало: ведь мало

кто мог себе позволить проявлять такую строптивость! А родители Гильменисы рвали и метали от сознания собственного бессилия: несмотря на богатство и власть, они не в состоянии были что-либо изменить – вернуть скатившийся с их рук колобок невозможно, никах состоялся, замужество дочери узаконено. Хоть проклинай её теперь, хоть поноси последними словами, запрети переступить порог отцовского дома, лиши приданого – ничего уже не поможет. Недоумение соседей, проклятья родителей, которые чуть не каждый день доходили до Гильменисы, не могли её, однако, поколебать и только пуще укрепляли её мужество: «Вот я вам ещё покажу, как славно мы будем жить с Барыем! Нисколько он не хуже других! Руки-ноги у него есть, в груди бьётся доброе сердце – всё наладится».

Наутро после законного никаха она, засучив рукава, принялась за дело. Ласково взглянула на Камар и попросила её помогать ей, и маленькая горбунья, которую никто ничему не учил, охотно включилась в работу. Сперва они обмазали облупленную, всю в трещинах печь – загрунтовали красной глиной и побелили раствором извести. Чёрная задымлённая печка так и засияла. Затем отскребли ножиком и вымыли до яичной желтизны нары и пол. Одежду Барыя, которую он по старой холостяцкой привычке разбрасывал где попало, аккуратно развесили на гвоздики. И постепенно дом принял семейный, обжитой вид.

Всё меньше стало у них бывать разных бездельников, имевших прежде обыкновение собираться по вечерам в одинокой берлоге Барыя, курить, перемывать кости соседям и заниматься пустословием, наблюдая, как хозяин плетёт лапти. Гильмениса не отваживала гостей грубым словом, но обстановка в доме была такой, что даже самые толстокожие понимали: они здесь больше не ко двору.

Гильмениса своим трудолюбием и добротой вдохнула жизнь в запустелое это жилище. И даже Камар, росшая как чертополох, сама по себе, дикарка, не умевшая прежде ни следить за своей внешностью, ни убрать в доме, ни вымолвить путного слова, теперь стала умываться, причёсываться, сама, без напоминаний, хваталась то за вёдра, то за веник и, главное, подружилась с всегда приветливой и ласковой к ней Гильменисой.

А однажды Гильмениса заметила, как её золовка, держа в руках осколочек зеркала, обгоревшей спичкой сурмит себе брови... Это зрелище вызвало у неё жалостливую улыбку. Ведь у бедного, обиженного судьбой подростка не было даже приличного

платьишка и, когда Камар поднимала руку, под мышкой зияла огромная дыра. В этом отношении, впрочем, не могла ничем похвалиться и сама Гильмениса, которая как убежала из дому в одном платье, так до сих пор и носила его.

Порой её подмывало заявиться под родительский кров – нет, не насовсем, а только за своими вещами, но каждый раз останавливал страх перед жестоким отцом. И едва лишь, бывало, загрязнится её одежда, она выгоняла Барыя во двор, занавешивала тряпками окна, постирывала всё своё и золовкино до последней нитки и развешивала тут же сушить, чтобы завтра надеть чистое.

Несмотря на нищету, она не считала удобным даже через людей просить у своих домашних отдать ей хотя бы то, что хранилось в личном её сундучке. Ей казалось унижительным обращаться к посторонним с такой просьбой, да и родителей не хотелось выставлять с дурной стороны – ведь в ней всё ещё теплилась надежда, что пройдёт какое-то время, и растопится сердце если не у отца, то у матери... И Гильмениса ждала.

Как вскоре выяснилось, ждала она не напрасно. Мать и вправду не выдержала. Без родительского благословения и у других, случалось, выходили дочери замуж. Но только вопрос – за кого? Вот что мучило и с чем долго не могла примириться несчастная мать. И вот настал день, когда Альмухаммет по торговым делам отлучился из аула, и в дом Барыя в роли тайного посла от матери постучалась соседка. Она передала Гильменисе узел с одеждой и одеялами, а также – материнское сердце не камень! – с прекрасным, вышитым жемчугом головным убором – калфаком, который, преисполненная тщеславным желанием видеть родное дитя самым нарядным в мире, мать купила на деньги, скопленные потихоньку от мужа.

Получить этот узел было для Гильменисы тяжёлым испытанием. Она уже успела привыкнуть к своему положению отверженной. И вот нахлынули снова воспоминания о прежней, богатой и сытой жизни. Сражённая тем, что в этот узел, вместе с вещами было явно вложено и великодушное прощение, Гильмениса ничком упала на нары и разрыдалась. Барый и Камар растерянно стояли в сторонке, не зная, что предпринять. Только пережидали, вздыхая и посапывая, пока отплачется Гильмениса. А она вдруг подняла голову и взглянула на них подпухшими, но уже сухими глазами.

– Вот распорю завтра и сошью платье для Камар, – сказала она, – выбрав из вороха самый красивый наряд. – Всё-таки она

у нас девушка, нехорошо появляться на людях с прорехой под мышкой. А из этого, оно у меня не долго поношено, сделаем ей что-нибудь на каждый день...

Гильмениса умолкла, не зная как выразить то, что было у неё на душе. Среди всех этих тряпок не нашлось ни одной, которую можно было бы подарить Барыю.

— А что, если... — начала она, и лукавая улыбка сморщила её губы. — Что, если ты вместо тюбетейки будешь носить этот калфак? Разве ты не зять самого Альмухаммет-бая? — попыталась пошутить Гильмениса, но тут же положила калфак на место. Всё-таки ей было пока не до шуток. — Не бойся, мы найдём, куда его деть. Смотри, сколько жемчуга, это очень дорогая штука!

В тот вечер они, как обычно, пили чай, слегка подбелив его козым молоком. Но хотя у самовара был разбит колосник, он выглядел вполне прилично, так как Гильмениса не ленилась ежедневно драить его песком. Разговор ничем не отличался от повседневных, и только Камар, возбуждённая обещанием Гильменисы сшить ей новое платье, то и дело вспыхивала от распиравшей её радости. Улучив минутку, она сказала:

— Меня дразнят горбатой из-за того, что я всегда хожу такой замарашкой... А вот, даст Аллах, наряжусь в новое, и перестанут люди замечать мой горб!

У Барыя и Гильменисы даже слёзы навернулись на глаза. До конца чаепития никто не проронил больше ни слова. Очень тихо было у них в доме в тот вечер, но это не была тишина отчуждения, а, напротив, тишина доброты, понимания и любви. Вряд ли бы нашёлся во всём ауле Ташлыяр человек счастливее этих троих.

На старый засаленный пуховик Гильмениса торжественно постелила белоснежные простыни, на подушки надела новые наволочки. Барый, наблюдая за женой, испытывал неясную ему самому неловкость, и в конце концов сказал с детским упрямством:

— Не буду я ложиться в эту постель. Не усну я тут, честное слово... Желудок собаки не принимает топлёного масла!

Но Гильмениса не пожелала его и слушать и просто силком заставила лечь.

Назавтра, проснувшись первым, Барый долго лежал рядом с Гильменисой и улыбался. Потом, не утерпев, разбудил жену.

— Тебе, видно, на пользу спать в чистой постели, — прошептал он. — Никак не проснёшься... Да и я, по правде говоря, доволен. И знаешь, какой мне привиделся сон? Слушай!

Будто с поля на аул скачет табун... А лошадь для мужчины – самая что ни на есть священная скотина. Неспроста этот сон, ой, неспроста... Да ты слушай, что в конце-то было. Главный смысл в конце! Вдруг от табуна отделяется жеребёнок, белоногий стригунок, и прямёхонько вбегает в наши ворота. И странное дело – никак было не выгнать его со двора... Говори что хочешь, Гильмениса, – жарко шептал он жене в ухо, – но не всегда такой тусклой будет наша жизнь. Не всегда! Вот припомнишь потом эти слова непутёвого своего мужа. В будущем году будет новый передел земли, и если ты, с помощью Аллаха, подаришь мне маленького Барыя, то нам нарежут уже не одну, а целых две доли. Тут-то и придёт на нашу улицу праздник. Потому что это для нас с тобой настоящий праздник, родная! Попробуй прокормить семью, имея один надел, но если их будет два...

– Зачем мне второй Барый, когда у меня уже один есть? – попробовала она отшутиться. – Вполне подойдёт и Ахат. Так зовут сына Шамсиджихан, которая доводится мне тёткой по матери. Уж такой этот самый Ахат молодец! Схватит его отец за ногу, бросит в озеро, а он побултыхается да и выплывет... Прямо не мальчик, а рыба, честное слово.

Белоногий ли жеребёнок, что приснился Барыю, или ещё что сыграло тут роль, но только ровно через неделю после этого сна, который им обоим очень хотелось выдать за доброе предзнаменование, к ним в дом нежданно-негаданно пожаловала сама Шамсениса, жена Альмухаммет-бая. Сухо поздоровалась и остановилась в дверях, не зная, как начать разговор. Видно было, что она, хоть и не ожидала увидеть хоромы, всё-таки страшно поражена бедностью обстановки, в которой теперь живёт её дочь.

– Проходи, мама, – стремительно поднялась ей на встречу Гильмениса и, бросив на краешек нар тюфячок, подошла и схватила мать за руку.

– Нет, проходить я не стану, скажу тебе здесь, у порога, несколько слов и уйду.

Она потянула дочь на летнюю половину дома и, убедившись, что никто их не слышит, не видит, шлёпнула Гильменису сперва по левой, потом по правой щеке, стараясь, впрочем, чтобы дочери не было больно.

– Клятва была у меня такая, – поспешно объяснила мать. – Если не исполню, боюсь, как бы не случилось чего дурного...

И в ту же секунду кинулась Гильменисе на шею и зарыдала. А на прощанье сунула дочке небольшой узелок. Там оказались

деньги, собранные втайне от Альмухаммета. Но что было куда ценнее денег, Шамсениса перед уходом не забыла снова заглянуть в дом и сказала, правда, без особых там слащавостей, зато ласково:

– До свиданья, зять. Не обессудь, что я вот так забежала к вам, точно угорелая, наспех. Пока иначе нельзя.

Для бывшего батрака Барыя это было величайшим почётом, что с ним не погнушалась проститься хозяйка, а для Гильменисы важно тут было другое: раз мать назвала Барыя зятем, значит, она даёт им своё благословение.

И всё-таки вещий сон Барыя в полной мере не сбылся. На второй год их совместной жизни, в тот самый год, когда должен был состояться передел земли, Гильмениса родила ребёнка, но не сына, которого с таким нетерпением ждал муж, а дочку. Мечта о дополнительном наделе так и осталась мечтой. Это было ужасным разочарованием для Барыя, а Гильмениса не смела поднять глаз на мужа, точно совершила какое-то преступление. В свою очередь, Барый, понимая причину её страданий, старался утешить её, как умел. То и дело он брал дочку на руки, перебирал ей пальчики и гладил редкие волосёнки.

– Вот чудо-то, всё на месте, – бормотал он растроганно. – И ведь видно уже, что она будет похожа на тебя, Гильмениса. Ты посмотри на её глаза, ну вылитая ты, честное слово!

– Ах, Барый, ещё пять раз она переменится, так что сейчас пока рано судить, – нехотя отвечала Гильмениса и, отняв девочку, укладывала обратно в люльку. – Не приучай ребёнка к рукам, а то так и будем таскать её день и ночь – а нам с тобой недосуг.

В сердитых словах Гильменисы сквозила обида – конечно, не на Барыя, в чём же он виноват? И не на младенца – как можно обижаться на эту кроху, только что оторвавшуюся частичку собственного сердца... Обида была на себя: не оправдала надежды мужа. Вместо сына родила дочь. Но что поделать? Тут вмешалась судьба, а на судьбу ропщи не ропщи – не поможет.

Сколько несправедливости в жизни! То, что на свете есть бедные и богатые, Гильмениса знала давно и считала, что такова воля Аллаха. Но вот пришлось ей столкнуться с несправедливым людским законом: женщине не положен земельный надел. А, собственно, почему? Разве она – не человек? С руками, ногами, ртом? Впервые задумалась она над такими вещами всерьёз.

Сумрачным ходил и Барый. Залатать все дыры плетеньем лаптей было невозможно. «Как дальше жить, чем кормить се-

мью?» – лихорадочно соображал он. Незаметно наблюдая как-то из своего уголка за женой, которая кормила младенца, а тот захлёбывался от жадности, чмокал, урчал и хватал ручонками тугую белую грудь, Барый вдруг схватился за голову. Гильмениса заметила его удручённую позу, глубоко вздохнула, но ничего не сказала.

– Послушай, Гильмениса, – повёл Барый странную речь. – Что, если я вас покину недельки на две? Ты-то, конечно, разлуку выдержишь, вон у тебя на коленях твоё утешеньице, а каково будет мне? Но ничего, ничего, – торопливо оборвал он себя и стал с наигранной бодростью толковать о том, что вот-де двое парней из аула Ярмакбаш уехали на строительство дороги Мамадыш – Казань, поработали там каких-то полмесяца и привезли домой целых пятнадцать рублей!

Говоря это, он загорелся уже не на шутку, словно деньги, которые ещё предстояло ему заработать, позвякивали у него в кармане. Но в горячем блеске его глаз, устремлённых на жену и ребёнка, отражался страх: как он с ними расстанется? Две недели – это ведь так долго!

– Ох, Барый, в такую жару? Мостить дорогу под палящим солнцем? – воскликнула Гильмениса, с жалостью взглянув на мужа, который – она знала – отнюдь не мог похвастаться железным здоровьем.

А Барью почудились в её словах насмешка и недоверие. Он больше не колебался. Со дня женитьбы он никогда ещё не проявлял подобной решительности. Вообще-то он был с ленцой и только пример работающей и деятельной Гильменисы постепенно вытравил из него эту дурную черту.

На другой же день, уложив в котомку необходимые мелочи да, на всякий случай, пару новых лаптей, Барый отправился в путь.

Однако каждый час, проведённый Барыем в отлучке, казался ему неделей, а каждые сутки – годом. Он действительно сильно любил Гильменису и в ребёнке своём души не чаял. Оправдались и опасения жены: жара стояла несусветная, изнуряющая... Поработай-ка в такой зной от зари до зари среди камней и пыли – мозги высохнут! А чуть выпадет свободная минутка или ночью, едва лишь приляжет он в бараке на нары, – тоска по дому грызла его. И тотчас возникала перед глазами картина, как жена сидит и кормит младенца, а ребёнок, причмокивая, хватает ручонками тугую белую грудь... И всё-таки он решил не сдаваться, проработал на стройке не две недели, как раньше предполагал,

а целых два месяца, купил жене и сестрёнке в подарок платки, душистое мыло и отправился, наконец, обратно.

А дома, в разговоре с женой, выяснилась хотя и забавная, но в общем досадная вещь: Гильмениса за это время получила от мужа двенадцать писем, но все они были похожи одно на другое, как две капли воды, и неизменно начинались словами: «Свет моих глаз, душа моя Гильмениса, оказывается, я тебя не ценил, пока ты была рядом...» Смущённый Барый рассказал, что, не зная грамоты, он за приличную плату нанял шакирда¹, а этот ловкач строчил всем без разбору одинаковые писульки, пересыпая их, для красоты слога, слащаво стандартными оборотами. Узнав это, Барый пришёл в ярость, но шакирд, оставшийся на Мамадышской дороге, уже был недосыгаем, а Гильмениса, которой адресовались все эти пустые и глупые письма, наоборот, была рядом и весело хохотала. Удивительно, это только ещё больше сблизило их.

Деньги же, заработанные Барыем и положенные им для сохранности на самое дно сундука, послужили причиной небольшого раздора между женой и мужем. Барый намеревался купить на них для Гильменисы новый бешмет. Бедняжка всё ещё мучилась стыдом, что родила не сына, а дочь, и ему хотелось поднять ей настроение. Но Гильмениса и слышать не желала ни о каком бешмете. Она предлагала продать козу, прибавить к вырученным деньгам те, что лежали на дне сундука, а также серебряные монеты, принесённые матерью, и постараться к осени купить нетель. Она настаивала на своём ещё и потому, что в отсутствие Барыя Альмухаммет-бай – то ли, наконец, смягчившись, то ли, напротив, желая пуще унижить дочь, – передал ей через людей следующее: «Пока её нищего избранника нет дома, пусть придёт ко мне на поклон и возьмёт белоголовую тёлку. Но пусть знает нечестивица, что я не насовсем отдаю ей тёлку, а лишь временно, и то из жалости к младенцу!» Гильмениса оскорбилась и ни слова не стала передавать отцу – ни согласия, ни отказа. Просто не пошла ни за какой тёлкой и всё. И даже родному мужу не рассказала о пролитых ею по этому поводу горьких слезах обиды.

Вообще к этому времени Гильмениса, избалованная дочь богатых родителей, уже прекрасно уразумела, что ни нежиться, ни красоваться перед людьми новыми бешметами ей больше до самой смерти, видать, не придётся. Так что в споре о покупке к

¹ Шакирд – учащийся мусульманской духовной школы.

осени нетели она легко взяла верх. И пусть тот, кто хотел подать ей милостыню, знает, что она, Гильмениса, отлично сумеет обойтись и без его оскорбительной помощи: скоро на их двор ступит не в долг взятая, а собственная корова!

Впрочем, их двор и двором-то, по сути, нельзя было назвать. Голое, без заборов, пустое пространство, крытое небом, и, словно в насмешку, с торчащими из земли покосившимися столбцами ворот... Далее та клетушка из прутьев, в которой они держали козу, для коровы не годилась. И тогда Барый, имя которого до сих пор иначе, как с добавленьем «ленивый», в ауле не произносилось, вдохновлённый своей Гильменисой, проявил неслыханное рвение, навозил на тележке из лесу хворосту, смастерил просторный коровник и обнёс двор плетнём. Вот ведь как порой оборачиваются дела!

А Барыя в его старании поддерживала надежда. Пройдёт всего каких-то двенадцать лет и будет новый передел земли, а за это время Гильмениса, с помощью Аллаха, уж наверняка родит одного-двух сыновей. И вот тогда-то они заживут. Хорошо заживут, не хуже людей!

5

Но и этой надежде Барыя не суждено было осуществиться. За пять лет совместной жизни, жизни мирной, дружной, без скандалов и ссор, Гильмениса одну за другой родила трёх девочек. Как ни любил Барый жену, как ни жалел её, он, будучи главой семьи, не мог не относиться к этому как к несчастью. А уж Гильмениса тревожилась и страдала даже больше, чем он. Не зная, как истолковать подобную тяжкую кару, она, хотя и боясь впасть в богохульство, каждый раз, забеременев, вступала в нескончаемые разговоры с Аллахом: «О, Всевышний, сделай так, чтобы этот ребёнок был мальчиком, ведь я же твоя покорная раба... Почему ты не внимлешь моим мольбам, которые я возношу к тебе от всего сердца?» Она даже пыталась задобрить Аллаха, втайне от мужа из тощего своего достатка раздавала милостыню, а один раз обратилась к старухе-знахарке... Тщетно. У неё рождались дочери – не сыновья.

Временами её охватывали сомнения: «Быть может, я не такая уж послушная рабыня Аллаха? Быть может, он казнит меня за то, что я пошла наперекор воле родителей?» Но против этих рассуждений восставал её строптивый характер: «Если Аллах

так могуществен, что мог сотворить мир, и следит недремлющим оком за деяниями всех людей, взвешивает, где правда, где кривда, и судит, то почему же он не становится на сторону слабых? Почему равнодушно взирает на муки чистосердечных рабов своих, а помогает сильным и злым? Неужели не видит он, что нельзя, ну нельзя прокормить семью из шести ртов одним земельным наделом? Как не заступится за бедного моего Барыя, который с самого малолетства не может выйти из тисков нужды? Ведь его уже вконец измотали нехватка и бедность! Если ты такой мудрый и всесильный судья, о Аллах, подумай об этом!» – так Гильмениса, хотя и с робостью, с опаской, но постоянно сетовала в разговорах с Аллахом, точного местонахождения которого она, пожалуй, не знала, но в которого верила, считая, что он её слышит и видит её мытарства. И вдруг, в один из таких дней, пришло Гильменисе письмо от её бывшего возлюбленного Хафиза, что столько лет без вести пропадал где-то у берегов Чёрного моря, а, возможно, как она думала, давным-давно сгинул в пасти большеротой рыбы-кита... Письмо ей тайно передала старинная приятельница Асхапджамал, которой Гильмениса в те далёкие времена, когда ещё была дочерью богача и весело щеголяла в красивых нарядах и позвякивала вплетёнными в косы монетками, поклялась в вечной взаимной дружбе и верности до самого гроба. В письме этом, правда, никаких особых обещаний не было, да для обещаний, впрочем, было уже и поздно. Но, не считаясь с тем, как могли сложиться у неё обстоятельства и по-настоящему ими не интересуясь, Хафиз, однако, обвинял Гильменису в вероломстве. Вестей, как он объяснил, не поступало от него из-за матери, больше даже, чем самого Аллаха, боявшейся всесильного Альмухаммет-бая. Он-то, Хафиз, писал Гильменисе исправно, да вот матушка Сарби за чай да за сахар, которые она время от времени вынуждена была брать в лавке Альмухаммета, предала собственного сына, его любовь. Её, правда, мучила совесть, но ему, Хафизу, от этого нисколько не легче. Было у него двое близких людей, Гильмениса и мать, и обе всадили ему нож в спину. А когда Гильмениса вышла замуж за своего Барыя, старуха, извиняя себя тем, что грешно расстраивать отношения, скреплённые никахом, уже с полным сознанием своей правоты бросила письма Хафиза в огонь, в чём недавно сама ему и созналась. Тогда он, Хафиз, решил всё же написать ещё раз изменнице Гильменисе, отнюдь не прощая, при всём том, её малодушия. Письмо дышало обидой, почти враждебностью, но одновременно – и болью. А

вдобавок, то ли из желания пустить своей бывшей возлюбленной пыль в глаза, то ли под влиянием военной муштры, которую, служа во флоте, испытал на своей шкуре, Хафиз не устоял и перед тщеславным искушением показаться незаурядным, всеведущим и начинал письмо целой кучей непонятных, замысловатых выражений и слов, которых в ауле никогда и не слыхивали...

Неизвестно, каковы были истинные чувства, охватившие Гильменису при чтении этого злого письма, – она скрыла их даже от закадычной подружки Асхапджамал, – но внешне они выразились в равнодушном замечании:

– Нечего теперь ворошить то, что было да быльём поросло. И без того забот полон рот! – И тут же, ни минуты не медля, на глазах у «подруги до гроба» разорвала письмо Хафиза на мелкие клочья и развеяла по ветру так, чтобы нельзя было его собрать не только руками, но даже и мысленно.

На этом кончилась романтическая любовная история, столь красиво некогда начавшаяся между дочерью Альмухаммет-бая и батыром Хафизом. Но, как выяснилось гораздо позднее, спустя много лет, всё же не навсегда, потому что дела тогда приняли совсем неожиданный оборот... Ох и злая же, ох и коварная же штука – жизнь!

Между тем всё текло по-прежнему, Гильмениса мужественно несла бремя забот по дому, кормила и обихаживала своё разросшееся семейство. И всё-таки ей раздирали душу упорство и жестокость отца. При встречах он едва кивал в ответ на её поклон и проходил мимо. Как дела дочери, как растут малыши – он и не любопытствовал.

Однажды, под предлогом поисков нетели, Гильмениса вернулась в родной дом с твёрдым намерением высказать отцу обиду. Альмухаммет, который как раз готовился совершить намаз икенде-акшам¹, с удивлением поднял глаза на дочь и, обратившись к жене, сказал:

– Повесь над огнём котёл, накрой стол да сходи и приведи, что ли, того голодранца... Пусть уж заодно и он посидит с нами, а нетель никуда не денется! – И тут же приступил к намазу.

То, что отец решил пригласить Барыя, Гильмениса восприняла поначалу как признак смягчения родственных отношений. Но потом её всё же задел пренебрежительный тон, с которым отец отозвался о её муже. И, неожиданно для себя вскочив с нар, она вы-

¹ Икенде-акшам – молитва, совершаемая перед закатом солнца.

бежала из дому. Это, конечно, вышло у неё грубовато: не годится выказывать гордыню под родительским кровом. Но Гильмениса не пожалела о своём поступке. Пусть привыкает Альмухаммет, что ни её, ни мужа нельзя оскорблять безнаказанно. Болью откликнулись в ней лишь полузабытые девические впечатления, в какие-то считанные минуты воскресшие и заполонившие душу, едва она переступила родной порог. Но когда в ногах уже путаются трое детишек, жалеть о прошлом всё равно поздно. Так что воспоминания эти она в себе затоптала быстро.

Только вот заботил её в последнее время Барый. Он был полон различных планов и порывался то заколотить окна и податься всем вместе куда-нибудь на чужбину, то пойти в батраки к баю, а то и вовсе – пристать к коновалам, чтобы выучиться их доходному ремеслу... Словом, он хорошо понимал, что оставаться вшестером на одном наделе, в их ветхом, готовом в любой момент обрушиться им на головы доме – просто убийственно. И хотя Барый старался казаться беспечным, внутри у него бушевало пламя, и даже когда он шутил и плёл всякую несуразицу, было ясно, что делает он это лишь для того, чтобы малость поуспокоилась Гильмениса.

Но в один прекрасный день он совсем перестал не только шутить, но и вообще разговаривать с кем бы то ни было. Если Гильмениса подаст, он сядет, поест, наспех пробормочет послеобеденную молитву и, не удостоив измученную жену ни словом, ни взглядом, молча уйдёт к себе на нары и примется плести лапти. Только к дочерям он иногда подходил, брал на руки и в который раз, по старой привычке, пересчитывал им пальчики. А потом, точно вдруг проснувшись, произносил несколько слов:

– До чего же красивыми, похожими на себя родила ты их, Гильмениса... Да только тебе так и положено быть красавицей, ведь ты дочка бая. А они кто? Всего-навсего жалкие мышата, что копошатся во мху. Раздавит их кто-то однажды и не заметит...

«Уж лучше бы сидел и молчал, как немой, в своём уголке, чем так загадочно и безнадёжно говорить о собственных детях», – думала Гильмениса.

А как-то Барый, уже, казалось, навечно потерявший дар речи, ни с того ни с сего вскочил, резко отбросил в сторону лапти, которые только что с таким старанием плёл, и сказал угрюмо:

– Я пошёл, Гильмениса... Пошёл к твоему отцу, к Альмухаммет-баю. Ведь он мне тогда полностью за работу не заплатил, пусть отдаёт!.. И эти мышата, они же ему внуки! Хоть бы когда загля-

нул, полюбовался на них... Сколько лет мы вместе, а он ещё ни разу не переступал нашего порога. Или он боится, что заразится от нас нищетой?

Для Гильменисы, которая при людях не выплюнет и кровинки, даже если рот её полон чёрных сгустков, это был удар в самое сердце. Как?! Барый, доведённый до отчаяния, готов идти на поклон к её отцу? К человеку, который иначе как голодранцем не хотел его называть? Который не здоровался с ним на улице, даже если сталкивался нос к носу? Какой позор!

Сама она частенько забежала в родительский дом, правда, в отсутствие Альмухаммета. С матерью у неё отношения были сносные. И та отдавала ей иногда кое-какие тряпки, детские платья: перешьёшь, мол, кому-нибудь из дочерей. Или сунет в руки гостинец для внучек. И Гильмениса брала.

Но чтобы Барый унизился перед Альмухаммет-баем – этого она не могла стерпеть, и впервые с тех пор, как они стали жить вместе, подняла голос на мужа, запричитала:

– Вот, значит, до чего докатился, ты, бедненький! На четвереньках поползёшь к человеку, который тебя видеть не хочет? Да, он доводится мне отцом, и я-то его знаю лучше... Ничего, подождём. Пусть ещё маленько потешит себя, постоит к нам спиной, – небось повернётся, не выдержит! Вот тогда и поговорим с ним по-человечески, а пока нечего об этом и думать.

Но Барый в ту минуту был слишком взволнован, чтобы можно было его удержать. Он тотчас заметил, что Гильмениса пытается его успокоить, и заорал как оглашенный, вкладывая в этот крик всё отчаяние своё и гнев:

– Да кто тебе сказал, что я поползу на четвереньках? И не собираюсь нисколько! Я пойду с поднятой головой! Ясно? Он должен мне деньги, я честно их заработал! Не милостыню прошу, ясно? А заодно потребую и за тебя. Мало ты, что ли, ишачила на него до двадцати трёх лет? А что унесла из дому? Ну-ка, вспомни, в чём ты явилась ко мне? В одних шароварах, ясно? Ты, ты, дочь Альмухаммет-бая!

Гильмениса не нашлась, что возразить мужу. Если уж этот мягкий, покладистый человек дошёл до такого предела отчаяния, нет смысла ему прекословить. Но вместе с тем она поняла, как он беспомощен, как, в сущности, уязвим и слаб духом. Дети сгрудились вокруг неё и, кто просясь на руки, кто теребя её за подол, начали хныкать.

Мысль, что она принесла в удел своим дочкам лишь одну бе-

зыходную нищету, в который раз обдала Гильменису холодом: в отчаянии мужа ведь была и её вина... Но, чтобы не пугать детей, она постаралась ответить Барью как можно спокойнее:

– Ты, верно, шутишь? Или бес попутал тебя? К чему зря болтать о несбыточном: пустяки всё это, ни копейки не даст отец!

А Барый, хоть и не кричал больше, а говорил, наоборот, очень тихо, дал ей почувствовать, что шутить и не думал:

– Нет, милая, я серьёзно. Пойду и вытрясу из него то, что мне причитается. А если не даст, так и знай – я подожгу его дом.

Вспышка отчаяния, однако, в нём быстро угасла, да и чего можно было ожидать от тщедушного Барыя, не способного не то что схватить кого-то за ворот или, тем более, поджечь дом, но и зарезать цыплёнка. Он и прежде-то никогда даже словом никого не обидел, а с тех пор как стал жить с Гильменисой, вовсе размяк душой. Впрочем, как знать? Порой люди совершают поступки, которых от них никто не ждёт. В самом спокойном и терпеливом человеке, если жизнь чересчур раздражит его и затравит, постепенно накапливается столько желчи, что он взрывается, словно порох.

Так и у Барыя, сердце которого саднило от боли за детей и жену, изнывавшего под бременем забот и не видевшего впереди никакого просвета, всё чаще стали случаться приступы бешенства. Однажды он без всякого повода набросился на свою сестрёнку Камар:

– Ты, девочка, когда собираешься вылезти из этого платья, что тебе перешила невестка? И вообще – ты думаешь о чём-нибудь, кроме нарядов? – спросил он вначале спокойно. И если бы Камар промолчала, на том бы дело и кончилось. Но та оскорбилась и повысила голос на брата:

– Не хочешь ли ты сказать, что я должна ходить голой?... А если я в тягость вам, если я лишняя в доме – что ж, давай я уйду! Возможно, найдётся где-нибудь место, размером с лапоть. Не хочу больше, как делают некоторые, дожидаться объедков со стола богачей!

Ах, если бы она не произнесла хоть этих последних слов! На очень уж больную она наступила мозоль, и выведенный из себя Барый вскипел:

– Кто? Кто это ждёт объедков со стола богачей? Не твой ли брат, который гнёт спину, чтобы прокормить горбатую ведьму? Да пропади ты пропадом! Никогда ты не выйдешь замуж, и не надейся! А не было бы у тебя невестки, что последнюю свою тряп-

ку, святая душа, отдаёт тебе, да ещё меня, отрывающего ради сестры кусок у своих детей, давно бы околела у чужого порога!..

Барый был доведён до белого каления, и не будь Гильменисы, которая, подбежав к мужу, закрыла ему рот ладонью, а золовке падала знак, чтобы она ушла с глаз долой хоть на время, дело, возможно, окончилось бы рукоприкладством.

Как часто бывает с людьми вспыльчивыми, но отходчивыми, и эта гневная вспышка Барыя могла пройти, словно туча, из тех, что грозно полыхают зарницами, да так и не прольются дождём. Но едва Камар скрылась за дверью, Гильмениса произнесла хватающие за сердце слова:

– Зачем ты обидел бедную девушку? Что с нею станет, если мы лишим её места у нас под крылом?

Барый окаменел. Не в силах вымолвить слова, он посмотрел в глаза жены – они были полны слёз.

– Всё, Гильмениса, конец, – сказал он после долгого молчания. – Нельзя мне больше здесь оставаться. И не уговаривай меня, всё равно уйду. Вот сыновья Хабри собираются на Донецкие шахты... И я с ними. У меня, как у них, есть руки и ноги. Наверное, и я сумею делать то, что будут делать они.

И уже более никакие мольбы и просьбы, никакие запугивания и намёки на плохое здоровье и даже его любовь к жене и детям не могли заставить его отказаться от принятого решения.

– Продержитесь тут как-нибудь без меня, – сказал он, обнимая на прощанье Гильменису, – а я мигом примчусь обратно, лишь только накоплю немного денег... А ты, Камар, – повернулся Барый к вошедшей сестре, – если можешь, забудь мои злые слова. Их не брат твой сказал, а бесы, бесы, которые в нём поселились... – Он обнял и её и, заглянув ей в глаза с такой скорбью, точно не надеялся её больше увидеть, добавил: – Живите дружно, а вернусь назад – привезу тебе накопник серебряный... И платье новое, городское, как ты любишь...

– Спасибо, только накопник я не вплетала, даже когда невестка давала мне свой, – отвечала Камар, не сводя с брата нежного взгляда. Бедняжка давно простила ему всё. А тут ещё обещание нового платья... В предвкушении будущего подарка её бледные щёки так и залились румянцем удовольствия!

А вообще расставание было на этот раз донельзя грустным. Казалось, на всех троих навалился облачный небосвод и им приходится удерживать его на своих плечах. Они словно чувствовали, что расстаются навеки...

Вскоре после отъезда от Барыя стали приходить деньги, посылки с гостинцами для малышей и письма, полные заверений, что он тоскует и рвётся к ним всей душой. Тот человек, который писал их теперь за Барыя, был намного искуснее пройдохи шакирда с Мамадышской дороги. Уголки листка были всякий раз витиевато разрисованы цветными узорами, а в конце письма обязательно красовалась эмблема любви в виде сказочной райской птицы, из клюва которой тянулся длиннейший свиток с неизменными строчками: «Так прими же ты алый цветок, что дарю я тебе, дорогая! Белой птицей являешься ты мне во сне, в поднебесье играя».

И Гильменисе милы были эти незатейливые, простодушные знаки любви. Она скучала по своему Барыю и вечерами выходила на дорогу, смотрела вдаль, ждала его... Но что поделаешь, им уже более не суждено было встретиться... Когда исполнился год со дня отъезда Барыя, терпение Гильменисы истощилось — она теперь готова была рассердиться, что он так долго не едет. И в это самое время до неё дошла от товарищей мужа страшная весть: Барый погиб! Обрушилась лава, где он работал, и даже тела его, хоть и пытались откопать, не нашли...

Прочитав это письмо, — на этот раз оно было, увы, без всяких цветистых украшений, — Гильмениса упала как подкошенная. Бедный, бедный Барый! Только теперь она до конца поняла, сколько в этом тихом и скромном человеке было неподдельной самоотверженности, сколько чистоты, беззаветной верности и даже подвижничества... При его-то природной лени, нежелании двигаться, при его-то непротивлении злу, молчаливой покорности и смирении — ради них всех, ради неё, Гильменисы, — взял и сорвался однажды, уехал, трудился в поте лица где-то в чёрном и страшном подземелье, почти в преисподней! — и вот погиб... Горе её было ужасно.

Тёмные для неё потянулись дни. Помимо смерти мужа, мучила её безысходность их положения. До сих пор они как-то коптили небо, наравне с другими бедняками аула перебиваясь впятером, как говорится, с хлеба на квас и подрабатывая прядением или подёнкой. А нехватки восполнялись надеждой на лучшее будущее. Ведь близился передел общинной земли, и Гильмениса с нетерпением ожидала возвращения Барыя: авось, они с помощью Аллаха сумеют хоть на этот раз родить мальчика?.. И вот на тебе! Ни мужа, ни сына, ни надежд.

Выходя замуж за Барыя, Гильмениса заявила решительно: кто падает сам – не плачет. Оказалось, бывают дни, когда плачут и те, кто упал сам. Но хоть она и всхлипывала по ночам горько и тихо, чтобы не слышали дети и золовка Камар, днём старалась не подавать виду даже соседкам, заходившим якобы для того, чтобы выразить ей сочувствие, а на самом деле больше из пустого бабьего любопытства.

– Что делать, если судьба от меня отвернулась, – коротко отвечала им Гильмениса, стараясь быстрее закончить никчёмный разговор. Да уж коли растравят тебя, расколышут в душе боль, не так-то легко молчать. На что немногословна и строга к себе Гильмениса, но и она, переведя только дух, продолжала печально: – Нам-то что, проживём, на родной стороне даже дым сладок. Вы лучше скажите про бедного моего Барыя, который остался лежать на чужбине, под тяжким слоем земли... Ему-то за что подобная кара? Умер бы здесь, хоть можно бы было, пройдя мимо кладбища, помолиться за его усопшую душу...

Никак ей не удавалось изгладить из памяти нескладного, доброго, наивного своего мужа. С грустью и жалостью она, тоскуя и плача, без конца перебирала разные, часто нелепые и смешные случаи из его жизни: как он, иногда вдруг вспыхивая решимостью, брался за такие трудные дела, на которые обычно у него и руки не поднимались, а то становился опять робким, застенчивым, неумелым, словно дитя... И вспоминала его целомудрие, когда он, заметив, что жена собралась переодеть платье, отворачивался поспешно и под любым предлогом выходил во двор. Или то, как, прощаясь перед последним своим путешествием, застыдился поцеловать её в губы и ограничился лишь словами: «До свиданья, родная, береги себя и детей», а затем удалился с полными слёз глазами, чтобы – всего через год! – погибнуть... Только себя, как выяснилось, не умел беречь этот человек, одного себя.

Но, однако, нельзя же было жить тоской по умершему мужу, надо было что-то предпринимать, чтобы впредь не валяться в чужих ногах, а самим попытаться встать на ноги. И от Гильмениса решила однажды устроить семейный совет и призвала не только единственную помощницу свою Камар, но и детей, хотя вряд ли они ещё что-нибудь смыслили.

– Давайте, дети, обсудим, как нам дальше жить, – начала она тихо. – Тот, на кого мы прежде надеялись – ваш отец и брат, умер.

Единственное достояние наше – клочок земли, и, Аллах даст, до нового передела у нас его не отнимут. Но можно ли нам, пятерым, сносно существовать с этого клочка, величиной с лапоть? Хорошо ещё, если сумеем своими силами его засеять. Ну а что дальше? Что дальше, мои дорогие?

Конечно, оставалось у Гильменисы последнее прибежище – пусть и бессердечный, но всё же родной отец, и когда им станет совсем неважно, она может пойти к Альмухаммету и тот, вероятно, не бросит сирот на произвол судьбы. Но это она приберегала на крайний случай, а пока стремилась найти более достойный выход.

– Не знаю, как вы, а я думаю и думаю круглые сутки, глаз не смыкая... Есть, правда, у нас ворота, в которые можно толкнуться. Оставить Камар одну, а мне с дочками упасть отцу в ноги. Попадём в добрую минуту – он нас не прогонит... Других-то детей у него, кроме меня, нет. Но пока ещё теплится во мне душа, я Камар не оставлю. Барый бы мне этого не простил, да и сама я от всего сердца привязалась к нашей Камар. – Говоря это, она ни на кого не смотрела, а словно рассуждала сама с собой.

Все молчали. В голове у Гильменисы замелькали бессвязные, шальные мысли: «Нашелся бы святой человек, который не погнушался бы взять меня замуж, – вот даже что пришло ей на ум. – Ну что мне скрывать от себя то, чего не скроешь от всевидящего Аллаха: ведь я ещё нравлюсь мужчинам. И я бы, пожалуй, не против выйти за хорошего человека, но... Где, где она, эта святая душа? Да и разве может кто-нибудь стать моим детям отцом, каким был Барый? А значит, грешно и мечтать об этом, тьфу, тьфу, астагфирулла!!! То не я, а шайтан нашептал! Конечно, шайтан. Нет, Гильмениса, сама ты должна поднять своих девочек, сама, сама... Можно, конечно, и так поступить: взять сирот – кого на руки, кого за руку – и пойти собирать милостыню. Но это не для меня. Совсем не для меня! Никогда не соглашусь на позорный промысел – ноги не понесут, сердце не пустит!»

Все эти противоречивые мысли промелькнули у неё в голове с быстротой молнии. Слава Аллаху, она их не вымолвила. Но чуткая, как все обиженные судьбой люди, Камар сумела их прочитать.

– Джинги, милая, опомнись, не надо так сильно тревожиться! – вскричала она, резко вскочила с места и, то ли устыдившись детей, то ли самой себя, то ли невестки, поспешила спрятаться на летней половине дома.

С минуту Гильмениса потрясённо молчала, потом призвала заплаканную Камар обратно.

– Плакать-то я и сама мастерица, дорогая Камар, – начала она тоном, в котором сквозила и ласка, и мягкий укор, и стыд. – Но слезами сыт не будешь. А нам надо думать, как прокормиться.

Гильмениса умолкла, чтобы немного остыть. Погладила по головкам прикорнувших у её колен дочерей и, слабо улыбнувшись, взяла бледные, с тонкими подвижными пальцами руки Камар в свои. Она долго любовалась ими и не торопилась возобновить разговор.

– Какие у тебя красивые руки, – наконец произнесла она. – И не думай, голубка, что я шучу. Точно у гармониста! Знаешь, у гармонистов бывают такие дивные пальцы – лёгкие, быстрые, словно пляшущие!.. А вот покойный твой брат не мог бы похвастаться красивыми руками. Чего не было, того не было. Но зато он был редкой души человек. Нечасто встретишь на свете людей с такой прекрасной душой, как у твоего брата... И знаешь, Камар, – заговорила она после короткой паузы, возвращаясь к прерванному воспоминанием о Барые разговору, – я, кажется, нашла занятие для этих чудесных пальцев! – Глаза Гильменисы загорелись. – Честное слово, нашла! Возможно, и не сразу у тебя получится, но ты, главное, не теряй надежды, помни, что для таких рук, как твои, доступна любая самая тонкая и сложная работа.

Люди, страдающие физическими недостатками, невероятно впечатлительны, и Камар, которой не доводилось ещё слышать похвалы в свой адрес, была смущена и взволнована. «Как следует понимать слова джинги? Возможно ли, чтобы у такой уродки, как я, были красивые руки?»

Тонко уловив пробудившееся в золотке робкое чувство удивления перед самой собой, Гильмениса быстро встала, вытащила из сундука моток шёлковых ниток и кусочек бязи, которой была некогда обшита посылка от Барыя. Материя, тщательно выстиранная и выглаженная, всё ещё хранила следы написанного чернильным карандашом адреса.

– Никто в нашем ауле не умеет вышивать тамбуром, а это, если по-настоящему взяться, очень и очень интересно, – увлечённо и с ясным сознанием высокой торжественности и значительности этой минуты для бедной Камар сказала Гильмениса. – Я когда-то специально ездила в город к тётушке, и та научила и приохотила меня к этому делу. Ведь считалось, что дочь Альмухаммет-бая должна быть искусницей, мастером на все руки... Кто знал тогда,

что я выйду замуж за бедняка и мне понадобится совсем другое умение!

Продолжая говорить, Гильмениса натянула кусок бязи на пальцы. Она делала всё медленно, не спеша, с толком, чтобы Камар успевала за ней следить.

– Если даже первый блин выйдет комом, не беда, – объясняла она. – Я нарочно выбрала старую тряпочку, пока ты наловчишься. Пальцы держи так, словно обнимая их левой рукой, а в правую бери иглу. Нет, нет, не так круто. Ведь ты же не навоз поддеваешь вилами... Легче, легче!

И хотя дети, наседая со всех сторон, мешали им – кто тянул из мотка нить, кто просовывал любопытный нос чуть ли не матери под мышку, – Гильмениса и Камар, видать, не на шутку увлеклись уроком. Гильмениса вообще была из тех людей, которых принято называть «основательными», и каждое дело любила доводить до конца. Камар тоже взялась с душой: джинги сумела внушить ей, что эти вышивки будут пользоваться огромным спросом. А так как она была большой фантазёркой, то, усердно работая, одновременно вышивала и довольно причудливые узоры мечты: «Кто знает, как сложится отныне моя судьба... Вдруг я прославлюсь? Это дойдёт до чьих-то ушей... И он окажется моим суженым...»

А самое главное было в том, что артистические руки Камар действительно оказались весьма талантливыми. Они орудовали иглой проворно и ловко. Вдобавок её всячески подбадривала хитрая лисичка-джинги, с каждым днём вселяя в Камар всё большую уверенность.

И вот слухи об этом невиданном в ауле чудесном вышивании поползли из дома в дом, тем более что здесь не было недостатка в девушках, живущих надеждой на замужество. А какая, спрашивается, невеста устоит перед искушением принести в приданое такую красивую вещь и ввергнуть родственников жениха в изумление?

Камар была довольна. Но однажды, когда она уже совсем набила руку на вышиванье и бредила им даже во сне, а утром, едва протерев глаза, бежала к пальцам, Гильмениса приступила к ней с неожиданным разговором:

– Жаль мне тебя, милая, да придётся, однако, время от времени всё же спускаться тебе со своих нар, – грустно сказала она. – Я завтра иду на подённую работу к Сахипу, сыну Гайни, полоть просо, а девочки остаются с тобой. Пусть старшая, Факиха, играет с младшей – повозит её для забавы в лубяной тележке. А если та

вдруг расхнычется, вот я оставляю тут сахар. Откусишь немного и дашь ей жёвку. Да помни, что это последний кусок. А в полдень прибегу, покормлю её грудью. Ничего, пора и ей привыкать к мысли, что жизнь – не игрушка... С Фасилёй, средней, у тебя не будет хлопот. Девочка она умная, хлеб станет есть и без сахара. Разве последи только, чтобы она не улеглась спать где попало, не то ещё хватит её солнечный удар!

Перебрав, кажется, все наказания, приголубив детей, норовивших схватить её за подол, Гильмениса ушла из дому, надеясь если не разбогатеть – где уж там! – то заработать хотя бы на пропитание да, возможно, подбить Сахипа, сына Гайни, чтобы тот помог им осенью вспахать земельный участок.

Для бедной Камар между тем не так-то легко оказалось справиться с поручениями невестки. «Умная» племянница Фасиля заявила со двора вся чумазая, встрёпанная и притащила откуда-то ленту сестры Факихи. Подластилась к тётке и умолила вплести эту ленту ей в косу. Камар подчинилась, и как же было не подчиниться капризнице, если она угрожает, что будет реветь весь день напролёт! А для Камар, чтобы работа её шла успешно, непременно требовалось полное душевное равновесие и спокойствие... Не прошло, однако, и получаса после того, как она уладила дело с «умной» Фасилёй, вплетя ей в косичку злосчастную голубую ленту, – с истошным воплем ворвались в дом сразу обе: и средняя, и старшая. Факиха бросила тележку с младенцем прямо на улице и устроила невероятный скандал сестре и тётке: мол, мама купила эту ленту у сборщика костей не для кого-нибудь, а именно для неё. Купила не на деньги и даже не на яйца обменяла, а на кости, которые лично она, Факиха, собственноручно собирала по соседним дворам, роясь на огородах и свалках. И вот эту ленточку, совсем новую, которую она ни разу не вплетала сама, приберегая к празднику, без спросу захватила самая «умная», у которой ещё мокро под носом!.. Из-за такой несправедливости, какую просто невозможно терпеть, она, Факиха, и кинула без присмотра сестрёнку на пыльной улице, а тётка обязана тут разобраться, вопила она, и тотчас навести порядок!.. Ребёнка через некоторое время приволокли в тележке домой соседи, испуганные его долгим криком, а Камар, у которой совсем голова вспухла, всё ещё разбирала ссору разбушевавшихся племянниц. В тот день ей не удалось сделать и двух стежков.

– Куда бы ты ни послала меня – пойду, а с драчунами этими больше никогда не останусь, – решительно отрезала Камар, когда Гильмениса вернулась под вечер с подёнки.

«Подумаешь, драчуны! А есть ли на этом свете какой-нибудь толк от смиренных?» – подумала Гильмениса, но в пререканья с золовкой вступать не стала, вконец обессиленная целым днём работы под палящим солнцем. А утром сухо сказала, словно бы про себя:

– Ну что ж, пусть будет так, сегодня никто никуда не пойдёт, тем более что работать под солнцем в поле – тоже не праздник. Заведём лучше новый фасон – не станем-ка мы засеивать наш надел и постараемся обойтись без еды.

Для Камар других слов не понадобилось. Она умела понимать и невысказанное. Чутко уловив, какое безысходное отчаяние таилось за словами невестки, какая невыразимая мука, она прошептала:

– Дети меня тут заездили, джинги... Вовсе не давали работать... Вот я и погорячилась. Ты уж прости, если можешь.

– Камар, умница моя, летом придётся нам, видно, с тобой здорово покрутиться, – миролюбиво ответила Гильмениса, которой ни в коем случае не хотелось обижать Камар, – зато зимой обе засядем за рукоделие. Я теперь окончательно убедилась: у тебя пойдёт! Ты будешь вышивать тамбуром, а я сооружу себе станок и возьмусь ткать полотенца и узорные скатерти. Что же касается Фасили, которая слишком рано стала думать о нарядах и прихорашиваться, то вот я её сейчас!

Она сделала вид, что рассержена не на шутку, однако не очень-то у неё получилось, так как стоило ей бросить взгляд на детей, ещё сладко спавших, раскинув ручонки, на широком, расстеленном прямо на полу матрасе, как досада и злость отступили перед глубокой материнской нежностью.

– Это она у меня от безделья бесится, не иначе, – сказала Гильмениса, кивнув на Фасилю. – Позарилась, глупая, на ленту сестры!.. Но не станем её будить пока, уж очень хорошо спит. А как только проснётся, поест, найди ей, Камар, какое-нибудь занятие. Пусть хоть за гусятами, что ли, присматривает... Пообещай: мать, мол, сказала, что если сохранит всех гусят, не даст коршуну унести даже и одного, осенью, как продам выводок, куплю ей на вырученные деньги ситцевое платье!

– Ой, – вскричала Камар, – а вдруг коршун не гусёнка схватит, а Фасилю? Тебе не боязно? Ведь она у нас ещё с ноготок!

Вот какие слова вдруг вырвались у молчаливой и сдержанной Камар! И это означало, что в ветхом доме Барыя опять восстановились мир, согласие, робкая вера... пусть пока лишь в ситцевое платье для девочки, но всё-таки вера...

Когда же они общими усилиями управились с летними делами – походили на подёнку, сжали и помогли обмолотить чужим людям хлеб, а потом обработали и свой участок, посеяли озимь, убрали и ссыпали в сусеки то, что удалось собрать ярового, когда, вдобавок, заготовили корма для бурёнки, оставшейся ещё со времён Барыя, словом, когда они освободились от всех этих насущных для жизни хлопот, нашлось время и для вожделенного рукоделия. Камар с пальцами уселась за вышивку, а Гильмениса принялась ткать узорные скатерти и полотенца. Угомонились и дети. На деньги, полученные от продажи яиц, гусиного выводка и собранных в лесу орехов, справили им кое-какую одежду. Только Камар пока не в чем было ходить. На что попало девушка не соглашалась, твердя, что она и без того некрасива, чтобы напяливать нищенскую одежонку.

– Лучше уж я скоплю себе на плюшевый синий бешмет!

Такая была у неё мечта.

Прежде Гильменисе не доводилось слышать от золовки подобных речей, но в последнее время Камар, преодолевая природную молчаливость, всё чаще предъявляла различные притязания и как бы вскользь поминала, что она девица на выданье. А в один прекрасный день добилась-таки своего и вырядилась в плюшевый синий бешмет, сшитый по тогдашней моде с рукавами буф и скрытой застёжкой.

Соседские девушки из кожи вон лезли, пытаясь узнать, откуда у этой замарашки такой ладный бешмет. «Наверняка, – злословили они, – им кто-то оставил его на сохранение, а эта нахалка носит чужую вещь!» Но потом заметили, что Камар надевает бешмет в открытую и даже когда, позванивая вёдрами, ходит в нём к ручью за водой. Так что эти подозрения отпали сами собой. Зато возникли другие.

– Просто джинги её балует, не иначе как выпросила для неё наряд у Альмухаммет-бая!

А иные завистницы пошли в своих предположениях ещё дальше:

– Говорят, все горбатые водят дружбу с нечистой силой! Увидите: налетит на неё однажды какой-нибудь джин, залепит серой глаза и утащит!

– Интересно, – насмешливо возражали другие, – а если вам бы залепили очи, согласились бы вы улететь с джином? Да что-то незаметно, чтобы кто-то хотел вас похитить. Кому вы нужны?

Находились, однако, и трезвые девушки, которые догадыва-

лись об истинной причине появления у Камар дорогого бешмета.

– Не знаете, что ли? Ведь они день и ночь корпят за работой! Полюбуйтесь в окошко на Камар и её джинги!

И правда – слепя глаза при свете коптилки, сидели они до третьих петухов, одна у станка, другая за пальцами. Надо было спешить! Будто предчувствуя грядущую войну, молодёжь в ауле справляла шумные свадьбы. А в связи со свадьбами возрос спрос на разные красивые вещицы – вышивки, узорные полотенца. И Гильмениса с золовкой, не считаясь ни с затратами на керосин, ни с ломотой в пояснице, трудились от зари до зари.

Странные всё же фортели выкидывает порой судьба! В одну из таких зимних ночей, когда они, как обычно, сидели рядышком, склонив головы над шитьём, им послышалось, будто за окном скрипнул снег.

– Что это? – первой встрепенулась Камар и с испугом уставилась на Гильменису. – Не вздумал ли кто-то за нами подглядывать?

Про себя-то она решила чуть-чуть иначе: не «кто-то», а джигит... Но произнести вслух не посмела – кому она нужна?.. Какому такому джигиту придёт в голову смотреть на неё в окошко?

А так как Гильмениса, не обратив внимания на её слова, продолжала преспокойно работать, Камар закипела: «Что особенного? Или я не человек, не девушка? Возможно, именно из-за меня и шныряет джигит вокруг нашего дома...» И впервые в жизни она всей душой поддалась сумасбродной мечте: «Да, да, ради меня! Что тут такого? Кто ещё во всём ауле умеет так искусно вышивать? Одна я, Камар, и волшебные эти узоры плетут не просто мои длинные пальцы, а сердце, богатое воображение, душа... Вот-вот, душа!»

Хитрая же Гильмениса лишь делала вид, что ничего не слышит, и, хоть была сильно взволнована, сидела не шевелясь: «Недаром говорят, что дерево ценится по плодам, человек – по уменью... Должна и для нашей Камар найтись пара. Чем чёрт не шутит? Такая славная девушка! Но если ей суждено выйти замуж, с кем я-то останусь, господи? С дочками мал мала меньше да с памятью о покойном Барые?»

Они так и не узнали, кто скрипел снегом у них под окнами, и вообще – не пригрезилось ли им это?.. Но таинственный ночной гость надолго оставил след в сердце Камар, пробудил дремавшие в нём надежды на счастье.

Уж как пойдут дела наперекосяк – не остановишь. Вроде начала у них помаленьку да полегоньку налаживаться жизнь: Гильмениса примирилась и свыклась со своей вдовой долей, тихо радовалась разумницам дочкам, тому, что Камар становится ей настоящей подругой, помощницей, мастерицей, слава об умении которой разнеслась по окрестным аулам, – и вот, оказалось, не исчерпаны все напасти до дна.

Перед самой войной наступил, наконец, срок передела общинной земли, и семью Рахмановых лишили участка. Если вдуматься, интересная получается штука: человек рождается на земле, а земли недостоин. Гильмениса, Камар, Факиха, Фасиля, Фания – все до одной были по закону недостойны земли. Летайте, как вольные пташки, по воздуху!

А вскоре грянула война. Не до свадеб стало людям, не до полотенец, не до салфеток и скатертей. С фронтов приходили извещения с чёрным крестом: ваш муж... ваш отец... ваш сын... И хоть родственникам не были до конца ясны непривычные слова о «верноподданных чувствах к государю императору», которые «до последнего вздоха» хранил их муж, их отец, их сын, но зато выражение «героически погиб» доходило до сознания сразу. Оно означало, что впредь им больше нечего ждать от жизни...

Война уничтожила исключительность положения Гильменисы в ауле – многие женщины попали в разряд вдов, а число их росло не по дням, а по часам. Ей было теперь, увы, с кем поделиться горем. А те солдатики, что ещё жили надеждой, часто забежали к Гильменисе и, уповав на её грамотность, просили написать на фронт письмецо. И Гильмениса, испытав на собственной шкуре, как это горько, как томительно – переходить от отчаянья к надежде и от надежды к отчаянью, писала за них письма не просто складно, но ещё и с большой душой. Не скупясь на подробности, описывала она тяготы нынешней жизни, перечисляла разные бедствия, случившиеся в ауле, – у кого пала корова, кто получил похоронку, – а в конце (не потому ли, что, рано овдовев, ещё не подавила в себе желанья любить и быть любимой?) вкладывала в чужие письма то, что накипело на сердце у неё у самой, всю нежность свою, и печаль, и тоску: «Придёт ли день, когда мы положим головы рядом, на одну подушку? Доживём ли до этого счастья, желанный?»

И молоденькие солдатики, зная, что никто не выразит лучше

их чувств, то и дело обращались за помощью к Гильменисе. Будь свойственна ей корысть, она бы вполне могла залатать в хозяйстве кое-какие дыры – ведь молодухи последнее бы отдали, лишь бы письма получались поскладней да потрогательней. Но Гильмениса сразу сказала, что за такое святое дело плату брать грех, а потому и не смейте, мол, ничего таскать, всё равно не возьму!

Совесть, однако, не позволяла им являться в нищий дом Гильменисы с пустыми руками, каждая прихватывала в карман одно-два яйца и тайком от матери совала гостинцы сироткам. Они уже больше не ссорились из-за каких-то лент, а Фасиля, любительница пофорсить, даже поднакопила подаренные ей яйца и обменяла их у коробейника на нитку красивых бус.

Писание писем доставляло грустное удовольствие и самой Гильменисе. Она словно бы получила наконец возможность выговориться. Нравилось ей и то, что в её одинокий дом зачастили гости. Аллах ты мой, разве она не живой человек? Не всё же сидеть погружённой в уныние и скучные житейские заботы! Надо ведь иногда и отвлечься, поболтать, сплетни послушать!

В одно из таких посещений словоохотливая солдатка Султания, пока Гильмениса сочиняла письмо, несколько раз для приличия всхлипнула, а едва конверт был заклеен, заметно поуспокоилась и исподволь повела чудной разговор:

– Послушай, подруга, мы сегодня решили собраться вечером у Маулихи на посиделки. Свекровь её укатила в соседний аул. Приготовим джылгыр¹, посудачим, да, кроме того, уж не знаю – придут, не придут, а вроде обещали прийти учитель Гата и писарь Хисмат...

Молодуха, на глазах которой к этому времени совсем высохли слёзы, улыбнулась лукаво и, желая побалагурить, добавила:

– А сочтём нужным, заставим Гату почитать нам в честь джылгыра Коран!

Гильмениса от такого кощунства слегка оторопела, но потом, опомнившись, так и взвилась:

– Ты что, Султания? Ты кому это говоришь?

Тотчас сообразив, что её скользкое предложение вряд ли найдёт здесь поддержку, Султания пошла на попятный. Она было хотела перевести всё в невинную шутку, но Гильмениса сидела

¹ Джылгыр – традиционная еда участников посиделок, пельмени из толчёных конопляных семян.

хмурая, и разбитная солдатка сочла за благо поскорее смотать удочки.

– В другой раз не смей ко мне даже носа казать, слышишь? – крикнула ей вдогонку рассерженная хозяйка.

Да, она рассердилась, это верно, но в глубине души, в самой дальней и скрытой от всех глубине, что-то шевельнулось, – быть может, неясное даже ей самой: «Смотри, что творится! Умоляла, чтобы я написала письмо мужу, плакала тут, а сама...»

Уж не завидовала ли она той лёгкости, с которой иные женщины шагают по каменистым тропинкам жизни? Но нет, Гильмениса знала, что всё равно бы так никогда не смогла.

А через неделю пришла к ней с просьбой написать письмо другая подружка и, то ли зная о давних отношениях Гильменисы с батыром Хафизом, то ли, напротив, даже не подозревая о них, а просто делясь с ней последней новостью, рассказала:

– Бывает же на свете такое! Ведь, пожалуй, поверишь, что и мой вернётся, если даст Аллах... Вон Хафиз, что жил у моста. Говорят, его корабль тонул, чуть ли не все матросы погибли, а он живёхонек! Да-а, уж коль не пробил твой смертный час... Никакая сила не сможет угробить! Я слыхала, он сейчас в казанской больнице. Сколько лет не бывал человек дома, а, глядишь, в один прекрасный день и появится!

Гильмениса вздрогнула, словно её ударило током. О, Аллах, как хорошо, что разговор этот произошёл в отсутствие Камар и детей!

Кстати, Камар в последнее время стала неузнаваема. Где та забитая девушка, что боялась показываться на люди и вечно сидела в четырёх стенах? Слава о её золотых руках распространилась далеко за пределы аула. И многие соседи хвалили Камар за её трудолюбие и умение жить в мире с джинги. Уже одного этого было достаточно, чтобы она возгордилась. А кроме того, сладкой тревогой запал в её душу тот незнакомец, что в метельную зимнюю ночь скрипнул снегом у них под окнами... Был ли он живым человеком с плотью и кровью, – кто знает? Но она ощущала его как бы вестником каких-то знаменательных поворотов судьбы. Так, во всяком случае, хотелось ей верить.

И вдобавок – нашлись люди (из тех, что, услышав шуршанье в кустах, вопят: «Своими глазами видал сто волков!»), которые сеяли слухи, будто Камар припасла в приданое два сундука с добром. «Распродай она его – враз станет богачкой! Одних вышитых скатертей, болтают, наберётся целый десяток, а ведь каждая

– пять рублей!» Подобное пустозвонство лишь пуще раззадори-
вало Камар. Она, теперь уже не скрываясь, мазалась румянами,
пудрилась и наряжалась напропалую. Вполне естественно для
девушки мечтать о замужестве и даже ни капельки не зазорно,
но Камар, которая прежде столь яростно затаптывала в себе эти
мечты, сейчас словно хотела наверстать упущенное. Казалось,
что она ответила бы «пойду» любому, кто вознамерился бы взять
её замуж. Вот только не находилось пока джигита, который про-
изнёс бы заветное слово.

И всё-таки Гильменисе было бы стыдно даже перед этой но-
вой, взрослой Камар, если бы та заметила, как она вздрогнула,
услышав известие о Хафизе. Нечего ей о нём думать. Поздно,
поздно. Растут три славные дочки, старшей – Факихе, нынче ис-
полнилось двенадцать; младшая, Фания, и та уже бойко лопочет,
требуя, чтобы её отправили к абыстай – брать уроки чтения и
письма...

Вообще эта маленькая тараторка превзошла в хитрости и
сметливости обеих сестёр: сумела найти общий язык со своим
дедом Альмухаммет-баем. Обнаружилось, что она давно тайком
бегает к нему, ластится, нежничает... «Ты ведь у нас, говорит,
богатый! Почему же, говорит, позволяешь своей внучке ходить в
холщовых штанах?» Не то Фания угодила в редкую счастливую
минуту, когда дед был в добром расположении духа, не то за-
хотелось, наоборот, старику позлить гордую Гильменису, до сих
пор не склонившую перед ним головы, но как бы там ни было, а
он привечал девчонку и однажды одарил эту хорошенькую про-
ныру новым сатиновым платьем и шароварами, да впридачу ещё
лентами и платком с кистями.

В общем, жизнь шла своим чередом, и всё было бы ничего,
если б Гильмениса не потеряла покой с того самого дня, как уз-
нала о возвращении Хафиза. Зачем, зачем ей сказали об этом?
Было ли оно выдумкой, это известие, или имело под собой твёр-
дую почву, но Гильменису охватила тревога. Знала ли она сама,
чего страшится? Ах, вряд ли. Просто ей было не по себе. Всё
время хотелось бежать куда-то. Бежать от себя.

И тут случилось совсем непредвиденное. К их скособочен-
ному домишку подошёл однажды путник с дорожной котомкой и
привязанным к ней мятым, закопчённым котелком. Усталое, из-
мождённое лицо, военная экипировка – всё говорило о том, что
человек этот возвращается с фронта. И разговор он завёл этак с
шуткой да прибауткой, как и положено бывалому солдату.

– Удобно получилось! Даже стучать к вам не надо: ворота отсутствуют как таковые, дверь распахнута настежь. Гостеприимные, радушные, видать, здесь хозяева! Здравствуйте, – сказал он весело, входя в дом. И тут же снял вещевой мешок, вытер потный лоб рукавом гимнастёрки.

– Ой, да некогда за дверью следить, всё время туда-сюда снуют дети, – принаравливаясь к шутливому тону пришельца, ответила Гильмениса. Она вышла ему навстречу из летней половины дома, на ходу опуская засученные рукава. Минуту оба молчали, с доброжелательным любопытством разглядывая друг друга.

– Если не ошибаюсь, это дом Рахмановых? – спросил наконец гость. – Не сестрой ли вы доводитесь Барью случайно?

– Женой, – почему-то очень тихо сказала Гильмениса и смущённо склонила перед ним голову.

– Вот ка-ак, – протянул незнакомец, словно удивляясь её ответу, и вдруг замолк. А потом пробормотал про себя: – Да-а, поспешил бедняга уйти, оставив такую молодуху!

– Что же я не приглашаю вас сесть, – спохватилась она и по татарскому обычаю положила перед гостем тюфяк. – Сейчас поставлю чай, побеседуем.

Гильмениса прошла на летнюю половину и было слышно, как она там возится с самоваром. Скрывшись с глаз, она осмелела и крикнула громко оттуда:

– Ой, я и спросить-то боюсь... Вы что, знали моего Барья?

– Как же! – ответил он. – Около года жили в одном бараке, работали на шахте у одного хозяина!

И опять воцарилась тишина. На мгновение её нарушил звон упавшего ножа – и снова тихо. Гость, продолжавший в ожидании хозяйки стоять посреди комнаты, так и не сел на предложенное ему место.

– Да, сестричка, – наконец заговорил он. Им было пока легче разговаривать через стенку, не видя друг друга. – Да, всякое бывает в жизни... Ведь он так надеялся, что через месяц вернётся домой. Но тут, видать, воля Аллаха, против него не попрёшь!

– Ты, часом, не из рода муллы или муэдзина? – с досадой спросила Гильмениса, которая только что всхлипывала, но вдруг возмутилась. – Воля Аллаха, воля Аллаха!.. Почему эта воля приносит одни несчастья? Почему против неё нельзя даже голос поднять? И это друг называется! Сам-то, небось, живой!

– Уж не испугалась ли ты, сестричка, что я читал заупокойный намаз по твоему мужу и теперь пришёл требовать плату? – пе-

чально пошутил солдат. – Ну так не тревожься напрасно, я и сам чуть не отправился на тот свет без всякой заупокойной молитвы. Может быть, ты заметила, что я, подобно заражённой вертячкой овце, хожу несколько боком. Впереди меня всегда движется моё левое плечо. Видно, и в рай оно прежде меня попадёт!

И так он это всё добродушно сказал, что Гильмениса устыдилась своего мимолётного гнева.

Она накрыла на стол, и, когда вскипел самовар, они выпили по чашечке чаю с солдатским гостинцем – загрязнившимся от долгого пребывания в вещмешке куском сахара. И пока пили, успели познакомиться друг с другом. Гильмениса узнала, что солдат, как он лихо выразился, «шкандыбает» из госпиталя домой, но, судя по письмам из родного аула, его там никто не ждёт, родители умерли и окна заколочены крест-накрест. А сам он, чтоб не сглазить, богач: вот есть у него этот старый, залоснившийся в солдатских походах мешок да ещё больное плечо, которое, кажется, слишком много о себе возомнило, норовя, точно знаменосец в полку, всегда бежать впереди, – словом, жизнь не балует. Но он, однако, не унывает и не очень торопится в преисподнюю, то бишь в этот – как его? – рай... А кроме того, между шуточками промелькнула у него и такая дерзкая в его положении мысль: если, мол, повезёт и встретится на пути какая-нибудь шальная головушка, он бы не прочь жениться.

И вот, пока они так говорили, шумно ворвалась в дом Камар, ни сном, ни духом не ведавшая, что застанет здесь гостя. День выдался удачный, в поле было весело, потом все вместе возвращались на подводе в аул, так что вид у неё был оживлённый, она улыбалась, глаза блестели, а из-под юбки, словно у подростка, торчали красные шаровары.

– Камар? – тотчас привскочил со своего места солдат и, протянув руки, двинулся к ней навстречу.

Девушка не столько смотрела на гостя, сколько молча вопрошала невестку, стараясь понять, кто это. Но и та удивилась. Имя девушки в их беседе ни разу не было произнесено, и то, что он так проворно вскочил и рванулся к двери, а в особенности нежная интонация, с какой он сказал «Камар», Гильменису насторожила и почти испугала.

– Родненькие мои, ведь я и искал-то ваш дворец по её – Камар – имени, – объяснил между тем солдат, стоя перед ошеломлённой девушкой, как рядовой перед генералом. Он почему-то казался растерянным, хотя всеми силами старался скрыть это, и

болтал, и болтал, пересыпая свою речь русскими прибаутками. А у Камар вдруг пронеслась в голове нелепая мысль: «Уж не он ли тот человек, что скрипел снегом у них под окном в метельную зимнюю ночь?»

Женщины оторопело молчали. И тогда он сбился, сбавил тон и заговорил по-новому, тихо, душевно, отнюдь не так бойко, как только что, а даже смущённо:

– Вот стою и не знаю, с чего начать, – сказал он, не поднимая глаз. – Я уж тут говорил, что работал на шахте с покойным Барыем, и повторяться не буду. А только скажу, что завещал мне друг. Перед отъездом на шахты он, видно, крепко обидел сестрёнку Камар, то ли рукой, то ли словом – не ведаю. Знаю лишь, что он очень мучился этим и часто вспоминал, вздыхая, про какую-то неприятную историю... «Иной раз такое бывает в жизни, дружище Таджи, – говорил он мне, – чего и предугадать нельзя. И если со мной что приключится, прошу, зайди как-нибудь к нам в аул, не сочти уже за труд, и разыщи мой дворец, он стоит на отшибе, в овраге... Поклонись в ноги сестрёнке Камар, – не от себя, говорит, от меня, – и скажи, что не хотел я её обидеть, просто с отчаяния получилось, со зла на эту собачью жизнь, и пусть не сердится, если может». И вот я пришёл вам это сказать.

Не успел он вымолвить последних слов, как Гильмениса, а за ней и Камар разразились рыданиями, забыв о присутствии гостя. Таджи неловко переминался с ноги на ногу, не зная, как их утешить, и бормотал про себя:

– Не мог же я не выполнить завещания друга?... Быть может, ради этого-то святого дела и вытаскила меня судьба из кровавой каши войны...

Теперь уж нельзя было и думать, чтобы сесть за стол и продолжать спокойно пить чай. Всем было тяжело. Солдат суетливо засобирався, подхватил вещмешок. И Камар, словно по наитию свыше, поспешно отвела в сторонку джинги и жарко зашептала ей в ухо:

– Хочешь, сердись на меня, хочешь, нет... Только я всё равно пойду провожать этого человека, до холма Тикермен! Пусть неприлично, пусть некрасиво, – торопливо предупредила она возражения Гильменисы, – я не могу не пойти. Тут судьба. Я чувствую. Он мне теперь как брат... Ближе брата!

Что могла ответить на это джинги? И потом разве это её, Гильменисы, дело? Правда, солдат Таджи благородно отказывался: «Не надо, милая, я знаю дорогу!» Но, конечно же, говорил

это только для виду, потому что когда Камар на своём настояла, он тихонечко улыбнулся. И девушка, даже не переодевшись, не смыв с лица следы слёз, взяла и пошла вслед за солдатом.

Видать, им нашлось, о чём говорить по дороге, потому что Камар вернулась взбудораженной и счастливой.

– Ах, джинги, джинги, какое у него доброе сердце! – с порога выпалила она. – Он сказал мне «милая»! Мне, на которую ещё ни разу ласково не взглянул ни один мужчина! Я хотела идти за ним прямо сейчас, но он велел подождать. «Дай мне сперва отодрать хоть доски, которыми заколочены окна, пусть в доме станет чуть-чуть светлее, а то, пожалуй, не узнаю тебя в темноте!» Ах, какой он потешный, какой симпатичный, джинги! Я таких и не видывала! Давно-давно мне не было так весело!

Ну что могла сказать Гильмениса? Разве её это дело? Дело Гильменисы – пережить и эту утрату...

Осенью, когда кончились полевые работы, прикатил на бог весть у кого выпрошенном тарантасе солдат Таджи – он всё ещё был в своей старой замасленной гимнастёрке – и под звон бубенцов увёз ополоумевшую от счастья Камар – теперь уже навсегда.

И осталась Гильмениса одна с тремя дочками.

8

К этому времени совсем иссякла возможность прокормить семью рукоделием. Какие там свадьбы? У жителей аула по горло было других, поважнее нужд и забот. Чуть ли не всех джигитов поглотила прожорливая война. А тех, кто чудом остался в живых, война выплёвывала уже перемолотыми. Страшно работали её железные челюсти!.. И всё-таки даже в это суровое время люди пытались шутить.

Часто приходилось слышать, как безусые пареньки – не то в насмешку над оставшимися без женихов девушками, не то над обычаями, нравами и даже самой верой предков, ломкими, точно у молоденьких петушков, голосами горланили на улицах бесшабашную песню:

Лупит дождичек свинцовый по сосновым доскам, –
А девчонки достаются озорным подросткам!..

Разлуку с Камар Гильмениса восприняла так тяжело, словно ей кто-то взял и подрезал крылья. И, однако, она не могла не радоваться, что девушка устроила свою судьбу в такие трудные

годы, когда парни были буквально наперечёт. Виделась она с молодыми редко: специально приглашать Гильмениса их не могла – чем станешь потчевать дорогих гостей? – но когда они, бывало, нагрянут сами, метала на стол всё, что было лучшего в доме, топила баньку и даже, ничуть не боясь злых языков, откуда-то доставала «мерзавчик». Впрочем, и молодые старались приезжать не с пустыми руками. Прихватят с собой в подарок платок, фартук и ситец на платье то для одной из девочек, то для самой Гильменисы.

Её зять Таджи, какой он ни был кривобокий, а бить баклуши не стал, поступил приказчиком в лавку известного в округе богача Ширияздана. И при этом не замкнулся в домашнем мирке с молодой женой, а, имея характер живой и общительный, ум – любознательный и пытливый, выписывал газеты, доставал какие-то брошюры, интересовался политикой и не прочь был пофилософствовать с Гильменисой:

– Ты не думай, джинги, что им это так всё легко обойдётся. Придёт день, когда сам господин Ширияздан на коленях будет молить, чтобы я забрал у него лавку и отпустил подобру-поздорову! Вот только пусть кончится война да вернутся домой джигиты.

Хотя Гильменисе ждать было с фронта вроде бы некого, она с удовольствием слушала эти крамольные речи. Как ни суди, даже ей есть на что уповать с окончанием войны: по крайней мере, появится соль, и то большое спасибо. А ещё – вдруг да станут заново распределять наделы и на радостях отвалят землицы и женщинам? Заботило её и другое: вот подрастают невесты, а их ведь впрок, для пущей сохранности, не засолишь, им ко времени подавай женихов, пока не превратились они в перестарков. Словом, пора бы уж пушкам молчать!

Вообще появились в воздухе какие-то новые веяния, и что они несли с собой – хорошее или плохое, – было ещё неясно. Не говоря уж про тех богохульников, что открыто распевали озорные куплеты прямо перед мечетью или домом муллы! Но слышно было, что измученные, обозлённые вдовы то там, то здесь грабили лавки, нападали на помещичьи амбары... А у иных солдаток рождались незаконные дети, их по-прежнему срамили, слагали про них баиты¹, однако не водили уже по улицам, чтобы любой прохожий мог им плюнуть в лицо, любой мальчишка побить камнями... Старые дикие обычаи были уже не в чести, но и новых,

¹ Баит – произведение татарского народного творчества.

лучших, что-то пока не сложилось.

Тревожно, смутно, боязно, но вместе с тем и радостно было на душе Гильменисы. Чего-то она ждала, а чего – не знала. Когда слышала рассказы про тех, кто слишком выходил из общепринятых рамок приличия, её охватывала брезгливость. Но иногда замечала, что и сама приноравливается к более свободным нравам. Так, оставив старшую дочь Факиху на хозяйстве, наказав ей сидеть за ткацким станком, – среднюю, «модницу» Фасилю, которой минуло четырнадцать лет, повезла в Казань и отдала в прислуги Муталлап-баю, доводившемуся ей дальним родственником. А младшей, двенадцатилетней Фание поручила присматривать за гусятами и телёнком. Все девчонки были при деле, но и Гильмениса, конечно, не сидела дома сложа руки, а нанялась в свинарники к помещику Колокольникову, усадьба которого находилась за лесом. Нашлись люди в ауле, осудившие её поступок: свинья для мусульман – животное нечистое, ухаживать за ним – грех, да и воняет уж больно мерзко, так что даже Гильменисе казалось, что она насквозь пропахла свинарником, и свой рабочий халат она неизменно оставляла в дровянике. Но несмотря на все злопыхательства, работы она не бросила. Хоть и страшно ей было ходить на усадьбу через лес ещё затемно и возвращаться ночью, да зато хозяин попался приличный, деньги платил аккуратно, обращался вежливо, разрешал, если надо, сбегать домой присмотреть за детьми и хозяйством, а порой подкинет вдове один-два рубля сверх положенного и скажет: «Это тебе поощрение за старательность, купи что-нибудь для сирот».

Делал он, впрочем, всё это напоказ и любил прихвастнуть при случае перед другими помещиками своим либерализмом: учитесь, мол, у меня и не будете иметь неприятностей от рабочих.

Что касается Гильменисы, то она во все эти политические тонкости не вникала, а просто радовалась, что хозяин отпускает их в субботу пораньше и можно пройти по лесу ещё при свете дня. Именно это обстоятельство и сыграло однажды удивительную роль в судьбе Гильменисы.

А ведь она давно ничего не ждала от жизни. Во всяком случае, ничего необыкновенного. А то, что произошло, было в высшей степени странно и даже ошеломительно... Шла она как-то в предвоскресный вечер по лесной опушке, от которой уже виден был их аул и особенно чётко выделялся на фоне розоватого закатного неба чуть накренившийся минарет мечети. И вдруг посреди поросшей зелёной травой полянки Гильмениса заметила мужчи-

ну, который сидел, задумчиво обхватив руками колени. По одну сторону от него лежал на боку мальчонка лет десяти, по другую – ребёнок поменьше. Оба были в картузиках. Младший самозабвенно грыз не то сухарик, не то корку. Иногда он вскакивал, чтобы шаловливо приобнять мужчину сзади за шею, потом со смехом ложился снова. Сам путник был без шапки, и виски его уже серебрились. Но телом он казался ещё крепок, широкоплеч, хотя и сутуловат, что, возможно, объяснялось его скрюченной позой. Решив, что это присел отдохнуть с детьми какой-то русский прохожий, Гильмениса прибавила шаг, как вдруг услышала странно знакомый голос и остановилась как вкопанная:

– А ведь это же наш аул... Точно! – воскликнул мужчина, приподнявшись с места. – Я и не узнал, вот чудеса! Ну да. Снесли Зелёную улицу и бугор Караташ... Конечно, это наш Ташлыяр!

Больше не произнесено было ни слова. Наступило молчание. Гильмениса медленно повернулась, и мужчина уставился на неё, словно не веря глазам своим. Тишина стояла звенящая, оглушительная, но теперь уже наполненная стремлением проникнуть, сорвать какие-то покровы, узнать, узнать...

– Постой! Ведь ты – Гильмениса? Точно... Моя Гильмениса!

Это воскликнул мужчина, который стоял, положив руки на плечи своих сыновей, но ещё не решаясь сделать шаг ей навстречу. Гильмениса молчала. Перед ней был Хафиз, её Хафиз – изрядно состарившийся, похудевший, но с тем же огнём в глазах, грустным зеленоватым огнём, какого не найти ни у одного человека в мире, и с тем же родным голосом... О, Всевышний, это был Хафиз, который так долго мучил её, являясь ей в сновидениях, чьё злое письмо она тогда изорвала в клочья, чтобы забыть его навсегда, непременно, непременно забыть!..

Один из мальчиков, тот, что постарше, словно почуяв что-то, пристально посмотрел снизу вверх на отца, произнёс по-русски какую-то фразу, но Хафиз не расслышал – он неотрывно смотрел на неё.

– Вот так, Гильмениса, – вдруг сказал он. – Гора с горой, говорят, не сходится, а человек с человеком...

И снова – тишина. Хафиз подождал, не скажет ли что Гильмениса, но она продолжала молчать, будто потеряла дар речи, и взглядывала исподлобья то на мальчиков, то на их отца.

– Ну ладно... Пожалуй, пойдём потихоньку, нам ведь в одну сторону, – проговорил наконец Хафиз.

Нет, не умом, – вряд ли она хоть что-нибудь соображала в эту

минуту, – а скорее сердцем, своим встревоженным, потрясённым, тупо бьющимся сердцем восприняла Гильмениса слова Хафиза, страшные, после столь долгой разлуки, житейской своей обыденностью: «Пойдём потихоньку, нам в одну сторону...» В одну сторону, о Аллах!..

– Это твои сыновья? – тихо спросила она.

– А чьи же? – усмехнулся Хафиз. Он произнёс это с лёгкостью, но то, что Гильмениса как бы отгоняла от себя мысль, что эти два мальчика в картузах – его дети, заставило Хафиза насупиться. «Не верит, – подумал, он. – Видимо, потому, что они похожи на русских и по-русски болтают... А как же старики-то посмотрят на моих огольцов? Поди, и не примут!»

Но Гильменису занимало другое.

– А мать? Где же их мать? Она позже приедет?

Возможно, не стоило этого спрашивать, и Гильмениса некстати задала свой вопрос – сорвалось с языка. Хафиз тяжело молчал.

– Их мать не приедет, – проговорил он, потупив взгляд. – Никогда!

Голос у него дрогнул и, желая скрыть это, он откашлялся и продолжил:

– Слыхала про город такой – Севастополь? Порт на берегу Чёрного моря... Её убило снарядом. Она была медицинской сестрой. В береговой охране. Маша... Машенькой её звали.

Хафиз замолчал.

– А теперь мы возвращаемся в Ташлыяр, – уже другим тоном заговорил он. – До Казани ехали поездом, там я порядком ещё провалялся в госпитале, прожился до нитки (ребята мои ведь квартиру снимали, пока мне там дырки мои залечивали!), и вот пришлось на своих на двоих домой топать... Ну, ничего! – И окончательно взяв себя в руки, шутливо добавил: – Веду мальчишек – не русских, не татар, серёдка на половинку! Интересно, пустят нас в аул или нет?

Гильменису охватила тоска. Она бы не могла объяснить, почему: то ли сжалось сердце при виде полурусских, полутатарских сирот в забавных картузиках, то ли её собственная нелепая судьба предстала вдруг перед нею во всей красе, но она замкнулась и не проронила больше ни слова.

Хафиз не зря опасался, что его родители, как люди старых, за-

коснелых взглядов и очень религиозные, будут, мягко говоря, смущены, увидев своих внучат. Кроме того, долгая разлука успела отдалить их от сына, приехавшего к тому же отнюдь не с ярмарки и потому – с пустыми карманами. Что-то незаметно было, чтобы Хафиз мог похвастаться хоть каким-нибудь мало-мальски приличным достатком: всего и имущества – морской китель с двумя рядами медных, до блеска надраенных пуговиц, а больше ничего! Не привела их в особый восторг и усвоенная им во флоте манера пересыпать свою речь броскими «морскими» словечками, значения которых понять они не могли. А тут ещё эти мальчишки, с трудом изъяснявшиеся по-татарски... И старики, привыкшие к спокойному, плавному течению жизни, несколько растерялись.

Первое время они не выказывали недовольства и радушно потчевали гостей. А бабушку сначала даже смешили внуки, которые разговаривали с ней больше с помощью пальцев и всевозможных гримас. Но так, однако, не могло продолжаться долго, и в один прекрасный день в старухе разыгралась желчь.

– Надоело мне смотреть, как они рожи корчат, – пожаловалась Сарби своему мужу, – да и люди уже всякое судачат про нас... Недавно Асхап так прямо и ляпнула: «Долго ещё будете вы терпеть в своём доме мальчишек, которых не подвергли священному обрезанию?» И сослалась при этом на саму абыстай, которая утверждает, будто из-за проклятой войны пошатнулось всё мироздание: появились, мол, в нашем ауле разные незаконнорожденные ублюдки, пьют, мол, они воду из общего колодца, и вот накренился минарет мечети, это, мол, не просто так, а знамение свыше...

Сарби ещё долго разглагольствовала бы в таком духе, но её прервал старик Хасанша:

– Перестань ты слушать всех этих ворон, что питаются падалью! Надо будет, я сам поговорю с Хафизом как мужчина с мужчиной. А ты чтоб не смела упрекать мальчишек тем, что они не обрезаны. Бедные сироты! Разве они виноваты?

– Да как же я их попрекну? Я и говорить-то не умею по-ихнему, – проворчала старуха.

С мужем она, однако, не согласилась и настроена была очень воинственно.

Между тем решительный разговор начала не Сарби и даже не старик Хасанша, а сам Хафиз, который, чувствуя, что упал в этот затхлый домашний суп, как таракан с печки, решил разрядить напряжённость со свойственной ему прямоотой.

– Что, отец, – сказал он, улучив момент, когда Хасанша был дома один, – не ко двору я пришёлся, так, что ли? Но ты, как старый солдат, должен бы меня понять... Разве те, кто, плавая по морским просторам, просолился чуть не насквозь и кого продырявили враги картечью, как хорошее решето, не достойны в родном своём доме почётно́го места? Справедливо ли указывать им на порог? Нет, отец, ты сам знаешь, – они такого обхождения не заслуживают! Да и вообще, по всему видно, наша братва в скором времени себя покажет!

Поняв, что говорит с отцом неподобающим тоном, словно речь произносит на митинге, Хафиз перестал горячиться и добавил уже спокойнее:

– Ладно, я понимаю – матери трудно с моими ребятами. И вот я решил: переедем-ка мы в дом солдата Заки. Он был моим другом, а после того как бедняга сложил голову на войне и жена его вышла замуж, дом пустует, я слышал, и окна в нём заколочены... Да только морскому волку, что в пух и прах разгромил чуть не целую эскадру германских линкоров, нипочём отодрать какие-те паршивые доски, – верно, отец?

Этой беседы, начавшейся с высокой ноты, а затем переведённой Хафизом на шутку, оказалось достаточно, чтобы к неприятной как для отца, так и для сына теме уже больше не возвращаться. На другой день Хафиз взял топор, пошёл к дому Заки, сорвал доски с окон, а бабушка Сарби вымыла там нары и пол. Дни стояли тёплые, топить не требовалось, об остальном Хафиз не очень пока задумывался. Взвалил на плечи вещевой мешок с нехитрым матросским имуществом – кружка, ложка, кисет с махрой, – подхватил своих огольцов в неизменных картузиках да и ушёл, насвистывая, с родительского двора.

Уйти-то ушёл, но, очутившись с ребятами в жилище Заки, уразумел вдруг, что дом этот и вправду совершенно пуст, если, конечно, не считать огромного мохнатого паука, висевшего на ниточке и отвратительно шевелившего лапами... Ни звука не слышно было нигде: ни хриплого кукареканыя петушка за окном, ни воркотни матери. А настало время выпить чайку, спохватился, что, кроме алюминиевой кружки, которую он всюду таскал с собой, нет ни одного сосуда – ни стакана, ни чашки, – да, собственно, и воду-то вскипятить не в чем, не говоря уже о том, чтобы заварить её чаем...

– Не вешайте нос, хлопцы, – бодро сказал он сыновьям, которые как-то подавленно приумолкли. – Скоро из Севастополя

придёт наш багаж.

Багаж!.. Название громкое, а подразумевался под ним ветхий сундучок, набитый нищенским скарбом. И, успокаивая детей, Хафиз чувствовал, как его самого давит глухая тишина опустелого человеческого жилья... Он был растерян.

Но несмотря на долгую изнурительную войну, на лишения и невзгоды, от которых обычно черствеют сердца, нашлись всё же добрые люди, которых тронуло бедственное положение Хафиза.

Прежде всех, ещё по горячим следам, явилась бабушка Сарби. Запыхавшись, она притащила огромный узел и, едва доковыляв до нар, с облегчением скинула свою ношу.

– Тут постель, – переведя дыхание, сказала она. – Три подушки, тюфяк, стёганое одеяло. Была бы у нас хоть завалящая лошадёнка, я бы ещё кое-чего подкинула вам, сынок, на обзаведение!

Не успела она кончить фразы, как в дверях, точно такой же навьюченный и запыхавшийся, показался старик Хасанша. Он нёс в плетёной корзине разную кухонную утварь и даже – правда, старенький, не раз чиненый – самовар.

– Да ты что, дед, рехнулся, что ли? Тебя, часом, не лягнула по башке кобыла? – напустилась на мужа Сарби. – К чему им эта корзина?

– Ничего, ничего, в хозяйстве всё пригодится, – ответил старик. И, повернувшись к сыну, чуть смущённо и с каким-то неясным намёком добавил: – Ты пока складывай туда разное негодное барахлишко, а потом, даст Аллах, обживёшься,пустишь корни поглубже и станешь держать в ней гусят.

И лишь после этого, сделав вид, что рассержен на несообразительную жену, сказал ей внушительно:

– Или считаешь, что Хафиз не додумается завести гусей? Вон у него за огородом какое прекрасное озеро!

Возможно, сейчас, когда следовало бы первым делом проявить заботу об ужине, слова старика насчёт будущих каких-то гусят кое-кому показались бы даже смешными, но Хафизу, которому порядком уже надоело блуждать неприкаянным по белому свету и мечтавшему свить, наконец, гнездо, они пришлись по душе.

Вернувшись в аул, он, конечно, расспросил соседей о Гильменисе и узнал, как мужественно бьётся вдова – одна с тремя дочерьми. И хоть он пока что не смел предпринять никаких шагов, в голове у него шевелилась тайная мысль: «Что, если бы она согласилась... Ведь мы с ней обломки, щепки от двух кораблекру-

шений, так почему бы нам не соединиться и не плыть вместе? У мальчиков появилась бы мать, у её дочерей – отец...» А если уж быть откровенным до конца, то именно эта мысль и увела его из-под родительской крыши. Нельзя было и думать, чтобы в тихом домике стариков собрать сразу пятерых детей – целый выводок крикливых гусят.

Разговор, начавшийся с пресловутой корзины, настроил Хафиза на возвышенный лад.

– Есть в твоих словах правда, отец, – сказал он. – Я бы не прочь обзавестись... гусятами! Даром, что ли, мы столько лет воевали? Очень, скажу тебе, счастья хочется. самого простого, человеческого... А сейчас, – прервал он себя, – пора подумать об ужине. Как-никак новоселье! Не мешало бы и сообразить кой-чего!

Словно он только того и ждал, – как говорится, гость к гостю, – вырос на пороге сосед Сафа. Лукаво улыбаясь, он что-то прятал под полкой камзола. Машина войны здорово успела его помять: правая рука была у него отрезана по самый локоть. Постояв немного, Сафа хлопнул Хафиза культией по спине и сказал:

– Сколько уж как ты приехал, а вот не посидели ещё мы с тобой, не поговорили как следует. Я тебя пригласить не мог: дом полон детей и мух, знаешь сам! Но раз ты теперь мой сосед, дай-ка зайду, думаю... – И он нерешительно взглянул на отца Хафиза. – Вы как, Хасанша абзый, не очень спешите на ясту-намаз¹?

Старик правильно понял Сафу – спрятанная под полкой бутылка явно просилась наружу.

– А ну, мать, – по-военному скомандовал жене Хасанша, – беги домой, притащи посуду, соль и буханку хлеба. Мигом!.. Эх мы, лопухи! – спохватился он вдруг. – Прежде всего надо было пронести через дверь хлеб-соль, да что с нас возьмёшь, недоумков старых?

Пока Сарби успела обернуться туда-сюда, сварганили неплохой ужин: Сафа приволок из дому полное блюдо пирожков с требухой, а для мальчиков – целую шапку варёных яиц.

– Здесь, на татарской земле, яйца не красят, – сказал он ребятам, используя чуть не весь наличный запас русских слов, – но уж не побрезгайте обыкновенными беленькими, прямо из-под несушки! Давайте налегайте на них, а к нашему столу носа не

¹ Ясту-намаз – пятая молитва мусульман, читаемая после захода солнца.

совать – ясно?

...Да! Хотя впопыхах и забыт был старинный обычай освящения очага хлебом-солью, жители аула не обходили стороной дом Хафиза. Немало нашлось доброхотов, пожелавших, кто во что горазд, помочь сиротам. Нанесли одну за другой такую уйму подушек, что, сложенные на нарах горой, они доходили чуть не до потолка. Девушки – кто воду таскал, а кто мыл полы или стирал мальчишкам рубахи. Словом, жизнь постепенно наладилась. Дети учились у девушек говорить по-татарски, а те – долг платежом красен – выпрашивали, наоборот, у Миши и Толи разные русские словечки и выражения. Так что польза тут была обоюдная.

Сам Хафиз, обосновавшись на новом месте и едва оперившись, с головой ушёл в общественные дела: совместно с другими фронтовиками организовал в ауле солдатский комитет, который стал тотчас оказывать посильную помощь семьям погибших, а также не оказался в стороне и от главной, насущной заботы аула – передела земли. Поэтому мальчишки были предоставлены себе и, как умели, управлялись с хозяйством сами. Они, впрочем, не очень-то утруждались, а если забегала за ними соседская ребятня, то, побросав грязную посуду и неубранные постели, всей шумной ватагой шли рыбачить на озеро.

Однако же я и сам, как мальчишка, несколько забежал вперёд, позабыв рассказать о том первом вечере, когда Сафа вытащил из-под полы бутылку, благодаря которой у честной компании порядком развязались языки. Чтобы достойно отметить прибытие друга, Сафа загодя приготовил самогон – да такой забористый, что с первого же глотка вышибал слезу и у самых заядлых любителей выпить. Старики родители, благословив сына, отправились домой спать, а к Хафизу «на огонёк» забрёл ещё один фронтовик, Хабир, получивший за какие-то там заслуги «Георгия» и приехавший на побывку. Сафа и Хафиз весело пригласили гостя к столу и честно разделили оставшийся самогон на три равные части. Но так как, начав раньше, они уже были на взводе, то и взялись подтрунивать над молодым георгиевским кавалером:

– А ты, брат Хабир, далеко пойдёшь! – потрепав его кулём по плечу, не то с насмешкой, не то всерьёз, похвалил Сафа. – Не успел разок пальнуть в немца, как заработал на грудь эту «куриную лапку»! Поди-ка, скоро и генералом заделаешься!

– Генералом-то оно, конечно, неплохо, – включился Хафиз, в глазах которого сверкнули сердитые искры. – Но ведь пока суд да

дело, у Хабира может и голова слететь с плеч долой. Или у царя Николашки, кто знает? Жизнь-то – колесо, по выражению Губая!

– Слушайте, слушайте, ну чего вы напали? В кои-то веки собрались три фронтовика, три верноподданных... Не будем касаться политики, посидим просто так, – взмолился несчастный Хабир, не ожидавший подобных наскоков на свой Георгиевский крест, которым он так гордился.

Но горячий Сафа не пожелал идти на попятный: ещё, мол, чего, яйца курицу учат, видали?

– Какой я тебе верноподданный, ты меня с собой не равняй, – заявил он, повысив голос и пристукнув культёй по столу. – Тебе, сопляку, которого на войне и муха не укусила, нацепили награду... А где моя рука, ну-ка скажи, а? Вот Хафиз знает, что я той рукой двухпудовую гирю поднимал десять раз безо всякой натуги...

Они ещё некоторое время поспорили, а потом изрядно захмелевшие гости разошлись по домам, не слишком-то хорошо соображая, следует ли на прощанье сказать друг другу «спасибо» или «пошёл к черту». А Хафиз, оставшись один, закурил сигарку и долго сидел, пока неожиданно для себя не поднялся и не вышел на улицу. Было уже темно и тихо, не слышно было ни собачьего бреха, ни скрипа калитки, ни стука ставни, а он, стараясь идти по прямой, двинулся, – куда бы вы думали? В сторону мельницы, к оврагу, где стоял дом Гильменисы.

Нет, нет, дурных намерений у него не было, просто уж, видно, сердце его туда повело, хотя в эти дни он, казалось бы, и не вспоминал о знаменательной встрече в лесу...

Правда, думал Хафиз, хибарка её расположена на отшибе, и вряд ли кто, да ещё в такое позднее время, заметит, что он рыщет у Гильменисы под окнами, так что пересудов бояться вроде бы нечего, – и всё же он удивлялся, с чего это его потянуло сюда, вот позарез приспичило, пусть краем глаза, пусть издали, взглянуть на дом своей бывшей возлюбленной.

...А Гильмениса проснулась среди ночи, как от толчка, и прислушалась к доносившейся откуда-то с улицы заунывной песне... Неизвестный певец словно нарочно повторял её снова и снова:

Лишь угасла заря и запел соловей,
Сладко сжало мне душу тоской.
Это сердце моё там поёт меж ветвей –
Ах, услышь ты меня, успокой...

Узнав голос Хафиза, она сначала вздрогнула, вся напряглась, потом устало и грустно улыбнулась... Что это взбрело ему в голо-

ву? Вот же чудак! Милый, старый чудак.

10

С тех пор как они встретились тогда на лесной опушке, Гильмениса ни разу не говорила с Хафизом, виделись они на улице лишь мельком, и то оба спешили, смущённо кивнув друг другу, поскорей пройти мимо. Но, думая о нём, она испытывала неловкость и даже какой-то страх. Как ни крути, а не дождалась же она Хафиза, вышла замуж... И Гильмениса старалась не попадаться ему на глаза. Но после того, как услышала его ночную грустную песню, она и вовсе потеряла покой. Пытаясь себя образумить, Гильмениса твердила: «Выдумки, ерунда! И не к лицу нам обоим... И вообще – мало ли что кому померещится? Возможно, у него это было мимолётное настроение... А возможно, и не для меня он пел!»

При всём том внезапный приезд Хафиза никаких видимых изменений в её жизни не вызвал – так же ходила она на подёнку, так же одевалась, так же редко появлялась на люди по вечерам. И всё-таки довелось им однажды встретиться ненароком – как раз тогда, когда она меньше всего этого ожидала.

Гильмениса возвращалась домой с поля. Была уже поздняя осень, лили обложные дожди, одежда на ней промокла до нитки, и она устало брела по дороге. В этот день у неё совсем прохудились лапти, и позади тащились грязные вожжи из рваного лыка.

И вот её вдруг нагоняют на лошади.

– А ну, аульчанка, садись – прокачу!

Даже не успев поднять головы, Гильмениса узнала голос Хафиза. «Подумаешь, важная птица, на лошади разъезжает!» – пронеслась нелепая мысль. Что за наваждение? Почему ей всё время хотелось его осуждать, находить в нём какие-то недостатки? Ах, только бы не признать его превосходства, только бы не дать ему повода смотреть на неё сверху вниз! «Воображает из себя невесть что, – думала она с досадой. – Явился и хочет всю жизнь аула переделать по-своему!» И даже то, что он нагнал её сейчас на телеге, в то время как она, Гильмениса, еле передвигая ноги, шлёпает по щиколотки в грязи, больно задело её самолюбие.

– Спасибо, и так доберусь, немного осталось, – ответила она с претившим ей самой раздражением. И не сумела удержать жаркий ток крови, прихлынувшей к щекам, скрыть проступивший

на бледных щеках румянец.

– Да садись, Гильмениса, глупо же, чтоб телега тащилась порожняя, а ты шла пешком! Садись, – настаивал Хафиз прежним ласковым тоном, который не оставлял сомнений в его искренности.

Но так как она продолжала молча идти по обочине, Хафиз отпустил вожжи и поехал вровень с нею. Озябшая, усталая и, вдобавок, заранее против него предубеждённая (в силу, как это ни странно, недовольства не им, а собой), Гильмениса, однако, не позволила себе дойти до той крайности, когда не можешь уже отличить в другом фальши от искренности. Хафиз не насмехался над ней, он был рад, что встретил её, и она видела это.

– Да нет же, Хафиз-абый, не стоит, право, – сказала она, невольно просияв и оттого ещё более растерявшись. – Люди увидят. Спасибо, сама дойду.

Тогда Хафиз спрыгнул с телеги и зашагал рядом с нею. Чтобы как-то начать разговор, он объяснил, что провожал одного фронтового друга.

– Полжизни я провёл на чужбине, корешей заимел – миллион! А этот только что вышел из лазарета и топал пешком в свой аул. Мог ли я допустить, чтоб такой инвалид, на костылях, без ноги, тащился без малого двадцать вёрст по грязи? Вот выпросил у соседа лошадь да и отвёз солдата домой. – И, желая придать разговору оттенок шутливости, добавил: – А неплохо шагать вот так за телегой! Хоть малость согреешься. И лошадь, наверное, нам с тобой благодарна – всё же легче тянуть!

– Разве лошади могут испытывать благодарность? Не знала, не знала, – принуждённо улыбнувшись, ответила Гильмениса.

Но то, что Хафиз слез с телеги и шёл вместе с ней по раскисшей дороге, его непосредственность, простота обхождения – всё это постепенно растопляло её сердце, как бы она ни старалась выставлять колючки, подобно ежу. И вот они уже наперебой выкладывают друг другу аульные новости, затем осторожно переходят на более интимные темы – о детях, и Хафиз даже немного бахвалится перед ней своими мальчишками, которые научились бойко болтать по-татарски, и заставляет её посмеяться, сообщив, что, мол, придётся ему, видать, раскошелиться, потому что сыновья, имея ещё вполне приличные, недавно купленные картузики, требуют тем не менее тюбетейки, как у других татарских ребят.

– А ко мне девчонки не пристают с подобными пустяковыми просьбами, довольствуются тем, что имеют, вроде их отца,

Барыя, – вот уж скромный был человек! – говорит Гильмениса и тут же замечает, как темнеет лицом Хафиз.

Сказано это было не для того, чтобы похвастаться благоразумием дочерей (да и какое там у них благоразумие!), и не для того, чтобы ранить Хафиза (этого она в уме не держала), а чтобы как-то оборвать разговор, принявший, как ей показалось, слишком опасный характер.

Но, несмотря на то, что Хафиз был явно уязвлён упоминанием о Барые, он, как человек решительный и бывший моряк, не отступил, а всё же сказал Гильменисе то, что намеревался, хотя и с несколько пасмурным видом:

– Что твои! Твои уже взрослые, – медленно произнёс он. И тут же, не давая опомниться ни ей, ни себе, спросил напрямик: – Ты вот что лучше скажи, Гильмениса, только честно. Ведь мы здесь одни. Ты вышла за него... по любви?

– По любви, – ни секунды не медля отрезала Гильмениса. Ей казалось неблагородным по отношению к покойному мужу сказать иначе.

А Хафиз уже не мог не цепляться за надежду, даже за тень надежды... Потому что, расспрашивая о прошлом, он жил теперешним, и ему было интересно не столько то, что Гильмениса чувствовала тогда, сколько то, что у неё на душе сегодня, сию минуту, – ведь его неудержимо (хоть сейчас схвати и прижми к груди!) тянуло к этой женщине, немного поблекшей, обутой в рванные лапти, но сохранившей свои ясные карие глаза, всё тот же скромный, полный достоинства облик. Да к тому же он теперь точно знал, как обстояло дело, по какой причине и при каких обстоятельствах Гильмениса оказалась в доме Барыя. И он не поверил ей.

– По любви, по любви! – всё более повышая голос, повторила Гильмениса. Слезы душили её, но, уловив недоверчивый взгляд Хафиза, она тихо и уже через силу добавила: – В другой раз не трогай моего Барыя. Побойся греха, Хафиз.

Резко свернув с дороги на узкую стёжку, не попрощавшись, она побежала от него прочь...

Однако бежала она не от него – от себя. Разве не ясно ей было, что Хафиз задал свой вопрос, быть может, чуть-чуть преждевременно и грубовато, зато искренне и беззлобно? И ведь как дружески с ней говорил, сколько проявил терпения, стараясь победить её скованность, как добродушно сносил насмешки, с какой неподдельной заинтересованностью расспрашивал про её

дочерей и каким ласковым голосом... Она понимала и то, что разговор этот был затеян не зря, не от нечего делать, что намерения у Хафиза серьёзные.

Обо всём этом она думала, медленно возвращаясь в аул, после того как затихли вдалеке скрип колёс и топот лошадиных копыт. Не перестала думать и дома. Никого не было, никто не мешал, дочери ушли кто куда, и одиночество, тишина, пустые стены навели Гильменису на мысль, в первую минуту её испугавшую: «Да что ж тут плохого? Пусть бы он высказал то, что хотел... Ну что бы случилось, если б я даже села в телегу? А если у кого-то язык без костей, пусть бы молол, что угодно... Какое мне дело? Теперь он обиделся... Конечно, обиделся, и это я виновата!»

Поздно вечером вернувшись с работы Факиха застала Гильменису ничком лежавшей на нарах в тёмном углу.

– Голова разболелась... Такой ветер был! – поспешила она оправдаться, пряча опухшие от слёз глаза.

Впрочем, немногословная, как мать, Факиха не стала ни о чём допытываться. Сказала просто:

– Ты полежи, пока я схожу к ручью за водой, – и, взяв коромысло и вёдра, тут же вышла.

А придя, сообщила:

– Знаешь, я подумала – у Хафиза-абзыя одни мужики в доме, кто о них позаботится? Взяла и принесла им воды... А там бочка полнёхонька, нары чистые, кругом порядок. Оказалось, мальчишки прекрасно управляют хозяйством, когда захотят. И, главное, так уже бойко болтают по-нашему! Прямо на удивление!

Гильменису же приятно поразило другое: Хафиз не отказался от воды, принесённой её дочерью, нашёл, куда её вылить, и, если верить Факихе, с улыбкой сказал:

– Твоя вода должна быть особенно вкусной. Мы её, милая, оставим на чай.

Так, значит, он не обиделся? «И всё же, Хафиз, – грустно подумала она, – ничего между нами не будет, пока я сама, своими силами, не полагаюсь ни на кого, не подниму, не пристрою в жизни всех трёх дочерей... Так что лучше и не мечтать о несбыточном!»

Ей показалось, что решение это – справедливое, правильное и его надо твёрдо держаться.

Хафиз, что он, как и Гильмениса, несёт все тяготы вдовства, один воспитывает осиротевших детей, придавало ей мужества. «У нас с ним одна судьба», – грустно думала Гильмениса.

И в тихие вечерние часы она предавалась размышлениям, заново перебирая подробности их последней встречи и пытаясь понять, как это Хафиз отважился задать ей прямой вопрос: по любви ли вышла она за Барыя? Ведь наверняка он всё прекрасно понимал, просто хотел услышать, что она скажет сама. Неужто надеялся, что Гильмениса вот так просто предаст мёртвого? Она гордилась тем, что поступила по совести, но теперь, когда Хафиз не мог её слышать, вела с ним нескончаемые беседы, оправдывалась и объясняла: «У меня не было времени, отец наседал, близилась ненавистная свадьба, дело касалось моего достоинства, человеческого, не только женского достоинства, ты пойми!.. Я знала, что Барый меня любит, готов ради меня умереть... А ты – далеко, и кто знает, когда вернёшься, и за столь долгий срок не забудешь ли свою Гильменису... Вот почему я кинулась к Барыю – так бросаются, спасаясь от убийц, к первому встречному, но потом... Потом, Хафиз, я узнала его и полюбила, он был такой славный, мой Барый, такой добрый...»

Хафиз, чем дальше, тем больше занимал её мысли. Прежде он был просто красивый, ловкий, весёлый и сильный парень – джигит, батыр. Сейчас в нём чувствовались спокойствие и уверенность много повидавшего человека, он знал что-то такое, чего не знали другие люди в ауле, и умел повести их за собой. Он стал человеком нового времени, которое властно о себе заявляло даже в их забытом богом ауле, явился как бы его послом и представителем. И это было ясно всем.

И, думая о Хафизе, Гильмениса не могла не думать и о новых веяниях, которые он принёс, вместе со своим нищим заплечным мешком в родные края. «Говорят, – размышляла она, – что солдаты, и те, что ещё воюют, и те, что вернулись домой, связаны фронтовым братством... Говорят, они там все между собой сговорились... И не только между собой, но и с городскими жителями, из тех, конечно, что победнее, с разным мастеровым людом... И что с ними заодно студенты, а также безземельные, безлошадные батраки. Всем надоела война, никто больше не хочет проливать за царя кровь, и говорят, что народ собирается его скинуть, а народ – это кто же? Это и мастеровой люд в городах, и солдаты, как Хафиз и Таджи, и батраки, вроде меня, и вечно голодные студенты... Получается, за кого же он ратует, мой

Хафиз, за чью лучшую долю? За мою, за свою, за народную... А то, что у них братство и что всё это не досужие выдумки, я знаю сама. Достаточно вспомнить, как он, выпросив лошадь, повёз под дождём того хромого солдата...»

Всё это возвышало Хафиза в глазах Гильменисы, оведало его тайной, и выходило, что до этого человека не так-то легко дотянуться, но, с другой стороны, он становился ей ещё ближе, ещё роднее, как только может быть близок и родственен тот, кого заботят не свои, не личные, а чужие, общие нужды, в том числе и твои. Она почувствовала в нём для себя опору, и чувство это ей, привыкшей биться с жизнью один на один, принесло удивительное успокоение.

Однажды, когда она, как обычно, думала о «таинственном человеке, до которого не так легко дотянуться», он сам, собственной персоной, явился к ней в дом и без всяких обиняков сказал:

– Послушай-ка, Гильмениса, ну что дальше тянуть? Мне плохо, тебе плохо, у тебя дети и у меня, все пятеро – сироты, мы с тобой – не чужие, давай, милая, объединим оба гнезда, и ты станешь матерью нашим птенцам, я – отцом. Было ведь время, когда мы с полуслова понимали друг друга...

Он смотрел на неё с печальной покорностью, которую так странно было видеть у этого сильного человека. Именно так он смотрел на неё в дни их далёкой молодости, и у Гильменисы сладко защемило в груди.

– Мои уже взрослые, не уместятся они в одном гнезде с малышами, – растерянно улыбнувшись, сказала она и глянула ему прямо в глаза. Наступила такая серьёзная, такая решающая минута, когда уже было нельзя отделаться ни молчанием, ни пустой шуткой. И всем существом своим сознавая эту серьёзность, Гильмениса, которая уже совсем была готова рвануться навстречу Хафизу, сказала тихо:

– Давай подождём... Знаешь, ведь я дала себе слово: возвращу уж своих девчонок сама. Ну, вроде в память Барыя, что ли? Так будет лучше, чище как-то. И справедливее, понимаешь? А они уже вот-вот улетят, Хафиз. Недолго осталось. Давай подождём...

И оттого, что разговор и в самом деле получился такой доверительный и серьёзный, Хафиз настаивать не стал. Он и впоследствии не решался возобновить его, считая, что унизил бы себя в собственных глазах, отнесясь без достаточного уважения к словам Гильменисы.

...Между тем разыгрались такие события, которые заставили

их обоих на время отвлечься от этих мыслей. Слухи, что передавались из уст в уста и дошли даже до ушей Гильменисы, оказались верными. В аул Ташлыяр одна за другой докатывались вести самые оглушительные и почти неправдоподобные. Царя скинули, и, хотя война ещё продолжалась, началось в народе брожение, там и здесь возникали различные комитеты – словно грибы после дождя. Причём комитеты эти между собой не ладили, и то, что с жаром утверждали одни, тотчас опровергали другие. Хафиз совсем закрутился, неделями не ночевал дома, срывал голос на митингах, похудел, почернел, и где уж тут было думать о своём гнезде, когда все вокруг жили, точно шмели в расстроенном улье, жужжали, метались туда-сюда, не зная, кого следует жалить...

Гильмениса, несмотря на то что и её жизнь сошла с накатанной колеи и, как телега со сломанным колесом, прыгала с кочки на кочку, находила время – стараясь, впрочем, не слишком мозолить глаза сплетникам, – забегать в опустевший без хозяина дом Хафиза и присматривать за детьми: стирать им, готовить, латать рубашонки. Мальчишки привыкли к ней, болтали с ней запросто, без стеснения, забавно коверкая татарские слова и примешивая к ним русские.

А вскоре свершилось то, о чём она мечтала когда-то вдвоём с Барыем и потом – одна, оставшись с тремя дочерьми и золовкой. Тогда, лишённые земельного надела, они бессильно проклинали закон, казавшийся таким незыблемым!.. И вот рухнул жестокий порядок. Когда прогнали помещиков, конфискованную у них землю добавили к общинной и разделили между семьями по количеству душ. Гильмениса вступила вдруг во владение сразу четырьмя наделами и поначалу словно обезумела от радости, ходила вместе с мужчинами в поле, перемеривала шагами участок, отбивала его колышками... Но вскоре её одолела забота: как, чем обработать столько земли? Где взять лошадь и плуг – не вспашешь ведь землю ногтями! Где достать семена?

И тут она снова подумала о Хафизе. Ах, как был он нужен ей! Не только для того, чтоб приклонить усталую голову, но и затем, чтобы получить дельный мужской совет. Вечно страдать одной да одной, вечно ломать голову и выкручиваться – разве это доля для слабой женщины?

И вот в эту первую революционную весну, когда она тщетно ожидала Хафиза, который, будучи председателем Советской власти в округе, заседал день и ночь в табачном дыму, пожало-

вал к Гильменисе, широко распахнув её перекосившуюся калитку, сам Альмухаммет-бай, то ли к старости поумневший, то ли до смерти перепуганный революцией.

– Я слышал, доченька, – начал он прямо с порога, – что ты ходишь по аулу и плачешь, не зная, как прожевать доставшийся тебе кусок... Конечно, где уж смирить гордыню да поклониться родному отцу! А он, между тем, не перестаёт о вас думать. Нам будет пахать Мухаррям, возьми вот и покажи ему свой участок, заодно обработает и тебе. А зерна если нет, я одолжу. Потом видно будет – либо разделим урожай пополам, либо просто вернёшь долг, авось люди свои, не подерёмся!

Гильмениса, подумав, приняла это предложение. Хоть одна забота свалилась с плеч, и на том спасибо. Она даже повеселела. Как вдруг откуда ни возьмись новая напасть: затеяла с ней как-то разговор старшая дочь Факиха. Девушка в последнее время сделалась задумчивой и в то же время какой-то радостно-возбуждённой, непохожей на себя, да Гильменисе всё недосуг было порасспросить, что с ней происходит. И Факиха, заметив, что у матери душа не на месте, не слишком спешила открыть ей сердце. А после того как уладилось дело с обработкой участка и Гильмениса явно воспрянула духом, она, наконец, решилась.

– Не ты ли, – издалека начала она, – с малолетства наставляла меня учиться грамоте? Пригодится, шутя говорила ты, хотя бы письма читать. Верно, мама?

– Допустим. Что дальше? – настороженно спросила мать.

– А дальше вот что получилось, мама, – лукаво улыбнулась Факиха и тут же вручила ей толстую пачку писем. Но так как мать взглянула на неё с испугом, Факиха сделалась сразу серьёзной. – Он мне писал, я читала. А вскоре и я стала ему писать. Хочешь – побей, но вот тебе вся правда: тут письма учителя из Нижнего аула, ты знаешь его – Шаукат. Мы с ним любим друг друга. И не противься моему желанию, это замечательный человек, замечательный, и... и... я выхожу за него замуж! – выпалила она под конец.

Что могла возразить Гильмениса? Она была женщиной мудрой и знала характер дочери – решительности, отваги ей было не занимать, как в своё время и самой Гильменисе. К тому же об учителе из Нижнего аула она слышала только хорошее. Поэтому мать только ласково покачала головой. Ты смотри на неё! Прямо и смех и грех. Бывало, словечка из неё не вытянешь, такая тихоня, а тут всего один раз сбегала на посиделки в Нижний аул,

и пожалуйста, жениха подцепила!.. Да ведь и то сказать – время какое, всё огнём горит!

Не успела она оглянуться, как дочь не только вышла замуж, а ещё и окончила краткосрочные курсы для учителей младших классов, приохотилась вслед за учёным мужем читать газеты, журналы, книги, а к осени тоже устроилась в школу, стала преподавать малышам и, ни в чём не уступая своему Шаукату, получала наравне с ним и жалованье, и топливо, и керосин, и паёк... И что особенно приятно было Гильменисе, Факиха не просто оперилась и взлетела сама, но вот уже пытается расправлять крылья и чужим ребятишкам.

Тем временем вторая дочь Гильменисы – та самая Фасиля, что работала в городе прислугой у богатых купцов, та весёлая ветреница, что чуть не с пелёнок пуще всего на свете обожала наряды и тайком от матери присваивала те добровольные подношения, которыми несчастные жёны фронтовиков расплачивались за писание писем мужьям, та забавная вертихвостка и модница, что гораздо раньше старшей сестры стала щеголять в красивых ожерельях и лентах, предприимчиво обмененных ею у коробейника, – вот эта ловкая Фасиля по-своему воспользовалась поднявшейся в ту бурную весну всеобщей неразберихой, быстренько вскружила голову одному из хозяйских приказчиков и стала жить с ним, как жена с мужем.

А так как этот приказчик был грамотен и неплохо разбирался в купле-продаже, его вскоре поставили начальником по тем же торговым делам. Вот тут-то Фасиля написала матери про своё житьё-бытьё, не преминув прихвастнуть и трёхкомнатной квартирой, доставшейся им от буржуев, и множеством зеркал от пола до потолка, и коврами, и люстрами, а уж в самом конце, словно бы между делом, сообщила: «Я теперь не Рахманова, а ношу фамилию мужа, большого-пребольшого начальника. Приезжай, мама, в гости! Остаюсь твоя верная, любящая дочь – Фасиля Кадерметова».

Эту свою дочку, непослушную и бойкую нравом, Гильмениса любила меньше остальных и в минуты гнева бранила с обычно не свойственной ей резкостью: «Ой, да ты, видно, не дочь бедному гордецу Барыю! Честное слово, не дочь, потому что ни отец твой, ни я никогда не льстились на богатство и роскошь, на разную мишуру! Шайтан тебя породил или джин!» Но тотчас вспомнив, что Барый с особенной нежностью относился именно к Фасиле, укоряла себя за вспыльчивость и, едва дочь засыпала,

принималась нежно её целовать.

Из трёх дочерей Гильменисы Фасиля была самой красивой. И может быть, благодаря яркой и броской внешности, а также умению модно одеваться, она и приобрела непоколебимую уверенность в своих чарах. А эта уверенность, в свою очередь, часто диктовала ей необузданные поступки, вроде того, например, как сойтись без никаха с мужчиной. «Ах, негодница, – обливаясь слезами над дочерним письмом, думала Гильмениса. – Или ты боялась потерять ненаглядного своего женишка?» А вволю настрадавшись, вздохнула и решила так: «Кто падает сам – не плачет. Ладно уж, только бы кончилось у них добром». Хоть и стоял в горле шершавый комок, Гильмениса, похоже, почти уже простила дочь, проявившую столь дерзкое своеволие. Тем более что Фасиля приписала в конце листка мелкими буквами, что если, мол, матери недосуг, пусть пришлёт к ним вместо себя младшенькую, Фанию. Вот это желание повидаться с сестрёнкой несколько смягчило сердце Гильменисы. И, когда летние работы были в основном кончены, она принарядила девочку, как могла, и, правда, не без внутренних колебаний, отправила на недельку-другую погостить в город. К сожалению, это оказалось ошибкой, про которую Гильмениса, коря себя, потом говорила, что её не соскрести и ножом.

Пятнадцатилетняя молоденькая Фания, которая до этого ничего, кроме родного аула Ташлыяр и скособоченного домишки отца, не видела, попав в город со всем его шумом, грохотом и внешним лоском, в громадную, уставленную зеркалами, увешанную коврами квартиру «большого-пребольшого начальника», ходила как зачарованная. Новые сильные впечатления совсем затуманили её легкомысленную головку, и она тут же забыла про мать, оставшуюся где-то там далеко, в ауле. А если и не забыла, то, во всяком случае, не помышляла о возвращении домой.

Они с Фасилёй для очистки совести написали матери два-три коротеньких письмеца, приглашая её приехать, но, получив ответ, что пока не пускают дела, успокоились. Осенью муж Фасили, которому порядком надоел лишний рот, разузнал, что в городе открылась специальная школа с интернатом и приличной стипендией для таких именно сельских подростков, как Фания, и не поленился сам написать послание Гильменисе, красноречиво напирая в нём на то, что, мол, страна нуждается в образованных кадрах, что молодёжь должна откликнуться на этот призыв всей душой, и способная девушка, если, конечно, не станет отлыни-

вать от учёбы, легко выбьется в люди.

Получив от незнакомого зятя это письмо, Гильмениса в простоте душевной умилилась такой озабоченности и заинтересованности в судьбе свояченицы со стороны «большого-пребольшого начальника», тем более что он пророчил её любимице Фание блестящее будущее, а к тому же – нижайше просил тещу не побрезговать его искренним гостеприимством. Разом растаяв, она любезно ответила, что приедет, едва лишь представится малейшая возможность, и что, как мать, ничего не имеет против поступления дочери в указанное учебное заведение с интернатом.

Таким образом, Гильмениса неожиданно осталась совсем одна, лишившись сразу всех трёх дочерей. Революция принесла ей, наконец, вдоволь земли, но обрабатывать эту землю было некому. Да и зачем ей столько – одной? Не было революции – никому не нужны были грамотные девчонки из аулов, а теперь вот понадобились, и это, конечно, хорошо, но что же ей-то, Гильменисе, делать, чем дальше жить, когда у неё отобрали третью, самую любимую дочь? Не было революции, но зато неподалёку, у моста, жил-поживал Хафиз, который, как и она, мучился, воспитывая детей-сирот, и она то и дело, хоть мимолётно, встречалась с ним, находя в этом тихую отраду среди всех своих забот и лишений. А свершилась революция и отняла у Гильменисы последнюю тихую отраду, потому что Хафиз, как председатель Совета, стал, в силу невероятной загруженности общественными делами, совершенно для неё недоступен... Вот в каких противоречиях пришла к Гильменисе долгожданная революция.

А с другой стороны, как ей было не ликовать и не чувствовать себя на седьмом небе, когда – ты только смотри! – все её дочери в люди выходят! Даже в самых смелых мечтах не могла Гильмениса надеяться прежде на такую удачу. Она вдруг помолодела и расцвела, и стали ей, что ни ночь, сниться красочные, необычные сны. То приснится ей многолюдный, радостный сабантуй, то весёлая пора сенокоса... И непременно героем всех сновидений был – кто бы вы думали? – конечно, батыр Хафиз. На сабантуях он был победителем в любых состязаниях, на косьбе непременно оказывался с нею рядом и заговорщицки улыбался ей, а она тайком любовалась его молодыми, размашистыми движениями и загорелым лицом...

Но если бы только сны!.. В конце концов в этом она не властна. Гильменисе вдруг ни с того ни с сего понадобилось умываться каждое утро не простым, а душистым мылом. То ли вспомнила

она советы подруг давней юности, то ли сумел ей это внушить ловкач-коробейник, но Гильмениса почему-то уверовала, что душистое мыло «Гульджихан» сводит веснушки. И смеётся над собой в душе Гильмениса, и удивляется: с чего бы ей помешали веснушки на старости лет? Но когда-то, ещё в девичестве, – кажется, в тот самый знаменательный вечер поисков «пропавшей тёлки», – Хафиз ей сказал: «Знаешь, за что я тебя полюбил? Вот за две эти веснушки, что сидят на твоей переносице!» Он, понятно, шутил, но зачем же кому-то оставлять повод для шуток? Не лучше ли свести «две веснушки» с помощью чудодейственного мыла под названием «Гульджихан»?

Да, всё это забавляет саму Гильменису и радует тоже: ведь, оказывается, она не совсем позабыла, что такое весёлый смех. Она, правда, стесняется признаться себе в этом открыто, но всем сердцем чувствует, что хотя и ушли любимые дочери, да зато внезапно вернулась молодость.

А ведь сказать – не поверят, комедия да и только! Стала она бояться ночевать одна в доме – в том самом доме, где прожила двадцать пять лет. Что за детские страхи? Уж не думает ли она, что кто-то ворвётся к ней с улицы среди ночи? Если трезвым умом рассудить, то вряд ли найдётся дурак, который решит, что можно чем-либо поживиться в хибаре, наполовину вросшей в землю от одиночества и нищеты... Значит, что ж? Видать, Гильмениса считает, что кто-то позарится на неё самоё? Какая, однако, самонадеянность... Но кто знает? Быть может, она и права.

И вот, оказавшись во власти навязчивых дум и не страшась уже более кривотолков, Гильмениса отважилась на отчаянный шаг: собралась и отправилась в сельсовет. По дороге она была полна необыкновенной решимости и готовилась высказаться прямо, без обиняков. Дело в том, что с отъездом любимицы Фании Гильменисе как-то сразу стало нечего делать, и она слонялась по дому из угла в угол, не зная, к чему приложить руки. Поэтому само собой так получилось, что она зачастила к сыновьям Хафиза, совершенно заброшенным и неухоженным. Порой, подходя к дому, она ещё издали слышала страшный галдёж и заставляла там целое сборище соседских мальчишек, а иной раз, наоборот, её встречали раскрытые настежь двери, тишина и – полный разгром... Идя к Хафизу, она заранее обдумала, с чего начнёт разговор.

«Помнишь, Хафиз, – намеревалась она сказать, – помнишь своё предложение объединить в одно оба наших гнезда? Если ты

говорил искренне, то вот я пришла – возьми меня в жёны. Своих птенцов я уже выпустила, они улетели, и я могу стать матерью твоим сыновьям...»

Но, поднявшись на крыльцо сельсовета, Гильмениса почувствовала, что, вся её храбрость бесследно исчезла. Она вошла в помещение и, растерянная, покрасневшая, остановилась в дверях. Впрочем, именно девичье смущение и краска на щеках придали этой зрелой, как августовский полдень, женщине особую прелесть, и Хафиз, подняв от бумаг голову, оторопело уставился на неё. Не в силах вымолвить слова, она тоже молчала. Наступила напряжённая тишина.

– Почему ты, Хафиз, не спросишь, зачем я пришла? – с трудом произнесла наконец Гильмениса.

И вдруг обоим показалось, что самое главное уже сказано. Всё остальное она выложила без малейшего стеснения и запинки, почти шутливо:

– Нет, что ты себе думаешь, Хафиз, ведь твои дети просто на голове уже ходят, то есть я хочу сказать, пока ты тут горишь на работе...

– Знаю, знаю, – живо откликнулся он, – да что поделать, у меня на затылке глаз нет!.. – и добавил серьёзнее и даже с оттенком обиды: – Я говорил, но ты не послушала...

– Ах, дорогой, видать, тогда ещё не пробил час! – воскликнула Гильмениса и вновь замолчала.

Но Хафизу более не надо было никаких слов. Он понял: час, о котором она говорит, пробил наконец. Пробил! Потому-то она сюда и пришла.

Тут, возможно, не обошлось без какого-то отчасти и делового, практического разговора – ведь оба они были взрослые, умудрённые жизнью люди... Важно другое – с этого дня они стали жить вместе, и Гильмениса обрела семью, детей, а в Хафизе – надёжного верного друга.

12

Так, спустя четверть века, вернулась к ней её первая молодая любовь. Уже пожилая, пятидесятилетняя женщина, вырастившая трёх дочерей, не утратившая, гордо презрев людскую молву и насмешки, начать жизнь заново – видно, ощутила в себе такую неутолённую жажду счастья, такую силу великого противостояния мещанским предрассудкам и житейским невзгодам, что вскоре после того как вышла замуж за Хафиза, родила одну за другой

ещё двух девочек.

И несла все тяготы со спокойствием и достоинством, никому не плакалась, пустяковыми жалобами Хафиза не донимала... Семейная её жизнь текла мирно и дружно. Впрочем, это безусловное утверждение, быть может, и противоречит жизненной правде, потому что нашлось всё же несколько случаев, когда Гильмениса рассердилась на своего любимого мужа.

В конце двадцать девятого года неугомонный Хафиз приступил к строительству колхоза в ауле Ташлыяр. Горячий по натуре, испытавший на своём матросском веку не один жестокий морской бой, он, конечно, не мог в эти дни остаться в стороне и, с головой кинувшись в стихию противоборствующих интересов и сил, держался зло и непримиримо. А быть злым у него было много причин. Немало нашлось в ауле людей, готовых подставить ножку организаторам колхоза, и среди главных недоброжелателей – тесть Хафиза, кулак Альмухаммет.

Став мужем его единственной дочери, Хафиз тем не менее так ни разу и не переступил порог его дома. А тут – хочешь не хочешь – пришлось. Надо было изъять в пользу колхоза двух коней со сбруей, жатку, бороны и плуги, да, кроме того, было решено реквизировать у богача один из его домов под правление артели. Так что не миновать было Хафизу столкнуться со своим тестем лицом к лицу.

– Ты особенно-то не расходишь, зятёк, – сдержанно предупредил родственника старый Альмухаммет, но в тоне его звучала неприкрытая угроза, – а то как бы тебе ненароком не поскользнуться и не пустить юшку из носа... Ты уж побереги себя, вот тебе мой совет.

– А ты не беспокойся, тесть, мне ведь кровь пускать не в новинку, – ответил Хафиз. И тут же добавил, в свою очередь как бы по-родственному предупреждая Альмухаммета: – Скажи спасибо, что сам ты цел остался. Живёшь всё-таки в собственном доме, а то теперь шутки плохи – иных, подобных тебе, берут за шкуру и отправляют в холодных вагонах в Сибирь.

Слух об этой стычке добрые люди немедленно донесли до ушей Гильменисы, и она, конечно, расстроилась. Хафиз после разговора с тестем тоже ходил сам не свой: как ни ряди, Альмухаммет не посторонним приходится его жене. Да тут ещё Гильмениса – вместо того чтобы войти в его положение – хмурится и даже смотреть не желает на мужа. То, что между ними, жившими всегда в полном согласии и любви, возникло такое

непонимание, было невыносимо обоим. И дети, чувствуя это, притихли, как мыши.

– Что случилось с отцом? – спросил как-то старший сын, Толя.
– Забежит поесть, никому ни полслова не скажет и скорей вон... Будто чужой!

Чувствовалось, однако, что его заботит в данном случае не столько отец, сколько мать, Гильменисе же казалось непристойным обсуждать поведение Хафиза с детьми, поэтому она ответила как ни в чём не бывало:

– Просто у него сейчас много забот. Разве не видишь, что творится в ауле?

Но сама не переставала терзаться, а однажды, уложив детей спать и оставшись с Хафизом наедине, Гильмениса заговорила тихим, полным затаённой обиды голосом:

– Ну, дожили! Оказывается, ты хотел от моих родителей благодарности, что не выслал в Сибирь, а оставил доживать век в старом домишке, который вот-вот рухнет им на головы... – Хотя Гильмениса и крепилась изо всех сил, голос её предательски дрогнул. – Но что поделать, – продолжала она, – отец – человек жёсткий, суровый. В благодарностях рассыпаться не станет. Поэтому я скажу сама: спасибо, Хафиз, уважил свою жену! Запер её родителей на старости лет в чёрную баню!

– Да в какую там баню? Ну что ты говоришь? Дом как дом! – ответил Хафиз, понимая, что это не те слова, которые в эту минуту нужны Гильменисе, и не находя других. Впрочем, он видел, что она их даже не расслышала, поглощённая своей обидой. Тогда он просто припал к ней, положив усталую седую голову к ней на грудь, и оба примолкли, ища друг в друге утешения от всех тревог и болей, которыми полна жизнь... Так она и прошла, эта первая, с холодным ветром и ливнем, мохнатая туча, на время затмившая ясное небо их поздней любви.

Была и вторая тучка, не такая, правда, тёмная, но тоже ненадолго омрачившая отношения Хафиза и Гильменисы, хотя, вероятно, кое-кому их ссора могла бы показаться смешной. Ну, скажем так: пролился грибной дождик, тонкой радужной сеткой повис над ними и испарился...

Случилось это в дни, когда ещё не совсем улеглись вышеупомянутые бурные страсти и примерно одна треть населения аула продолжала по-прежнему держать совет с собственной шапкой – вступать или не вступать в колхоз?.. В самом разгаре была летняя страда, и Гильмениса, видя, как мечется, не зная

ни сна, ни отдыха, её муж, внесла неожиданное и для себя и для него предложение.

– Послушай, Хафиз, – сказала она, – ты всё поёшь, что людей не хватает на жатве... А как могут женщины бросить малых детишек? Сам подумай! И знаешь, что мне пришло в голову? В ауле пустует много домов. Давай какой-нибудь из них приспособим под ясли, я первая отведу туда наших девчонок, за мной потянутся и другие. Ухаживать за детьми я берусь, только пусть колхоз выпишет хлеб и мясо. А молоко чтобы носили матери... Как ты смотришь на это дело?

– Ишь ты, – покачал головой Хафиз. – А потом мне будут в глаза тыкать: вот, мол, хитрюга, свою-то жену, небось, устроил на тёпленькое местечко!.. Нет уж, весь век жили люди, не знали никаких ясель, и теперь проживут.

– Мало ли что раньше было? – не сдавалась Гильмениса, начиная уже горячиться. – Раньше и про колхозы не слышали! Даже странно, ты ли это, Хафиз? И вообще – слышал поговорку? Катящийся камень отшлифуется, лежащий – покроется мхом.

– Не я ли это лежащий-то камень? – невольно засмеялся Хафиз. – Ну, уморила, честное слово!

И он с удовольствием посмотрел на свою рассерженную, всё ещё красивую жену.

– Э, ладно, – махнул он рукой, – пусть будет по-твоему, действуй!

Ссора прошла, словно летний дождик, но затея Гульменисы не так-то легко и гладко осуществилась. Как и предполагал Хафиз, в ауле возникли пересуды, сплетни, наговоры, многие женщины наотрез отказались сдавать детей в ясли, и потребовалось немало усилий, чтобы их переубедить. В этих первых колхозных яслях поначалу не хватало кроватей, игрушек, посуды, даже еды, и всё же идея Гильменисы со временем завоевала признание большинства... И она опять была счастлива и довольна.

Но тут, как гром среди ясного неба, непоправимое горе... Возвращался Хафиз как-то ночью домой, и выползли из оврага трое, набросились подло сзади, натянули ему на плечи мешок и убили наповал шкворнем. Кто они были, эти злодеи, так тогда и не сумели дознаться. Да ведь ясно, кому стал поперёк горла ба-тыр Хафиз, бывший моряк, первый председатель колхоза...

А Гильмениса снова осталась одна, на этот раз с четырьмя детьми. И как же она тужила, бедная, как плакала-надрывалась! Порой ей хотелось выскочить за дверь, бежать по аулу, затрав-

ленно кричать на весь мир: «Где мой Хафиз? Отдайте Хафиза!» В отчаянье она кляла всех подряд, и детей, и родителей, и себя, горемычную, а больше всего – Аллаха, которому молилась с детства...

А между тем день шёл за днём, месяц за месяцем, год за годом, дети росли, жизнь текла, и постепенно Гильмениса расправила натруженные свои плечи, и в добрых, печальных её глазах опять засиял тихий свет милосердия и надежды.

13

Она совсем было настроилась на спокойную безмятежную старость, на то, чтобы ездить в гости не к одному, так к другому из детей, полагая, что достаточно поработала на долгом веку и заслужила право смирно сидеть в уголке, вязать варежки внукам, вспоминая и Барыя своего, и Хафиза, но не заставляя их в памяти своей бодаться друг с другом, а светло, человечно, уже по-старушечьи оплакивая равно обоих. И никто не посмел бы за это её упрекнуть.

Но вот однажды услышала она, что собирается колхоз поставить на откорм свиней. Аул загудел, как пчелиный улей. Новый же председатель Мурсалимов упрямо стоял на своём:

– Не хотите свиного мяса – не надо. Кто вас заставит его есть? Само оно к вам в рот не полезет. Но если продать государству, разбогатеем, поверьте моему слову.

Разбогатеть-то колхозники были не прочь, но вот в свинопасы идти отказывались. Те, что постарше, отплёвывались: «И слушать не желаю, тьфу! Отцы наши и деды свиньёй брезговали... Лучше уж камень пилить в карьере!» А молодые отделялись шуткой: «Вот ещё, провоняешь свинарником – девушки близко не подойдут, так и останешься неженатым!»

И вдруг Гильменису будто что подхлестнуло, повязалась новым платком и пошла в контору.

– Говорят, – прямо начала она, – вы никак не найдёте человека смотреть за свиньями. Так, может, поручите это дело мне? Что-то надоело разъезжать по гостям... Мой Хафиз организовал наш колхоз, и охота мне сделать доброе в его память. – А так как она вдруг испугалась, что над ней посмеются – вот, мол, спятила бабушка на старости лет! – поспешно добавила: – Опыт у меня есть. Ведь я когда-то работала свинаркой у Колокольникова. Покойный меня ценил. Частенько, бывало, нахваливал!

Смекнув, однако, что ссылка на кровопийцу помещика ей, вдове батыра Хафиза, не очень к лицу, осеклась и покраснела.

Гильменису вызвали на правление, пытаюсь и так и сяк выведать, серьёзно ли её намерение, не минутный ли это порыв, но она была непоколебима.

– Я не ребёнок – шутки шутить. А свинья – тоже Аллахом созданная тварь. Говорю вам – справлюсь!

И вот Гильмениса стала работать свинаркой. Нельзя сказать, чтобы деньги так сразу и потекли в колхозную кассу рекой, как мечтал Мурсалимов, но всё же эта дополнительная статья дохода оказалась отнюдь не лишней. А Гильмениса, неожиданно для себя, заново обрела смысл жизни. Особенно нравилось ей возиться с поросятами – и откуда только силы брались? Откуда эти запасы, казалось бы, давно израсходованного терпения и даже, более того, – нежности? Именно нежности!.. Не ленилась она ежедневно купать этих новорождённых детёнышей в тёплой мыльной воде, не уставала чистить им клетки, поить молоком через соску, и хватало у неё выдумки на ласковые шутливые прозвища, которые давались ею не просто так, с потолка, а с учётом внешности и характеров, по её мнению всегда разных – в точности, как у детей! Тут был и «ушастик», и «вздорный», и «неслух», и «пегенький», и «кулачишка». «Ушастик», «пегенький» – ещё куда ни шло, но «кулачишка»?.. Над Гильменисой подтрунивали:

– Откуда вдруг взялся у нас «кулачишка»? В колхозе, который скоро будет справлять юбилей? Так не пойдёт, не пойдёт, тётушка Гильмениса!

– Сама знаю! – с азартом возражала она. – Уж больно он у меня кревоугодник! Дай волю – всё один пожрёт. Сначала хотела назвать его «маленьким обжорой», но потом решила, что так будет забавнее: они с «ушастиком» – близнецы, вот и пусть один будет «колаккай», а другой – «кулаккай»¹! Два сапога – пара.

Гильмениса и подручных девушек учила различать поросят по характерам и повадкам. Как говорится, «кому больше нравится кислое молоко, а кому – кнут».

– Мухлиса, лапушка моя, – наставляла она, – не будь слишком строгой к «трусишке». Он не выносит строгого обращения, а вот «кулаккай» – дело другое!

Так, с лёгкой руки Гильменисы, свиноводство приняло в колхозе «Светлый день» довольно широкий размах, наступило время,

¹ «Колаккай» и «кулаккай» – по-татарски «ушастик» и «кулачишка».

когда, пожалуй, не найти было в ауле ни одного «чистоплюя», который бы из страха «провонять свиньёй» отказывался работать в этой доходной отрасли. Потому что все, кто трудился на свиноферме, ходили с набитыми карманами и гордо поднятым носом. И самые привередливые невесты не отворачивались больше от женихов-свинопасов.

А когда дело наладилось окончательно, Гильмениса снова явилась в контору и сказала так:

– Мурсалимов, сынок! Похоже, там нынче и без меня обойдётся. Что ж, я своего добила: из ничего сделала что-то, ну а молодые пускай из чего-то сделают мёд... А теперь я прошу – найди мне, старухе, работёнку полегче... Кашеварить, скажем, или ещё что.

– А может быть, вам, тётушка Гильмениса, пора и на боковую? – шутливо сказал Мурсалимов, надеясь, впрочем, что, незнакомая с русскими выражениями, она двух последних слов не поймёт.

Но не учёл он того, что Гильмениса вырастила двух русских мальчиков, приехавших в аул в картузах, сменивших их временно на тюбетейки, а затем надевших опять картузы. Не учёл – и напрасно. Потому что Гильмениса наловчилась запросто переводить с русского на татарский, похлеще даже своих сыновей.

– Ишь ты, «на боковую», как бы не так! – вспыхнула она. – Вот протяну ноги, зароете меня в землю – тогда и наложусь вволю, а пока душа ещё теплится...

Словом, бедняга Мурсалимов не знал, как и успокоить тётушку Гильменису, а результатом этого разговора было то, что она ещё много лет варила обед трактористам, и супы у неё получались отменные – пальчики оближешь, объедение, да и только! Мяса, бывало, выпросит в колхозе самого лучшего, а специи для заправки принесёт из дому свои.

Помня об этом, её сынок Миша, который по стопам отца поехал служить в Севастополь, одну за другой слал Гильменисе посылки с чёрным перцем и лавровым листом. А однажды получила она от него письмо: посылаю, мол, тебе, мама, перец в зёрнах, молотого не нашёл, но зато купил мельницу. Она – ручная, крутится, мол, легко, но если будет тебе не под силу, попроси людей, они смолоть не откажут: каждый знает, небось, что ты весь свой перец отдаёшь в колхоз, так что и мельница эта получается, мол, всё равно что колхозная...

А вскоре пришла и посылка с перцем в зёрнах и мельницей.

Гильмениса, растрогавшись, сначала сладко поплакала, а потом, взяв пачки с перцем в одну, а мельницу в другую руку, отправилась по соседям хвастаться сыном:

– Нет, что за сердце у мальчика! Просто не нарадуюсь на него. Посмотрите, до чего заботлив, до чего выдумщик! Вот мельницу прислал. Ну кто, кто догадался бы на его месте? Золотой ребёнок, чистой пробы душа.

Вот что проведала мне в тот вечер за самоваром Гильмениса Рахманова, как раз через неделю после своего семидесятилетнего юбилея, который был отпразднован колхозом хоть вроде и пышно, но без должной, с моей точки зрения, теплоты. Я понял, что, воспитав семерых детей, она сохранила детскую ясность души и вместе с тем мудрый, просветлённый старостью, лишённый предвзятости взгляд на жизнь. Я записал её рассказ в свой корреспондентский блокнот, испещрённый уже заметками, сделанными по следам многочисленных бесед с её друзьями и сверстниками, но никакого так называемого «положительного» материала для газеты тех лет так и не получилось. Блокнот этот долго валялся в моей домашней библиотеке на нижней полке, среди других записных книжек и папок, и лишь спустя много лет, когда я, как говорится, поднабрался ума и стал понимать истинную цену людям, рука моя сама потянулась к этому блокноту, вытащила его из-под разных пожелтевших бумаг, и я погрузился в него на целый вечер, как погружаются в чистый источник...

Пусть это не тот «боевой», «положительный» материал, до которого мы, газетчики, так падки бываем в свои молодые годы, но зато в нём много поучительного и серьёзного. Потому что – не на таких ли вот людях, как Гильмениса, и держится наша земля?

Улица улицей, а маму тоже не ослушаешься... Вот сегодня, к примеру, только собрался Салим улизнуть из дому, – на улице жарища, другие ребята, наверное, давно уже барахтаются в пруду, – как вдруг мама сказала:

– Салим! Отнеси-ка, сынок, вот это ведёрко бабушке Хамдие. Сноха-то у неё в поле, сама бабушка старенькая, не придёт, а ведро ей может понадобится... Сбегай, сынок.

Сказала, и не успел Салим опомниться – ведро у него уже в руках. Что ж тут оставалось делать? Только одно: поскорее отнести это ведро!

Он так и сделал... Тут бы можно было и поставить точку, а нет! На поверку всё оказалось не так просто.

– Сказал бабушке спасибо за ведро? – спросила мать, когда Салим, вдоволь набегавшись с ребятами, вернулся домой. Салим и про ведро-то давно уже забыл. А про то, что надо было поблагодарить бабушку, и вовсе не знал. Да и когда было об этом думать... Чего только не переделал Салим за этот день с друзьями: гонял на луга жеребят с фермы, купался до гусиной кожи в мельничном пруду, в чехарду играли... Разве тут будешь помнить про бабушкино ведро, да ещё про то, что за него надо ей сказать спасибо! И Салим счёл лучшим промолчать в ответ на мамин вопрос.

Но от мамы не так-то легко отделаться. Ох, и хитрая же! Часто Салим слышал, что она, мол, совсем лишилась памяти, никак не может найти нужную ей вещь. А тут вот не забыла, вспомнила!

– Ну как, сынок? Сказал спасибо?

– Бабушка лежала, когда я был у неё, – буркнул, глядя в сторону, Салим. Он подумал, что пора бы разговор на этом закончить. Некогда ему было заниматься такими пустяками. Его больше интересовал ужин: живот свело от голода. Однако мама никак не хотела уступать.

– А разве, по-твоему, нельзя сказать человеку спасибо, если он лежит? – снова начала она и чуть приметно, только краешком губ, улыбнулась. Но голодному парнишке до таких ли тонкостей, как чья-то скрытая усмешка!

– Мама! Хлеба и молока!

А мать всё не отступалась.

– Сколько раз я говорила тебе: не стой чурбаном перед старшими. Что у тебя, язык отвалился бы, если бы ты сказал бабушке

спасибо?

И погнала своего милого сыночка опять к бабушке Хамдие. Зачем? А затем, чтобы хоть сейчас вечером сказать ей забытое утром «спасибо». Эх! Чувствовала бы мама, как не хочется Салиму тащиться туда... Да и он сам хорош! Ну что ему стоило тогда, утром, сказать это слово? Знал бы он, что так скверно всё выйдет, он бы ей полное ведро этих «спасибо» наговорил.

Салим нехотя вышел из дому, нерешительно потоптался у ворот. А потом – что делать – побежал-таки к бабушке Хамдие. Остановился у калитки, почесал затылок, хотя в этом не было никакой надобности, какую-то песенку промурлыкал под нос, по-свистел... Но сколько ни медли, в дом всё-таки придётся зайти. Раз мама сказала – никуда не денешься.

Как раз в тот момент, когда Салим, отворив дверь, остановился на пороге, бабушка Хамдия поднялась с постели и, по привычке беззвучно шевеля губами, заковыляла к кадке с водой. Она не заметила мальчика, потому что он стоял молча, переминаясь с ноги на ногу. Но если бы он даже подошёл к бабушке вплотную, то и тогда, пожалуй, она не обратила бы на него внимания; ей хотелось пить, и сейчас она думала только о воде. Как назло, кадка оказалась почти пустой, вода на дне была тёплая, противная; бабушка от этого только расстроилась.

– Водицы-то у меня кот наплакал. Думала, напьюсь свеженькой, холодненькой – легче станет... Сноха-то рано ушла, не успела, небось, сходить за водой.

Говорит сама с собой бабушка, говорит, и всё ещё не видит Салима, а он исподтишка наблюдает, что будет дальше.

Так и стоят: с одной стороны – бабушка, с другой – Салим, а между ними ведро. То самое, из-за которого ему пришлось пострадать... У бабушки шевелятся губы – пить хочется. Салим тоже беззвучно шевелит губами: не знает, как передать бабушке мамино «спасибо». И только ведро невозмутимо спокойно, только оно стоит себе, помалкивает.

И вдруг Салим не выдержал.

– Бабушка Хамдия! – закричал он, схватив ведро. – Бабушка Хамдия! Я сейчас, мигом тебе студёной водички... Прямо из ключа, дальнего. Пока мама не видит...

И вот уже Салим мчится по улице. К ручью! Руки у него, что крылья самолёта, ноги – пропеллеры... Вот ведь он какой: догадался! Понял, что одно ведро воды сейчас для бабушки дороже, чем ведро благодарностей... Только мама бы не увидела... Да

гуси бы у ключа не пощипали.

Но если к ключу Салим бежал легко, вихрем, то возвращаться было куда труднее. Да и как же иначе? Ведь в руках полное ведро. По правде сказать, совсем полным, до самых краёв, оно было только у ключа. Пока нёс, половина воды выплеснулась. Но и половина кажется тяжёлой-претяжёлой. Рука вот-вот отвалится. Дужка ведра так впилась в ладонь, что впору заплакать. Конечно, это потому, что он голодный, в этом, наверное, вся беда. Вот если бы Салим успел хоть чуть-чуть поесть, хоть самый маленький ломтик хлеба сжевать, выпить хоть самую маленькую плошку молока – он бы вмиг доставил бабушке это ведро.

А тут ещё по сторонам надо глядеть... И во все глаза. Чтобы мама не заметила. Чтобы Гульчира-апа, которая живёт в этом конце улицы, да и свои мальчишки не увидали бы его. Мама ведь не наказывала таскать воду и пачкать штаны чуть ли не до колен... А хорошо бы всё-таки поесть! Хотя бы уж не молока и не катыку¹. Кажется, сжевал бы сейчас просто хлеба кусище, честное слово, величиной бы с эту улицу! А хороша эта улица! Река рядом – запить можно.

Нет человеку счастья на земле! Уж где там о хлебе мечтать... Всё сейчас плохо. И штаны мокрые... Дома он ещё за них ответит...

Салим повернул на Утиную улицу... Здесь безлюднее и к бабушке ближе. Но Утиная улица оказалась сплошь заполнена гусями. И откуда их столько принесло? Куда ни глянь – везде выводки. Гусаки прогуливаются с гусынями, а около них, смешно переваливаясь с ножки на ножку, теснятся гусята. Известно, каждому родителю свои малыши всего дороже. Стоит гусаку заметить Салима, как тотчас раздаётся страшное шипение, и отец семейства, вытянув шею, устремляется прямо на врага. Только успевай увёртываться.

Около дома деда Мухарряма случилось и того хуже. Там, на самой середине дороги, – здоровенные гусак с гусыней, а между ними один-единственный и поэтому, вероятно, особенно дорогой им гусёнок. Заметив нашего героя с ведром, бдительная мать звонко гоготнула, а её покровитель и заступник, взмахивая огромными крыльями, ринулся вперёд. Он явно намеревался отхватить у Салима по меньшей мере пол-икры...

Скажем прямо, у Салима был счастливый характер: даже в неудаче он умел найти нечто положительное.

¹ К а т ы к – кислое молоко.

Не теряя хорошего настроения, он поднялся на Верхнюю улицу и уже направлялся к крылечку дома бабушки Хамдии, когда произошло самое скверное из всего, что могло произойти: Ильдус, по прозвищу Петух, заметил-таки Салима с ведром и затрезвонил на всю улицу:

– Эй, ребята, сюда! Вот потеха – умру от смеха! Салима-джинги за водой ходила!

Из всех дворов, словно тараканы из щелей, выползли дружки Петуха и пошли дразнить Салима, пошли насмешничать:

– Салим! Сюда! Нам тоже нужна вода. Принеси-ка ведёрочко, Салим!

– Да разве он Салим? Это Салима!

– И вовсе не Салима, а Салима-джинги!

– Салима-джинги, у тебя штаны мокрые. Дома-то сухие найдутся?

Короче говоря, досталось в этот день Салиму. И легко себе представить, как он был зол на весь мир, то есть на это злополучное ведро с водой. Однако он стойко выдержал все испытания и принёс, наконец, бабушке Хамдие полведра вкусной студёной водицы.

Поставив ведро на крыльце, Салим вдруг почувствовал, что его самого одолевает жажда. Он мог бы выпить всю принесённую с таким трудом воду. Но, конечно, он этого не сделал. Несмотря на усталость, мальчик готов был совершить ещё не один подвиг. В душе он был очень горд и доволен собою. Шутка ли: принести почти ведро воды, и не откуда-нибудь, а из дальнего ключа. Это вам, бабушка Хамдия, не фунт изюму, и не каждый мальчишка на это отважится!

А бабушка Хамдия почему-то не спешила напиться... Она, оказывается, пока Салим путешествовал за водой, слегка вздремнула. И проснулась только после того, как Салим толкнул нечаянно ногой ненавистное ведро и оно громко звякнуло.

– А, это ты! Уже вернулся, миленький мой?!

Соскользнув с кровати, она неожиданно бодрыми шагами, словно один только вид холодной воды придал ей силы, направилась к ведру. И выпить-то она выпила самую каплю. Но даже этого было, видно, достаточно... Поставив на стол кружку, она подняла дрожащую руку, чтобы погладить Салима по голове, но тот быстро отступил к двери и сердито посмотрел оттуда на бабушку. «Чего ещё выдумала! Малыш я, что ли, или девчонка, чтобы меня по головке гладить!»

Он и поныне гнёт свои оглобли, делает полозья к саням и во всём колхозе не найдётся никого, кто бы не относился к нему с уважением.

Ходит он и к заветной берёзе послушать, как тихо шепчутся на ветру листья, да смахнуть одну-другую слезу от набежавших воспоминаний...

А вы до сих пор как следует не знали дядю Сабирджана с исторической родинкой за правым ухом и, простите меня за прямоту, не зная его как следует, многое теряли.

Скворцы вернулись давно и домовито обжили свои гнёзда. Но дни ещё были прохладны, не чувствовалось тёплого дыхания лета. Плугари, правда, на солнцепёке скидывали шапки, расстёгивали вороты, но к вечеру снова туго затягивались в стёганки, глубоко нахлобучив шапки. Была пора, когда весна уже утвердилась, полевая страда разгорается, а вот тёплых дней нет да нет, потому и почки на деревьях не торопятся раскрыться, боясь заморозков, и только в песне молодёжи, которая за околицей поёт о цветущей черёмухе, чувствуется настоящая весна.

...И вот они наступили, эти тёплые дни. Как пришла эта настоящая весна, какие узоры нанесла она на пробуждающуюся природу в других местах, – неизвестно, но в бригаду Талипова она будто явилась в образе шестнадцатилетней Назиры с румяными яблочками свежих щёк. Так, по крайней мере, казалось молодым трактористам, они теперь и обновление природы, и внутриотрядные дела связывали с её именем. Они полюбили эту девушку, которая частенько навещалась к ним из колхоза «Беренче май» то со свежими газетами и журналами, то со стопкой книг для бригадной библиотечки, а иногда приходила помочь выпустить «боевой листок».

– Наша Назира принесла нам солнечные дни, – так убеждённо говорили одни.

– Не тревожьте Назиру. Солнце здесь ни при чём, а вот газеты и журналы от неё получаем аккуратно, – обращали шутку в серьёзный разговор другие.

Назира обычно одним ушком прислушивалась к таким замечаниям, и милая улыбка блуждала по её лицу. Да и как не улыбаться молодой девушке в такой светлый день, под песнь жаворонков и приятные для слуха слова уважения и любви. Она, точно мотылёк, сновала в своём белом платье по стану, по окончательно проснувшимся от зимней спячки полям, возле запylённых мощных тракторов. Только какой же это мотылёк, если обожавшим её трактористам она, бывало, довольно прямо, а порой и сердито выговаривала:

– Очень плохо, что не все газеты мне возвращаете. Избач Галимова обижается, на раскур, говорит, оставляет.

– Не может быть, сестра, – возражал ей усач Мухтар, – вот разве только молодой человек проглотил номер-другой.

При этом усатый тракторист указывал на учётчика Закира,

который, действительно, запоем читал газеты и журналы Назиры. Но зачем об этом намекать в её присутствии? Не надо бы... Но долго переживать шутку усаха Мухтара некогда, в часовом графике ни у кого не предусмотрено и минуты на шутки и приятные разговоры с молодой девушкой.

Да и у самой Назиры хлопот полон рот. Прибрать в культвагоне, разобраться в библиотечке, ознакомить отдыхающую смену с газетными новостями, помочь кухарке Сахиба-апе – много, очень много обязанностей возложила на себя Назира. Поздненько покидала она стан.

А однажды она добровольно приняла на себя ещё и роль связиста. Дело было так. Один трактор отряда работал по ту сторону реки Мёша, на дальнем поле. Бригадиру не с руки отлучаться туда каждый раз, и он для связи с трактористами пользовался телефоном. И вот как-то аппарат замолк. Без толку покрутив ручку и покричав в трубку, бригадир вернулся в культбудку.

– И надо было в разгар работы случиться, – ворчал он. – Шайтан бы побрал этот аппарат.

– Зачем шуметь, Султан-абы, я могу сходить туда, – сказала Назира.

Бригадир оставил рацию, по которой хотел связаться с МТС и попросить дирекцию предпринять решительные меры. Молча поглядел на девушку, как будто в первый раз увидел её. Та не отвела больших синих глаз, в которых было много безудержного порыва, уверенности в себе. Талипов всё же усомнился:

– Это ведь не газеты-журналы носить. Справишься ли?

– Попробую, – бойко проговорила Назира.

Солнце высоко-высоко, небо огромно, а далёкий горизонт туманится в мареве, манит к себе, словно под неясной дымкой скрыты ещё не изведанные никем тайны весны. Массивы оживающей озими, мощные тракторы, широкие разливы утопивших свои берега рек, шумящие по-новому колхозные сёла. Родина!

Лёгкой походкой идёт Назира. Может, ей не так-то легко шагать по вспаханному полю. А вот ещё Мёша несёт свои воды. Совсем забыла об этом препятствии Назира, когда разговаривала с Талиповым. Но не возвращаться же обратно – взялась за дело, действуй смело.

Назира огляделась, в отдалении заметила лодочника. Рыбак ли то был или перевозчик, специально поставленный сюда для связи двух сёл объединённого колхоза, – раздумывать об этом было некогда, девушка громко окликнула лодочника. Тот обер-

нулся, Назира помахала свободной рукой, в другой руке она держала кабель.

Лодка подплыла ближе, и Назира узнала в гребце знакомого паренька из соседнего села.

Они учились вместе, он только на класс был старше. В школьном драмкружке состояли, на вечерах встречались. Назира ещё помнит, как однажды в коридоре он подставил ей ножку. Можно бы вспомнить ещё кое-какие подробности, да время не то. Хотя... Весеннее солнце шлёт на землю тёплые лучи, у ног, широко разлившись, плещется Мёша. «Рустам... Рустам», – тихо повторила Назира. И это имя ей показалось очень красивым, имеющим особый скрытый смысл. «Рустам!» – еле слышно сорвалось с губ, и Назира, очнувшись, огляделась и сердито крикнула:

– Пошевеливайся же, Рустам. Некогда долго ждать!

А тот не торопился. Лихо сдвинул кепку, опёрся на весло и, поблёскивая двумя рядами белых зубов, улыбался с лодки, покачивающейся на волнах.

– В школе-то ай-ай как носик задирала, а теперь, говоришь, пригодился Рустам? – произнёс он, наконец, не погасив мягкой улыбки.

– Если бы я лично нуждалась – то скаль зубы, пожалуйста, а то ведь тракторная бригада без связи осталась, а ты шутики шутишь. – Девушка вспылила. Но всё же, когда Рустам пристал к берегу, смягчилась и даже рассмеялась.

– Ты теперь в девятом классе, Рустам, больше меня в физике разбираешься. Может, поможешь мне соединить линию?

– Изоляторхватила? Потом плоскогубцы понадобятся, – повзрослому, серьёзным тоном начал Рустам.

...Плывут по Мёше девушка и юноша. Лучи весеннего солнца купаются в волнах, отражаясь яркими бликами на борту лодки, на лице и на гладко причёсанных волосах Назире, на обнажённых по локоть руках Рустама. Хрусталь серебристых брызг разлетается от вёсел, которые Рустам всё глубже погружает в волны. Он старается, или в самом деле хочет угодить девушке, или же просто перед той, что «носик задирала», желает пощеголять силой и ловкостью. В общем, им хорошо. Молчат, но им приятно и это молчание...

Вот они уже переплыли реку, нашли обрыв и соединили провода. «Без меня ты едва ли справилась бы», – поддразнил Рустам девушку, потом переговорили по телефону с Талиповым и, довольные выполненным поручением, пошли обратно к берегу.

И откуда ни возьмись – на голубом небе появились стаи белых лёгких туч, быстро соединяясь, побурели и сплошной массой закрыли солнце. Недаром сегодня палило нещадно – к дождю, оказывается. Назира с Рустамом ещё не дошли до берега, как уже закапали крупные бусинки дождя. Несколько капель упали на лоб Назиры, задержались на миг на бровях, повисли на ресницах и поползли по щекам. Первый весенний тёплый дождь. Сквозь волшебную завесу его смотрела на мир Назира, видела Рустама и удивлялась: вот он какой большой, интересный, увлекательный, оказывается, этот мир!

Они всё же укрылись от дождя под сенью берёзки. Деревцо одиноко стояло среди поля, под ним притихли девушка и юноша. А тёплый крупный дождь всё шёл, зеленела под ним омытая озимь. И вот сырое небо прорезал зигзаг молнии – первой молнии в эту весну. Назира невольно подняла глаза на Рустама и тихо прошептала, как будто поведала сокровенную тайну:

– Первая молния, Рустам... Видел, как очертила она небо?

...Дождь прекратился. Рустам переправил на тот берег Назиру. Они шумно простились. Воздух был чист и прозрачен, дышалось легко... Откуда-то издали из уплывающих туч доносились слабые раскаты грома. Он уже сделал своё доброе дело здесь, пробудил к празднику новой жизни всю природу, всё живое и уходил в другие места. Назира тоже возвращалась домой, исполнив свой долг. Но на сердце у неё не было спокойно, потревоженное неясной мечтой, оно тосковало о ком-то. Её тянуло на полевой стан, к делу.

бушка Маги поневоле направила свой путь в сторону переулка, где проживала старуха Сафия.

Эта старуха, прославленная на всю деревню искусными рукоделиями, приняла бабушку с уважительным радушием. Бабушка просидела у неё до вечера, успев поговорить обо всём на свете, но не посмев даже заикнуться о своей обиде.

Возвращаясь домой, бабушка Маги горестно думала о том, что она истратила весь пыл сердца на дружбу с этой негодяйкой Малихой и что теперь, когда до гробовой доски осталось всего лишь несколько шагов, ей уж не нажить новой подружки.

Из этих дум само собой рождалось сожаление о загубленной дружбе. Бабушка Маги крепилась и убеждала себя в том, что Малиха обидела её слишком жестоко, но сердце её постепенно раскрывалось для старой подружки.

В таком настроении смутной борьбы с собой бабушка Маги вошла в сенцы своего дома. За дверью слышался говор. Бабушке Маги почудился голос соседки Малихи, но она не поверила своим ушам и смело распахнула дверь. Каково же было её удивление, когда она увидела за своим столом старуху Малиху и её сына Зиннура!

Да, да, они сидели за столом, и перед ними соблазнительной горкой лежал бэлиш. Ниса угощала их бэлишем! Бабушка Маги попятилась было в сени, но Ниса подбежала к ней и, схватив её за руку, потащила к столу. Бабушка Маги плюхнулась на скамью, а Ниса, не давая ей опомниться, придвинула бэлиш и лукаво сказала:

– Кушай, мама, бэлиш очень вкусный. Я начинила его той тыквой, которая убежала из твоего огорода. Мы с Зиннуром вместе сорвали тыкву, чтобы наши матери больше не ссорились из-за неё!

Эту фразу Ниса произнесла так горячо и так убеждённо, что ей нельзя было не верить. В особенности от слов «мы с Зиннуром сорвали тыкву, чтобы наши матери больше не ссорились из-за

неё» старушкам стало одновременно и неловко за свои дразги, и горделиво от сознания того, что у них выросли такие милые, понимающие друг друга дети.

Сморщенное личико бабушки Маги залилось краской, и она, наверное, сгорела бы на месте, если бы её не выручила верная подружка, которая, подтолкнув бабушку под столом, весело сказала:

– А мы и не думали ссориться, неправда ли, подруга?

– Правда, правда! – пролепетала бабушка Маги. – Мы и не думали ссориться.

– Ну вот и хорошо! – засмеялась Ниса. – Сядем за стол и забудем про тыкву, которой в наказание за её подлости мы с Зиннуром свернули голову... Угощайтесь, прошу вас!

Если вы бывали в нашей деревне, то вам, конечно, рассказывали про дядю Сабирджана.

Его зовут «Сабирджаном, подгоняющим полозья к саням», а некоторые особенно злые на язык люди зовут «Сабирджаном, щупающим сани».

Но он обращает на это столько же внимания, сколько на родимое пятно, величиной с орех, что спряталось у него за правым ухом, вспоминая о нём разве только тогда, когда почешется.

Старики из нашей деревни говорят, что эта родинка имеет свою историю. Много лет тому назад, когда ещё дядя Сабирджан был молодым, из-за этой родинки между нашими односельчанами и мужиками из деревни Яниль разгорелся большой спор. Случилось это при разделе земли. У лесной опушки, расположенной между нашим селом и деревней Яниль, был земельный участок примерно в две-три десятины.

Янильцы хотели эту землю взять себе, наши гнули в свою сторону.

Решили бросить жребий. Жребий вытащил дядя Сабирджан, и земельный участок достался нам.

Янильцы остались недовольными. Тогда снова бросили жребий и опять взял его дядя Сабирджан. Так участок у лесной опушки перешёл к нашей деревне.

В бессильной злобе янильцы стали кричать, что Сабирджан нечестен, что он колдун, что родинка его за правым ухом ночью превращается в копыто. Чего только не скажет мужик, когда у него отбирают землю!

Наши односельчане, то ли защищая дядю Сабирджана, то ли желая оставить за собой земельный участок у лесной опушки, доказывали, что у дяди Сабирджана за правым ухом самая обыкновенная родинка и никакой чертовщины тут нет. Дело чуть не дошло до драки, но участок, всё же, остался за нашей деревней, а не за янильцами.

Теперь пришло время прервать повествование о родинке дяди Сабирджана и рассказать о его любимой старухе. Её звали Сахибджамал; она за свою жизнь подарила ему трёх сыновей и пять дочерей.

Она души не чаяла в дяде Сабирджане, умела прекрасно ставить заплаты на его бешмет, а что касается банок, то в деревне не было более опытного человека: кто бы ни заболел, все звали

тётю Сахибджамал ставить банки.

И вот эта женщина, тётя Сахибджамал, четырнадцать лет тому назад неожиданно умерла, оставив сиротами всех женщин наших, у которых болели поясницы. Её похоронили с большими почестями. Женщины, страдавшие болезнью поясницы, так плакали, что, говорят, их слышно было в соседней деревне.

Тётю Сахибджамал похоронили на новом кладбище, на выезде из деревни.

Дядя Сабирджан посадил берёзку на её могиле. Она была очень слаба, эта берёзка, будто человек, изглоданный чахоткой.

Но дядя Сабирджан вдохнул в неё жизнь. Вскоре она расцвела. И теперь на нашем деревенском кладбище нет берёзки краше её.

Дядя Сабирджан и сам, когда был свободен от возни с санями или телегами, приходил на кладбище и любовался берёзкой, думал о прожитой своей жизни.

Он глядел на сороку, на самую обыкновенную сороку, сидевшую на вершине берёзы; глаза его говорили: «Узнаю я тебя, узнаю, ты сорока из нашей деревни, ты тоже тоскуешь по Сахибджамал».

Сегодня вот тоже, или уж очень затосковало его сердце, или оглобля, которую он гнул, оказалась не в меру толстой, но дядя Сабирджан вдруг поднялся и, заперев амбар, направился к кладбищу.

На улице он встретил председателя колхоза Шакира, и едва тот успел поздороваться, заговорил сам:

– Оглобли будут завтра готовы, Шакир. Из-за оглоблей заминки не будет, ты поторопи кузнеца: каждый раз подводит. Его всё понукать надо, будто ленивого коня. Ты ему скажи: трудодни сами не придут к нему, их заработать надо. Пусть не прячется в своей кузне и не дымит трубкой, и не тратит на болтовню время. Хочет – пусть работает, не хочет – не нужно кланяться. Вон в Починках есть кузнец – прямо любо смотреть на его работу. Поедем и привезём его сюда.

Так беседуя с председателем колхоза, они дошли до здания правления.

Дядя Сабирджан вдруг остановился, сердито заворчал:

– Что б прахом пошло!.. Я же хотел в другое место сходить... Смотри ты, как я, старый ишак, с дороги сбился!

Председатель колхоза громко рассмеялся:

– Трудно тебе поверить, дядя Сабирджан! Ты что-то не зря

ходишь, не хочешь ли ты зацепить на удочку какую-нибудь вдовушку, а?

– Не обессудь, Шакир. Иду на кладбище, на могилу Сахибджамал. Я ведь без неё – словно цветок гречухи, прихваченный заморозками...

В этот день над деревней тихо скользил лёгкий ветерок, и берёзка на могиле Сахибджамал грустно шелестела листьями. У дяди Сабирджана в этот день настроение было особенно тоскливое.

На выезде из деревни перед ним неожиданно появился колхозный бык Богатырь. Словно дразня дядю Сабирджана, он, крутя хвостом, дошёл до колхозного гумна и стал чесаться о столб навеса над током.

«Никак взбесилась окаянная скотина» – подумал дядя Сабирджан. «Этот ток я сам ставил. Того и гляди, порушит...»

Покраснев от злости, дядя Сабирджан взял палку и погнался за быком.

Отбежав в сторону, бык поиграл прошлогодней соломой, вороша её рогами, и, снова подойдя к току, стал чесаться спиной о столб.

Дядя Сабирджан опять прогнал строптивного быка.

«Если у тебя очень чешется спина, то Сабирджан не поленился и как следует почешет тебе её палкой!..»

Но бык не унимался. Дядя Сабирджан несколько раз ударил быка палкой, но тот подошёл с другой стороны тока и снова стал чесаться.

«Вот пристал, окаянный!..»

Дядя Сабирджан рассвирепел. «Это не просто озорство неразумной скотины. Это нечто большее! За быком кто-то смотреть должен. Без присмотра и курица взбесится. А в правлении, верно, сидят и о погоде судачут, а до быка никому дела нет. Ах, окаянный!..»

Где там Сахибджамал! Где там её могила! В горле дяди Сабирджана застрял какой-то горячий комок. Он не мог ни проглотить, ни выплюнуть его, и, обжигаясь, прибежал обратно в деревню...

Правлением колхоза уход за колхозным быком был поручен соседу дяди Сабирджана – колхознику Халилу. К нему и побежал дядя Сабирджан и той самой палкой, которой чесал спину быка, стал стучаться в окно незадачливого соседа.

Из избы раздался голос Халила:

– Сосед, зайди в дом, попробуй горохового супа.

Дядя Сабирджан, не желая ничего слушать, стал громко ругать его:

– Горох – горохом, а всё же ты, оказывается, Халил, упрям, как бык. Не обижайся, правление очень плохо поступило, прикрепив к тебе быка.

Халил обиженно ответил:

– Пожилой человек, а везде суёшься, будто кроме тебя все дураки. – И перед самым носом старика с шумом захлопнул окно.

Дядя Сабирджан ещё не успел всё высказать, ещё горячий комок стоял в горле; он проник к Халилу во двор и, подойдя к боковому окну, стал кричать:

– Нет, сосед, не говори, что я стар стал, я ещё сумею призвать к порядку таких быков, как ты, и быков, прикреплённых к тебе. Иди, посмотри, что натворил твой Богатырь. Поди, запри его, я тебе не мальчишка, не стану несколько раз повторять.

Высказав всё это, дядя Сабирджан побежал на гумно. Но было уже поздно. Богатырь успел свалить навес над током и при приходе дяди Сабирджана стоял, мирно жуя жвачку и всем своим видом словно говоря: «Ну, вот и всё. И нечего было шум поднимать...»

Дядя Сабирджан, не помня себя от ярости, палкой погнал быка к правлению.

Около правления колхоза собрался народ, с любопытством глядя на быка, шедшего под таким грозным конвоем. Посыпались добродушные шутки.

Но дядя Сабирджан был очень взволнован и, не вдаваясь в то, как его встречают, начал возмущённо объяснять:

– Дорогие мои, гвоздь – очень маленькая вещь, но и он имеет своё место. А вы целого быка оставили без присмотра. Я человек старый, я, как гром, прогремлю и потухну, а вы – летний дождь, дорогие мои, вас ждут хлеба, ждут огороды, – кому, как не вам, за хозяйством смотреть! Что касается навеса, то чёрт с ним, я его ещё раз поставлю, но вы плохо поступили, прикрепив быка к быку. Я говорю про Халила. Ведь он сам – бык. Надо сначала его самого обучить, а вы к нему прикрепили быка. По совести говоря, оставили Богатыря беспризорным.

Члены правления, разобравшись в чём дело, перестали улыбаться. Дядя Сабирджан был прав. Провинившегося Богатыря прикрепили к другому колхознику, а Халилу объявили выговор.

Вот какой человек дядя Сабирджан, житель нашей деревни!

«НА МЕСТЕ ЛИ СЛОВА-СОЛДАТЫ?»¹

(Отрывок)

Солдат хезмәтендә булып кайткан кешеләр беләләрдер: анда иртән һәм кичен, роталарны тигез сафларга төзеп, кешеләрне барлап чыгалар. Һәм бу көн саен шулай эшләнә. Кешеләр күп һәм төрле булган жирдә, шул төрле характердагы кешеләрне бергә укмаштырып, барысын да тиешле тәртипкә буйсындырып, билгеле максатны башкарырлык көч итеп әзерләгәндә, күрәсең, шулай «вакланмыйча» мөмкин дә түгелдер. Күңелгә әледән-әле шундый чагыштыру килә: язучы өчен дә сүзләр, билгеле бер дәрәжәдә, стройдагы солдатлар кебек торырга тиешләр түгелме соң? Нич югы, күплекләре, ишлелекләре ягыннан, әйе, алар арасында зур гына охшашлык бар. Шундый ук төрлелекләре, бигрәк тә аларның әсәрдә язучы куйган идея-эстетик максатка, һәркайсы нәкъ үз урынында торып, хезмәт итәргә тиешлекләре ягыннан.

Бу озын һәм беренче карашка беркадәр сәеррәк яңгырый торган чагыштыруны укучылар гафу итсеннәр, мин аны, үз нәүбәтемдә, шулай ук ачык бер максат белән эшләдем. Көндәлек әдәби практикабыздан чыгып, мин әледән-әле бер мәсьәлә тирәсендә борчылып уйланам: без – язучылар – үз ихтыярыбызда булган сүзләрдән-солдатлардан барлык очракларда да тиешенчә файдалана беләбезме икән? Аларның нәкъ үз урынында булуларына, нәкъ үз нурларын сибеп, шул куелган урынны һәм язучының әсәрдә куйган максатын яктыртып торуларына тиешенчә игътибар итәбезме икән? [...]

...язучының иң зур сәнгате – сүзне аңлы рәвештә үз максатына эшләтә алу, шул максатка аның бар җегәрен юнәлтә белү. [...]

Ә менә шул ук рецензент иптәшнең (Ибраһим Гази. – М. Х.) «Йөзек кашы» повестена карата әйтелгән фикерләрендә, Айдарның электә караңгылы-яктылы шахталарда озак еллар калып сукурайган атларны кызганып, шунда ук тагы авылда калган һәм яшел тугайларда уртлап йөри торган чабыш атларын сагынып искә төшергән вакытындагы «уртлап йөриләр»не «чабышып йөриләр» белән алыштырырга киңәш бирүе

¹ Полный вариант см.: Хәсни Ф. Урындамы сүзләр-солдатлар? // Ни әйтергә? Ничек әйтергә? – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 134–145 б.

мине ышандырмады. «Уртлап йөриләр» – ул чабышып йөриләр түгел. «Уртлап йөрү» төшенчесенә – атларның яшь үләннәрне кырыккалап йөрүләре дә, туктап, бер-берсе белән кашышып торулары да яки, тора торгач, болын яңгыратып кешнәп жибәрүләре дә керә.

О, бик зур һәм бик көдрәтле нәрсә ул – сүз. Әлбәттә, нәкъ үз урынын табып, үз төсмерләрен салып әйткәндә. Гадәттә, ашык-пошыграк язу аркасында без аның артык төсмерләрен дә искә алып житкермибез, урындамы бу сүз яки урынына ук куелып житмәгәнме? – ул турыда баш ватмыйбыз. Шунлыктан кайбер сүзләрне кирәгеннән артык жигеп өшәндерәбез, шомарган бакыр акчага әйләндерәбез. Шул ук вакытта океандай бай телебезнең энжедәй жемелдәүче аерым сүзләре, синонимнары, куллануга кермичә, әкреләп төшөп кала, онытыла бара. Хәлбуки, телгә, сүзләрнең үз урыннарында үз бизәкләре белән яңгырауларына игътибар, шул турыда кайгырту, шул игътибарлылыкны иң элек үзәндә булдыру, аннары шуны каләмдәш иптәшләреңнән сорый белү – бу соң, барыннан да элек, без, язучылар, эше түгелме?

1967

Подстр. пер.: ¹ «Люди, отслужившие в армии, знают: там по утрам и вечерам для проверки личного состава проводится построение. И это повторяется изо дня в день. Вероятно, без такой «мелочности» невозможно обойтись в местах, где людей собралось много и они различные и где, объединив этих людей с разными характерами, подчинив должному порядку, готовят силы для исполнения определённой задачи. Невольно воображение дарует мне следующее сравнение: и для писателя слова, в какой-то степени, не должны ли стоять в строю, как солдаты? Несомненно, между ними существует определённое сходство в плане численности и количества. Также у них есть и функциональное сходство: каждое из них, заняв своё место, должно служить идейно-эстетической установке автора в произведении.

Читатели простят меня за это длинное и, на первый взгляд, несколько странное сравнение, я использую его сознательно, преследуя определённую цель. Исходя из ежедневной литературной практики, я давно мучительно размышляю над одной проблемой: мы – писатели – всегда ли умеем в должной мере пользоваться заложенным в слова потенциалом? Обращаем ли внимание то, чтобы каждое слово оказалось на своём месте, искрясь, освещало бы своим светом задачу, поставленную писателем? [...]

...писательское мастерство состоит прежде всего в том, чтобы сознательно использовать потенциал слова, знать, как максимально его заставить работать для решения поставленных задач. [...]

А вот следующий тезис того же рецензента (Ибрагима Гази. – М. Х.), высказанный в отношении «Перстня» меня не убедил: он мне посовето-

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – М. Х.

вал в эпизоде, где Айдар, жалея лошадей, которые всю жизнь провели в недрах шахты и ослепли, вспоминает с тоской о скакунах, оставшихся в деревне и резвящихся на зелёном лугу, заменить выражение «уртлап йөриләр» на «чабышып йөриләр». «Уртлап йөриләр» – вовсе не означает, что они скачут. Выражение «уртлап йөриләр» означает, что лошади, передвигаясь по лугу, похрупывают молодую зелёную травку, порой, поравнявшись друг с другом, трутся боками, или оглашают весь луг раскатистым ржанием.

О, слово – это нечто большое и драгоценное. Конечно, если удаётся для него найти своё место, заставить искриться своими красками. Порой, из-за поспешности в письме, мы не успеваем осмыслить все нюансы его значений, определить, там ли оно должно быть или нет? – не ломаем голову над этой проблемой. И потому какие-то слова из-за частой эксплуатации обесцениваются, превращаются в ходячую медную монету. А тем временем отдельные слова-жемчужины, синонимы постепенно выпадают, забываются, не используются в нашем, словно океан, богатом языке. А разве не эта задача является первостепенной для нас, писателей, – внимательно относиться к языку, к тому, чтобы каждое слово звучало своей красотой на своём месте, добиваться такого мастерства у себя и требовать от своих собратьев по перу?

1967

Вопросы и задания

1. Прочитайте отрывок из статьи Ф. Хусни «Урындамы сүзләр-солдатлар?».
2. Охарактеризуйте позицию писателя в вопросах сохранения и развития потенциала родного языка.
3. Какие требования предъявлял писатель к переводчикам?

«...Я БУДУ ВСЕГДА РАДОСТНЫМ...»

Эти строки из раннего стихотворения Фатиха Хусни «Дөнья матур миңа» («Мир прекрасен для меня») стали девизом жизни писателя, а само произведение, опубликованное в 1927 г. в журнале «Безнең юл» («Наш путь»), превратилось в пророческое:

Кирәк булса, биек тауга менеп,
Таштан уклар ясап атыгыз!
Тәннәремә кызыл билге салсын
Очлы чуерташлар ватыгы.

Кирәк булса әгәр, муеным бирәм,
Бугазымны килеп бусыннар,
Кирәк булса, менә йөзем куям,
Агу белән йөзем юсыннар.

Шунда да мин һаман шат булырмын,
Үз сүземне үзем сөйләрмен,
Дөнья матур, дөнья көләч әле,
«Яшим әле мәңге!» диярмен¹.

Подстр. пер.:

Если вам понадобится, вы можете, взобравшись на гору,
Изготовив стрелы, метать в меня!
Пусть на моём теле оставят кровавые следы
Острые осколки булыжников.

Если надо, подставляю я шею,
Пусть сдавят мне глотку,
Если надо, подставляю лицо,
Пусть лицо моё ядом промоют.

И даже тогда я буду всегда радостным,
Продолжая повторять собственные слова,
Мир прекрасен, полон ещё улыбок,
«Буду жить вечно!» – произнесу я.

По-видимому, стихотворение было очень дорого автору, так как именно это произведение он считал точкой отсчёта своей писательской биографии.

Жизнь и творческий путь писателя не были осыпаны розами. Фатиху Хусни довелось жить и творить в эпоху, когда «искусство» – «запись смещения действительности» (Б. Пастернак) – производилось не чувством творца, а определялось указаниями директивных инстанций. Немудрено, что даже писатели большого таланта (каким, несомненно, был автор «Йөзек кашы» («Перстня»!)), не могли вырваться за рамки

¹ Ссылка по: Хөсни Ф. Минем тәрәзәләрем. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1965. – 96 б.

– Вот спасибо тебе, милый, спасибо, ласковый! И как это ты надумал пойти по воду?.. Слава Аллаху, теперь я самоварчик поставлю, чайку попью... Ах, умница! Вот ведь какое воспитанное дитя...

Не дождавшись, когда бабушка нанижет все свои хорошие слова на длинную нитку, Салим выскочил в полуоткрытую дверь на улицу. Но через мгновение он снова влетел в дом и, не переводя дыхания, выкрикнул, глядя почему-то не на бабушку, а на переставшее теперь быть ненавистным голубое ведро:

– Мама велела... мама сказала... мама просила сказать спасибо за ведро. Спасибо!..

Дружбу надо беречь, дружбу надо лелеять, как лелеют неразумное дитя. Я расскажу вам об одной дружбе, которая едва не распалась из-за самой обыкновенной тыквы.

Вы, конечно, ничего не слышали ни о бабушке Маги, ни о бабушке Малихе. Но вам следует по достоинству оценить этих двух почтенных женщин, чьей необыкновенной дружбе дивились все сварливые старушки нашей деревни. У нас их называли подругами до гроба, и в нашей деревушке никто не сомневался, что сама смерть придёт к бабушке Маги в тот же день и час, когда она придёт к бабушке Малихе, и что таким образом добрые подружки не разлучатся и в загробной жизни. Вот такого мнения были у нас об этих почтенных женщинах...

И что же вы думаете? Тыква, обыкновенная тыква, с зелёной спинкой и жёлтым брюшком, стала причиной жестокого раздора между бабушкой Маги и бабушкой Малихой. Тыкву эту вырастила бабушка Маги, переползла же она в огород к бабушке Малихе.

Впрочем, я всё забегаю вперёд, а необдуманные слова не к лицу степенному человеку. Пусть же речь моя будет так же нетороплива, как нетороплива была бабушка Маги в то утро, когда, проводив на колхозные работы дочку Нису, она вышла на свой маленький, старательно возделанный огород.

Лето было в самом разгаре. Картофельная ботва пестрела бледнорозовыми цветочками, а тыквенные листья вовсю разрослись. Щурясь от яркого солнца, бабушка Маги из конца в конец прошла по огороду. Она шла медленно, с величайшей осторожностью переставляя ноги, чтобы, упаси бог, не наступить на какую-нибудь зелёную плеть. Время от времени бабушка Маги нагибалась и, ощупывая круглые тепловатые бока тыкв, самозабвенно бормотала: «Вот добра-то привалило!» Всё радовало бабушку Маги в это утро: и нагретая земля, по которой так приятно было ступать, и бледнорозовые цветочки на картофельной ботве, и тяжёлые кругляки тыкв, из которых зимой можно будет приготовить столько вкусных кушаний.

При виде всей этой огородной благодати бабушка Маги возвеселилась духом и замурлыкала полузабытую песенку своей молодости. Но худо от добра недалеко ходит. Не успела бабушка Маги закончить начатую песню, как зоркие глаза её заметили тыкву, беспощадно исклёванную курами.

«Так, так, – подумала бабушка Маги. – Пока я соберусь кашу

варить, куры подружки Малихи всю мою тыкву поклюют. В плетне есть какая-то лазейка, а я её не усмотрела... Вот и поделом мне, старой!»

Упрекая себя за нерадивость, бабушка Маги пошла вдоль плетня.

Вы ведь знаете, как тыква распускает свои зелёные плети? Так вот: одна из плетей перемахнула через плетень и опустилась где-то во владениях бабушки Малихи. У растения свой нрав. Но бабушке Маги захотелось узнать, что понадобилось беглянке на чужом огороде. Глянув через плетень, бабушка удивлённо всплеснула короткими ручками: там, в соседнем огороде, в зарослях лебеды и крапивы, лежала убежавшая плеть, притянутая к земле тяжестью огромной тыквы.

– Уж на это не стану молчать! – прошептала бабушка Маги и проворно побежала к соседке.

Бабушка Малиха возилась возле амбара, готовя для гусей месиво. Историю тыквы-беглянки бабушка Малиха выслушала с невозмутимым спокойствием, но бабушка Маги допустила ошибку, закончив рассказ совершенно неуместной шуткой.

– Я уж не знаю, что и подумать, подружка, – сказала бабушка Маги. – Не иначе ты, подружка, какое-нибудь колдовство знаешь, потому что всю эту весну мои куры у тебя во дворе неслись, а теперь и тыква в твой огород перебежала!

– Перебежала, перебежала! – возразила бабушка Малиха, выпрямляясь над корытцем во весь свой немалый рост. – Значит, ей Бог велел перебежать.

Тёмное лицо бабушки Маги выразило изумление, а вместе с тем и обиду.

– Бог тут ни при чём, – сухо сказала она. – Если бы ты взглянула на тыкву, так увидела бы, что она из моего огорода к тебе переползла...

– Ну вот, скажешь тоже! – с неожиданной злобой крикнула бабушка Малиха. – Да что, я тащила, что ли, её, твою тыкву? Раз она переползла, значит, наше счастье её перетянуло...

– Ишь что выдумала! – дрожащим от волнения голосом сказала бабушка Маги. – Научилась ты всё-таки на старости лет кривое к косому пришивать!

– Толкуй тут с тобой! – презрительно молвила бабушка Малиха и опять наклонилась над своим корытцем.

Бабушка Маги поняла, что говорить больше не о чем, и поплелась домой.

Вечером, когда Ниса вернулась с работы, обиженная мать рассказала всё в подробностях и спросила, как поступить ей в этой сложной ситуации.

Ниса спокойно ответила:

– И хочется тебе, мама, добрую соседку из-за пустяков порочить!

– Это Малиха-то – добрая соседка?! – закипятилась бабушка Маги. – Ну вот и видно, что разума в тебе вовсе нет!..

– Зачем же ты меня спрашиваешь, мама, если я, по-твоему, глупая? – сказала Ниса и торопливо стала собираться в клуб.

Умывшись душистым мылом и надев новое платье, Ниса ушла к подружкам, а бабушка Маги осталась наедине со своей обидой.

Обидным показалось ей невнимание дочери. Она даже всплакнула в темноте ночи. Но слезами горю не поможешь, и бабушка Маги, вспомнив старую истину об утре, которое мудренее вечера, отправилась в сени и расстелила на полу войлок.

Но уснуть ей не удалось. Луна сквозь дырявую кровлю заглядывала в сенцы, ветер ворошил солому и шелестел травой, слышались ещё какие-то шорохи, и бабушке Маги чудились в этих шорохах шаги нахальной соседки, которая вот сейчас, под покровом ночи, крадётся вдоль плетня прямо к чужой тыкве.

Нет, этого нельзя было допустить! Бабушка Маги соскочила с постели, всунула ноги в разбитые калоши и пошла, или, вернее, не пошла, а побежала в свой огород.

Вы, наверное, рассмеётесь, когда я скажу вам, что старое сердце – вещее сердце. Опоздай бабушка Маги на одну только минуту, не видать бы ей больше своей тыквы! Не успела она пройти по огороду и двух шагов, как за плетнём мелькнула белая рубаха негодной старухи Малихи. Бабушка Маги ничком упала в картофельную ботву и затихла. То же самое сделала негодная Малиха. Один только плетень отделял их.

«Ну, погоди же! – думала бабушка Маги. – Вот ударю тебя тыквой по голове, тогда узнаешь, как на чужое добро зариться!»

То же самое думала, наверное, негодная старуха Малиха.

Так лежали две бабушки, отделённые друг от друга не прутяным плетнём, а высочайшим лесом вражды. Ни та, ни другая не решалась подняться и выпрямиться во весь рост под взглядом чужих, враждебно подстерегающих глаз.

Не будем смеяться над старухами: холод картофельной ботвы не только не остудил их злобы, а, напротив, сделал невозможным какое бы то ни было примирение. Именно с этой ночи старухи

стали избегать друг друга.

А между тем время шло. На огороде всё начало созревать, приближалась осень. В один из солнечных сентябрьских дней бабушка Маги вырыла картошку и перетаскала в амбар все свои тыквы. То же самое сделала и бабушка Малиха. На опустелых огородах осталась нетронутой только та тыква, из-за которой поспорились две соседки.

Бабушке Маги очень хотелось, чтобы этой тыквой подавилась жадная на чужое добро, бесстыжая старуха Малиха. Не будем скрывать: бабушка Маги считала, что тыква принадлежит ей, но не желала связываться с живущей на соседнем дворе старой разбойницей.

«Пусть уж лучше пропадает тыква, чем пострадает честь!» – так, или примерно так, думала бабушка Маги.

Подобное решение возвеличивало её в её же собственных глазах. Но в то же время (скажу вам на ушко) бабушка Маги бесконечно жалела о потерянном добре. Как на зло, тыква, оставленная на чужом огороде, казалась бабушке самой большой. Вы, конечно, поймёте, что эта тыква и не могла быть маленькой, потому что она росла на чужом участке. Впрочем, в своём роде, тыква была действительно выдающейся. Спинка у неё была зелёная, а брюшко жёлтое, причём жёлтая полоса с каждым днём подымалась всё выше и выше. Тыква, можно сказать, хорошела на глазах, и бабушка Маги безошибочно определила, что такую тыкву можно парить только в пятиведерном котле.

Теперь слушайте внимательно.

В один прекрасный, как говорится, день бабушка Маги, выйдя в огород, увидела вместо тыквы круглую ямку в земле. У нас нет слов, которыми можно было бы выразить весь гнев и всё отчаяние несчастной бабушки при виде этой зияющей ямки. Мы не будем также воспроизводить проклятия, которые обрушила бабушка Маги на голову бесстыжей соседки, чьи загребушие руки в конце концов всё-таки дотянулись до чужого добра. Скажем просто: обида бабушки Маги была столь велика, что она не смогла вместить её в своём слабом сердце и стала искать верного человека, с которым можно было бы поделиться горем. Именно теперь, именно в эту минуту бабушка Маги поняла, как тяжело терять в жизни «подругу до гроба».

Перебрав в памяти всех своих сверстниц, бабушка Маги остановилась в конце концов на старухе Сафии. Сафия не была для бабушки близким человеком, но выбирать было не из кого, и ба-

«дозволенной литературы». Размышляя на склоне лет о природе литературного творчества, Ф. Хусни сравнивает его с древним дремучим лесом, преодолеть который можно, как поётся в татарской народной песне, на «хороших конях». Где черпал Ф. Хусни силы, чтобы выстоять под ударами судьбы?

Хуснутдинов Фатих Хуснутдинович родился 3 февраля 1908 г. в селе Б. Метески Сабинского района ТАССР, в семье крестьянина. Мастер художественного слова, прозаик, драматург и публицист формировался как писатель в годы коренных перемен в жизни татарского народа¹. О своём жизненном пути Ф. Хусни рассказал в мемуарно-автобиографической повести «Минем тәрәзэләрем» («Мои окна»). После смерти матери в 1924 г. юноша покинул родной дом и поехал учиться в Казань. В 1929 г., окончив среднюю школу, Ф. Хусни поступил в Казанский финансово-экономический институт.

В 1927–1930-х гг. Ф. Хусни печатается в журналах «Безнең юл» («Наш путь»), «Авыл яшьләре» («Сельская молодёжь»), «Яңалиф» («Новый алфавит»), «Атака». Начав свой литературный путь как поэт, вскоре начинает пробовать себя и в прозе, и в драматургии. Молодой писатель оттачивает перо в разных жанрах: пишет очерки («Трамвайлар шәһәре» («Город трамваев»), «Турбиналар һәм кешеләр» («Турбины и люди»), «Казанның икмәге турында» («О хлебе казанском»), «Шәһәр турында җыр» («Песнь о городе»)), сочиняет поэмы («Луиза», «Машиналар арасында мәхәббәт» («Любовь среди машин»)), создаёт пьесы («Көрәш кызы» («Дочь борьбы»), «Усаллар»² («Злые»))³.

«В кожаном пальто, в ботинках с голенищами, зашнурованными почти до колен, молодой, задорный, он своей внешностью напоминал скорее шофёра бронемашины, чем студента или поэта. А он был поэт, поэт ещё начинающий, заядлый спорщик на всех литературных собраниях, готовый всегда сцепиться со своим собратом и спорить до

¹ Гиниятуллина А. Писатели советского Татарстана : биобиблиогр. спр. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1970. – С. 474.

² Хөсни Ф. Усаллар : бүгенге тормыш драмасы : 4 пәрдәдә / Фатих Хөсни. – Казан : Татиздат, 1929. – 366 б.

³ Сверигин Р. Фатих Хөсни. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1968. – 7 б.

изнеможения...»¹ – таким запомнился начинающий двадцатилетний поэт писателю Ибрагиму Гази.

Любовь к литературе и понятие о её высоком предназначении Ф. Хусни унаследовал от Г. Тукая, Ф. Амирхана, С. Рамиева и Х. Такташа. Сам он был натурой пламенно-романтической. А. Данте, У. Шекспир, С. Сервантес, Ш. Костер, Н. Гоголь, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, И. Бабель, М. Шолохов превратились в его любимых писателей. В литературно-критических статьях Ф. Хусни не раз отмечает, что великие мастера благотворно повлияли на развитие его художественного таланта.

В своём творчестве, не меняя сколь-либо существенно реалистическую структуру произведений, Ф. Хусни развивает лучшие традиции романтизма. Они, как верно подметил Э. Нигматуллин, «питали мысли писателя о необходимости разрушения стереотипа в показе внутреннего мира человека, внимания к парадоксальным, необычным сторонам противоречий психики образов новых героев, акцентирования наряду с социальными свойствами общечеловеческих признаков, показа индивидуальной воли и активности человека»².

В 1931 г. Ф. Хусни написал роман «Жир тыңлый» («Земля слушает»), в котором правдиво отразил картину ломки векового уклада в татарской деревне. Произведение было написано в годы, наполненные идеологическим пафосом. Молодой писатель сосредоточил внимание на показе основных драматических обстоятельств коллективизации. Критика отреагировала мгновенно: на заседании правления и секретариата ТАПП автора романа обвинили в пропаганде кулацкой психологии и воспевании кулачества. В журнале «Атака» была опубликована покаянная речь Ф. Хусни, датированная июлем 1931 г.³ Холодом веет от этих страниц, напечатанных на яналифе, где писатель, обвинив себя в политической близорукости, даёт обещание «научиться», «придерживаясь генеральной линии», «пропагандировать» в литературе свершения советской власти, вести непримиримую борьбу с кулачеством... Судя по протоколу решения секретариата ТАПП («Татарская ассоциация пролетарских писателей»), вначале Ф. Хусни проигнорировал замечания критиков. Секретариат ТАПП указал Г. Гали на недопустимость публикации в прессе без согласования с правлением ассоциации рецензии на произведение. По-видимому, партийные идеологи накинулись на литературоведа за двусмысленный характер названия статьи: «Матур әдәбият фронтында кулак идеологиясе» («Кулацкая идеология на фронте художественной литературы»). Критик обвинил Ф. Хусни в идеологической

¹ Гази И. Смелый и самобытный художник : творческий портрет Ф. Хусни // Сов. Татария. – 1965. – 12 янв.

² Нигматуллин Э. Г. Творческая позиция писателя в свете литературных контактов [на примере творчества Фатыха Хусни] // Романтизм и реализм в литературных взаимодействиях. – Казань : Изд-во КГУ, 1982. – С. 64–65.

³ «Жир тыңлый» романы турында: ТАПП секретариатының карары // Атака. – 1931. – № 7 (16). – 41–43 б.

близорукости, так как счёл, что в романе жизнь деревни показана сквозь призму взглядов кулачества¹. Спорными показались критикам эпизоды, описывающие злые дела кулаков, оставшихся безнаказанными. Автору указали на недопустимость того, что в романе слабо выражена руководящая роль партии в жизни села, досталось также за наличие натуралистических сцен, использование формалистических приёмов². Вердикт Г. Гали был суров: это «произведение – характерный пример того, как не должны писать в пролетарской литературе»³.

Показательна и рецензия Сагита Файзуллина, опубликованная в журнале «Атака». Племянник драматурга М. Файзи обвинил молодого автора в искажении характера классовой борьбы в деревне, в отсутствии показа руководящей роли партии и результативного характера деятельности органов диктатуры пролетариата. Надо отдать должное, С. Файзуллин в своей рецензии всё же осмелился указать на наличие таланта у писателя⁴. Литературовед Р. Сверигин, спустя десятилетия, на закате хрущёвской «оттепели», так очертил круг спорных моментов в содержании романа: безнаказанность кулаков; отсутствие эпизодов, подчёркивающих руководящую роль партии; чрезмерное увлечение молодого автора показом натуралистических сцен, которые оказывают на читателей гнетущее впечатление⁵.

Ф. Хусни вернулся к переработке романа лишь в 1960-е гг. В результате родился роман «Утызынчы ел» («Тридцатый год») (1962). В предисловии к книге автор с горечью и сожалением вспоминает о своём первом «неудачном» опыте создания произведения крупной формы: «Әдәби сабийлыкның күләгәле яклары – житди ижтимагый вакыйгаларның эчке пружинасын тиешенчә күреп житкермәү, сыйнфый көчләрне житәрлек дәрәс төсмерләмәү, тасвирлана торган вакыйгаларның логик һәм психологик дәлилләрен кирәгенчә ачмау кебек кимчелекле яклары булу белән бергә, яшьлеккә хас матур яклар да юк түгел иде анда»⁶. (Подстр. пер.: «Наряду с проблесками писательской незрелости – неумением в должной мере разглядеть внутреннюю пружину общественных событий, показать всесторонне верно классовые силы, изображением логических и психологических мотивов описываемых событий, в романе было немало красивых сторон, свойственных юности»).

Характер дискуссии, разгоревшейся вокруг первого романа Ф. Хусни, красноречиво показывает, как государственная идеология заставляла художников слова «привыкнуть ко лжи», «не заботиться даже и о тени

¹ Гали Г. Матур әдәбият фронтында кулак идеологиясе // Атака. – 1931. – № 5–6. – 124 б.

² Сверигин Р. Х. Фатих Хөсни. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1968. – 10 б.

³ Гали Г. Матур әдәбият фронтында кулак идеологиясе // Атака. – 1931. – № 5–6. – 124 б.

⁴ Сәгит Фәйзуллин иптәшнең белдерүе // Атака. – 1931. – № 7 (16). – 43 б.

⁵ Сверигин Р. Фатих Хөсни. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1968. – 10 б.

⁶ Хөсни Ф. Утызынчы ел : роман. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1963. – 395 б.

правдоподобия», «говорить неправду, лгать, что называется, в порядке дисциплинированности...». В результате писатель оказался «принижен, ограблен в самом главном – в праве выступать со своими сокровенными мыслями и чувствами перед народом, выступать ответственно, без участия некоей псевдотайной инстанции, которая присвоила себе право всё на свете решать за него, вымарывая, что вздумается»¹. Перед создателем советского романа сталинской эпохи стояла задача изобразить, как кардинально трансформируется изображаемая действительность, в которой счастливо разрешаются социальные и психологические конфликты. ТАПП вынудил Ф. Хусни как сына своего времени жить по установленным сверху правилам.

В 1933 г., после окончания учёбы в вузе, его призывают в Красную Армию, где он служил связистом, а затем военным корреспондентом в специальном батальоне Первой Казанской стрелковой дивизии. После службы в армии работал в Министерстве финансов Татарской АССР, редакциях газет.

Ф. Хусни сосредоточил внимание на создании произведений малой формы. «Молодой писатель нашёл себя в маленьком рассказе-новелле. Поклонник Бабеля и Юрия Олеши, он ввёл в татарскую литературу жанр своеобразной лирической новеллы, до него не бытовавшей в татарской литературе. Развил этот жанр и создал, можно сказать, особенную, только ему свойственную новеллу, автора которой сразу узнаешь, будь она и не подписана. Новелла эта характерна задушевым лиризмом и только Хусни свойственным юмором, формой, доведённой до филигранной обработки»².

И. Гази с горечью вспоминает о том, как Ф. Хусни в предвоенные годы «отлучили» «на какое-то время от литературной паствы» за то, что, выступая на большом собрании писателей, что называется, «ляпнул», будто он эстет. Молодой писатель всего лишь хотел сказать, что является сторонником хорошо отделанной формы, однако был неправильно

¹ Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления. 1946–1986. – Москва : Круг, 1998. – С. 5.

² Гази И. Смелый и самобытный художник : творческий портрет Ф. Хусни // Сов. Татария. – 1965. – 12 янв.

понят современниками¹.

По мнению литературоведа Р. Сверигина, произведения 1932–1934 гг. свидетельствуют о творческих исканиях молодого писателя в области художественной формы и средств художественной изобразительности. Основу рассказов составили философские размышления самого автора, поэтому герои чрезмерно увлекаются самоанализом. Порой молодой писатель прибегает в рассказах к неоправданной чрезмерной детализации, а подчас, в ущерб содержанию, показывает общественные явления слишком обобщённо. Ф. Хусни перегружает текст таинственными красками, абстрактными украшениями, символами (см., например, «Аккош күле» («Лебяжье озеро»))². Всё это свидетельствует об увлечении молодого писателя романтизмом, поэзией гисъянизма.

Трудности закаляли характер и волю Ф. Хусни. Вскоре один за другим выходят в свет сборники его рассказов: «Хикәяләр» («Рассказы») (1934)³, «“Ана хикәясе” һәм башка новеллалар» («Рассказ матери и другие новеллы») (1936)⁴, «Минем күгәрченнәрем» («Мои голуби») (1938)⁵.

1935 г. стал точкой отсчёта журналистской биографии Ф. Хусни. Ему довелось быть сотрудником в редакциях различных местных изданий: газет «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), «Яшь сталинчы» («Юный сталинец») и журналов: «Совет әдәбияты» («Советская литература»), «Чаян» («Скорпион»).

В рассказах, написанных перед Великой Отечественной войной, уже стал проявляться самобытный стиль прозаика. Р. Сверигин восхищается нарастающим мастерством Ф. Хусни в создании природных зарисовок. Писатель мастерски овладел приёмами комического повествования (см., например, «Кабак» («Тыква»)). Сатирическое дарование писателя находит свою реализацию в драматургии. В 1938 г. на сцене театра им. Г. Камала была поставлена комедия Ф. Хусни «Урманда» («В лесу»). В 1939 г. Ф. Хусни написал повесть «Гармончы» («Гармонист»), в основу которой легли вехи биографии легендарного артиста Файзуллы Туишева.

В годы Великой Отечественной войны Ф. Хусни некоторое время сотрудничал в редакции фронтовой газеты «Сталинское знамя», выполняя большую организационную работу по монтированию, оборудованию полевой типографии⁶. Военным корреспондентом вместе

¹ Там же.

² Сверигин Р. Фатих Хәсни. — Казан : Татар. кит. нәшр., 1968. — 10 б.

³ Хәсни Ф. Хикәяләр. — Казан : Татгосиздат, 1934. — 165 б.

⁴ Хәсни Ф. «Ана хикәясе» һәм башка новеллалар. — Казан : Татгосиздат, 1936. — 82 б.

⁵ Хәсни Ф. Минем күгәрченнәрем : хикәяләр. — Казан : Татгосиздат, 1938. — 80 б.

⁶ Гиниятуллина А. Писатели советского Татарстана : биобиблиогр. спр. —

с И. Гази исколесил фронт¹. Многие из увиденного и пережитого легло в основу малой прозы (1941: «Урман сукмаклады» («Лесные тропинки»), «Учак» («Костёр»), «Рубенс», «Үтеп барышлы» («Проездом»); 1942: «Солдат хикәясе» («Рассказ солдата»), «Гитара»; 1943: «Машук апа» («Тётка Машук»), «Буранда» («В метель»); 1944: «Хуторда» («На хуторе»); 1945: «Карлыгач» («Ласточка») и др.). Писатель воспекает в своих произведениях героическую борьбу солдат и партизан с гитлеровскими захватчиками и трудовые подвиги тружеников тыла. Лучшим героям Ф. Хусни свойственны патриотизм, героизм, моральная выносливость. Литература в эти годы призвана была сформировать думы и эмоции народа в тяжёлый момент истории; создать типичные фигуры людей, проявивших возвышенную «социалистическую сознательность», беспрецедентную смелость, свойственные им внутреннее богатство и красоту.

В истории татарского народа период 1942–1943 гг. порой называют «военной оттепелью», так как в СССР деятелям культуры было разрешено использовать национальные символы в патриотических целях. На волне этих настроений в 1942 г. была написана жемчужина творчества Ф. Хусни – «Йөзек кашы» («Перстень»). Это «лирическая поэма в прозе о большой любви»². Судьбы героев вписаны в широкий исторический контекст. Ф. Хусни этнографически достоверно воссоздаёт уклад жизни татарской деревни начала XX в. Грустью и ностальгией пронизаны воспоминания главного героя о мирной жизни. Значительных успехов достигает писатель в повести и в отделке характеров главных героев. Жизнеутверждающей в произведении становится мысль о том, что человек сам хозяин своей судьбы и за настоящую большую любовь надо бороться³.

Однако «военная оттепель» вскоре сошла на нет, и гнёт цензуры вновь начал набирать силу. 9 августа 1944 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Местные власти по нему выверяли деятельность научных и культурных учреждений республики⁴. В 1944 г. Татарский обком ВКП(б) возглавил З. И. Муратов (1905–1988). Под его руководством осуществлялась кампания по ужесточению контроля над национальной интеллигенцией, в том числе в сфере контроля над художественной литературой, репертуаром

Казань : Татар. кн. изд-во, 1970. – С. 474.

¹ Галимуллин Ф. Төрле кешеләр, төрле язмышлар // Хөсни Ф. Бер яшьлектә, бер картлыкта. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. – 3–8 б.

² Гиниятуллина А. Писатели советского Татарстана : биобиблиогр. спр. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1970. – С. 475.

³ Там же.

⁴ Галлямова А. Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х гг. – первая половина 1980-х гг.). – Казань : Магариф, 2010. – С. 147.

театров, деятельностью Татарского НИИ языка, литературы и истории, учебной литературой (Постановления бюро Татарского обкома ВКП(б) «Об учебнике татарской литературы для 8 класса средней школы», «Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школ»)¹. 28 ноября 1944 г. на заседание бюро Татарского обкома ВКП(б) были приглашены представители татарской интеллигенции (Г. Кашшаф, К. Наджми, Т. Гиззат, Н. Жиганов, Н. Исанбет, М. Гайнуллин и др.). Первый секретарь З. И. Муратов предупредил собравшихся о недопустимости разработки исторических тем, касающихся истории татарского народа периодов Золотой Орды и Казанского ханства². Из истории татарского народа была исключена не только история Золотой Орды, но и весь пласт истории общетюркской государственности и средневековой литературы. Деятели культуры обязали освещать лишь «совместную борьбу русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков», классовую борьбу, историю «социалистического преобразования Татарии в период Советской власти и популяризацию выдающихся деятелей, учёных и революционеров татарского народа и его сынов – героев Отечественной войны»³.

15–22 мая 1945 г. в ходе X пленума правления Союза писателей СССР Н. Тихонов выдвинул тезис об «ошибках буржуазно-националистического характера, допущенных татарской литературой». Идеи Н. Тихонова были развиты Кави Наджми на расширенном заседании правления Союза писателей ТАССР 7 июня 1945 г. Таким образом, литература послевоенных лет развивалась в исключительно неблагоприятных условиях, обусловленных масштабным идеологическим надзором над искусством. Постановление Центрального комитета по вопросам литературы от 14 августа 1946 г. похоронило надежды интеллигенции на ослабление идеологического пресса и расширение возможностей творчества. Напротив, всё более усиливались ограничительно-нормативные тенденции. «Власть год от года ставит цензурные сети всё более густо и хитро. Как пограничную «колючку», с незримой сигнализацией, инструкциями-капканами»⁴. Были обнародованы три постановления ЦК ВКП(б) (1946–1952 гг.) о литературно-художественных

¹ История татар с древнейших времён : в 7 т. – Казань : Идел-Пресс, 2013. – Т. 7. – С. 859–862.

² Султанбеков Б. Ф. «Идегей» дастаны. Сталин һәм безнең көннәр // Татарстан. – 1992. – № 11–12. – С. 43.; Тагиров И. Р. История и культура перед судом политики // История и политика [сост.: д. и. н., профессор, академик АН РТ И. Р. Тагиров – Казань : Изд-во КГУ, 2009. – С. 211–212.

³ О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации. 9 августа 1944 г. // История татар с древнейших времён : в 7 т. – Казань : Идел-Пресс, 2013. – Т. 7. – С. 845.

⁴ Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления. 1946–1986. – Москва : Круг, 1998. – С. 5.

журналах, кинематографии и театральном творчестве, которые особенно подчёркивали моральную ответственность советских художников, в том числе и писателей, обязанных удовлетворять увеличивающиеся культурные потребности многомиллионных народных масс. И тот застой в художественной жизни, который складывался в конце 1930-х гг., но был побеждён благодаря духовному воодушевлению в ходе Великой Отечественной войны, опять начал овладевать литературой.

31 октября 1946 г. состоялось первое послевоенное республиканское собрание писателей, где были раскритикованы произведения, созданные в предвоенные годы и не отвечающие знаковым постановлениям. В 1940–1950-х гг. подверглись критике произведения Г. Баширова¹, И. Гази², А. Еники³, А. Ерикеева⁴, Н. Исанбета⁵, Г. Кашшафа⁶, К. Наджми⁷, Ш. Маннура, Ш. Мударриса⁸, А. Шамова⁹. В опалу попадали даже произведения, уже напечатанные, то есть прошедшие цензуру. Критика не ограничивалась словесными осуждениями: начался процесс исключения провинившихся деятелей из рядов партии, налагался запрет на издание ряда произведений и изъятие их из театрального репертуара (история Ш. Маннура¹⁰). Наряду с «кнутом» действовал и «пряник»: в 1951 г. романы К. Наджми «Весенние ветры» и Г. Баширова «Честь» первыми в татарской литературе были удостоены Сталинской (Государственной) премии СССР. В стране официально был взят курс на пропаганду рус-

¹ Г. Баширову досталось за то, что в своём романе «Честь» не раскрыл роль механизации в жизни колхозов.

² Ш. Мударрис раскритиковал роман И. Гази «Незабываемые годы» за то, что не раскрыта гнусная роль мусульманского духовенства.

³ Идеологической проработке подверглись рассказы А. Еники «Глядя на горы», «Жизнь».

⁴ Идеологическому разгрому подвергнута поэма А. Ерикеева «Орлёнок». Он исключён из рядов партии якобы за сокрытие своего прошлого, на деле – за независимый нрав.

⁵ Н. Исанбета осудили за ошибки буржуазно-националистического уклона при работе над «ханско-феодальным эпосом» «Идегей» и одноимённой трагедией.

⁶ Ш. Мударрис обвинил Г. Кашшафа в создании клеветнического рассказа «Подушка» и в восхвалении космополитизма.

⁷ Неодобрение вызвал роман К. Наджми «Весенние ветры», в котором автор чрезмерно увлёкся изображением «всяких обрядовых и прочих причитаний».

⁸ Суровой критике был подвергнут Ш. Мударрис за отождествление «советского патриотизма в некоторых своих произведениях с патриотизмом феодальной старины».

⁹ Ш. Мударрис обрушился на А. Шамова за национальную ограниченность рассказов «В разведке», «Девушка в деревянных башмаках».

¹⁰ Ш. Маннур за написание стихотворения «Телега дергача» (1947), которое было признано клеветническим, был исключён из рядов партии. (См. об этом подр.: Хаплехамитов Р. Б. Татарская творческая интеллигенция и власть (1944–1965). – Казань : Слово, 2011. – С. 30).

ской и западноевропейской классики среди молодёжи. «Новых книг появлялось немало, но их художественный уровень был крайне низок – да иначе и не могло быть в условиях, когда литературу превращают в иллюстрацию к идеологическим догмам, когда получает официальное распространение теория бесконфликтности (основанная на идеологии о том, что в обществе, победоносно идущем по пути строительства коммунизма, нет почвы для антагонизмов), когда брошен лозунг: «Нам нужна праздничная литература!»¹.

В 1940-1950-х гг. на сцене ТГАТ были поставлены пьесы «Эбли авылы» (Деревня Абли»), «Еллар һәм юллар» («Годы и дороги»). В послевоенном творчестве Ф. Хусни стержневое место начинает занимать тема трудового подвига сельчан (повесть «Жэй башы» («Начало лета») (1953)). Однако производственный оттенок прозы порой отдалял писателя от художественности. В 1953 г. в журнале «Совет әдәбияты» («Советская литература») был опубликован первый вариант повести «Авыл өстендә йолдызлар» («Любовь под звёздами» (1952–1953), которая после доработки через год вышла в свет как отдельное издание. Хотя и эта новая повесть была ориентирована на производственную тематику, однако автору в ней удалось достичь успеха в психологической характеристике героев и мотивировке их поступков. В силу традиции сюжет повести развивается в русле сталинской «тракторной» схемы: быть любимым мог только самый передовой рабочий. Непременным атрибутом повести стала тема политической сознательности, трудового подвига. Сильной стороной таланта Ф. Хусни, по мнению Р. Сверигина, явилось умение писателя показать прозу жизни с лирической, романтической стороны.

В 1950–1960-х гг. в отечественной литературе произошёл прорыв к новому содержанию через преодоление рецидивов «теории бесконфликтности» творчества, литературно-эстетической практики социалистического реализма. Первое послесталинское десятилетие было ознаменовано серьёзными переменами в духовной жизни, а в литературе – усилением критического неприятия художественной фальши. Оно определило многое в содержании предсъездовской дискуссии на Втором Всесоюзном съезде писателей (1954), где М. Шолохов и многие другие выступили с критикой состояния современной литературы².

Казалось бы, складывалась объективная ситуация для откровенного разговора о проблемах литературы и искусства, тем более что и КПСС поддержала пафос критического отношения к пресловутой «теории бесконфликтности». В приветствии съезду писателей ЦК КПСС отмечалась необходимость «...создавать искусство правдивое, искусство больших

¹ Современная русская литература : 1950–1990-е годы / под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого. – М. : Изд. центр «Академия», 2006. – С. 30–31.

² Второй Всесоюзный съезд советских писателей : стенографический отчёт. – С. 9, 238, 506, 507, 533 и др.

мыслей и чувств, глубоко раскрывающее богатый душевный мир советских людей»¹. Но при этом сказано недвусмысленно: «...писать так, чтобы читатель-труженик следовал за нашим героем в мир творчества и борьбы за утверждение величественного нового строя, разумных и прекрасных человеческих отношений»². Писать правду означало не что иное, как писать о светлых сторонах жизни, то есть о прекрасном будущем, хотя сегодняшнее было переполнено страданиями, горем, голодом людей. На волне этих настроений в 1955 г. Ф. Хусни подготовил вторую редакцию повести, которая увидела свет на двух языках. «Авыл өстендә йолдызлар» («Любовь под звёздами») в результате доработок превратилась в лирическую повесть о сельской молодёжи, об их труде и больших чувствах. Книга привлекла внимание читателей яркостью характеров, мастерски построенным сюжетом.

Ф. Хусни в 1955–1957 гг. был ответственным секретарём правления Союза писателей ТАССР. С 1958 г. как писатель-профессионал занимается литературным творчеством.

Одно из значительных произведений Ф. Хусни – роман «Тропа пешехода» (1957). Рисую путь крестьянина из глубинки к счастью, писатель изображает настоящее в тесной связи с прошлым. «Название романа, – как считает Р. Мустафин, – имеет символический смысл. Под «пешеходом» романист подразумевает человека, вынужденного ходить пешком, то есть бедняка, неимущего, противопоставленного тем, кто разъезжает на сытых рысаках или, на худой конец, имеет хотя бы своё хозяйство. Автор знакомит нас с судьбой простого деревенского парня Сафаргали. Сафаргали – обыкновенный человек, отличающийся от сверстников разве что неугомонно весёлым нравом и бесшабашным, хотя и чуть грустным, балагурством. И мечты о счастье у него такие же маленькие: накопить немного денег, купить лошадь и зажить своим хозяйством. Какие только профессии не испробовал Сафаргали, чтобы добиться осуществления своей мечты! Он и портняжил, и батрачил на деревенского кулака, и ездил по деревням, сбывая ходкий товар, и работал грузчиком на пристани, пытался даже барышничать на ярмарках. Но накопить денег ему так и не удалось». Постепенно «для Сафаргали открывается простая истина: в мире денег люди богатеют не честным трудом, а обманом и насилием. Сафаргали всё чаще задумывается: какая же дорога ведёт к счастью? Находятся люди, которые подсказывают ему, что не тем путём он идёт. Но, видно, такие истины мало слышать, их надо выстрадать, убедиться не только разумом, но и сердцем. Такой жизненной школой явилась для Сафаргали первая империалистическая война. Писатель с большой художественной убедительностью показывает, как шаг за шагом у Сафаргали на многое открываются глаза, как в грязи окопов, под пулями, весь изъеденный вшами он по-

¹ Там же. – С. 8.

² Там же. – С. 10.

знаёт цену солдатского братства, учится различать друзей и врагов. «Маленький человек» на наших глазах распрямляется, становится духовно богаче, обретает веру в себя. В родную деревню Сафаргали возвращается уже сознательным революционным борцом»¹.

Историческим судьбам татарской деревни посвящён и роман «Тридцатый год». События в нём развёртываются в период коллективизации. Автор показывает острую классовую борьбу в деревне, процесс зарождения в сознании крестьянина новых черт, утверждение нового уклада жизни². В романе Ф. Хусни «конкретный социально-исторический анализ характерных для периода коллективизации противоречий сочетается с нравственной, просветительской заданностью романа, которая проявляется в показе двух миров – мира жестокости и подлинной человечности.

Критики единодушно признают густую заселённость романа. Центрального героя не отыщешь, автор как бы прячет в повествовании идеального героя, уделяя его долю каждому персонажу. И все они непохожи: требовательная Сарвар и доверчивая Назия, лихой председатель Саубан и языкастая вдовушка Гайния, неприметный труженик Латып и изворотливый Галям-хаджи, и потерявший ориентировку в жизни Вафин. Картина мира и личности не скреплена раствором изначальной сущности. Мир только складывается.

Для романа характерен новеллистический тип повествования, посредством которого автор передаёт состояние переходности и в общественно-социальной жизни, и в душах героев. В психологическом анализе переходного состояния души и в необычных формах проявления этой «переходности» значительную роль играют романтические тенденции. Они видны в акцентировании конфликта между социальными и общечеловеческими (в данном случае – от природы данными) свойствами. Сайбан отказывается расстреливать земляка, ставшего белым офицером, вспомнив, как в детстве они бегали босиком, играя вместе. Гайфулла в империалистическую войну не стрелял в немца, а стрелял в воздух, хотя был метким стрелком. Строго упрекает Сарвар товарища по комсомольской ячейке Вафина, говоря, что он совершает большую ошибку против товарищества, против человечества. Однако Ф. Хусни далёк от абстрактного гуманизма.

Автор убеждает читателей, что нравственные чувства и вера не являются абстрактными, добро не слепо. Ф. Хусни показывает душевные метания Сарвар, Вафина. Сюжетно-событийная мотивировка поступков героев помогает понять, что писатель «даёт глубокое, нешаблонное решение проблемы, умело связывает в один узел разнообразные факторы

¹ Мустафин Р. Образы времени : статьи.— Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. — С. 221–224.

² См. подроб. в трудах Р. Сверигина (1965), Н. Юзиева (1969), А. Гиниятуллиной (1970).

поведения героя»¹.

Значительных успехов достиг Ф. Хусни и на ниве драматургии. Новаторский характер проблематики пьесы «Бертуган Таһировлар» («Братья Тагировы») (1965) у всех вызвал также неподдельный интерес². В центре внимания мастера слова, изредка обращающегося к жанру драматургии, оказались трагические последствия культа личности в советском обществе.

Пьеса Ф. Хусни сначала называлась «Не до конца сгоревшее сердце». По-видимому, первоначально произведение было задумано лишь как драма Загита, самого младшего из трёх братьев Тагировых. Человек сложной, запутанной биографии, Загит во время войны в раненном, беспомощном состоянии попал в плен, несколько раз бежал, но был схвачен. После долгих мытарств, наконец, он вернулся на Родину, но тут же был арестован и сослан в один из лагерей ГУЛАГа. Его возвращение домой составило основу сценического действия.

Во время обсуждения драмы в ТГАТ им. Г. Камала о пьесе Ф. Хусни высоко отозвался режиссёр Ш. Сарымсаков: «Я хорошо изучил данную пьесу Ф. Хусни. В татарской драматургии последних лет – это самое совершенное в идейно-художественном отношении, очень нужное нам произведение»³. Спор разгорелся вокруг фигуры главного героя. Ф. Хусни во время обсуждения пьесы подчеркнул, что стремился показать драму человека, мягкого по натуре, сломленного под гнётом обстоятельств. Главный режиссёр Театра им. Г. Камала В. Михайлов, раскритиковав пьесу за пессимистическую настроенность в решении некоторых образов драмы, предложил усилить бойцовские качества в характере Загита, сделать их более твёрдыми, жёсткими. С ним не согласился Ш. Сарымсаков. По его мнению, Загит – человек такой сложной судьбы, безвинно отбывший семнадцатилетний срок наказания – не может сразу обрести веру в себя, стать сильным, твёрдым. Он обретёт эти качества постепенно, в будущем.

Нарекания со стороны В. Михайлова, Г. Ильясова, Р. Бикчентаева, И. Гайнуллина, Г. Сабитова вызвал финал произведения. Они хотели, чтобы Загит вышел победителем в борьбе со своими недоброжелателями и остался жить в своей родной деревне. А Ш. Сарымсакову, Л. Шакирову и автору пьесы «такой оптимистический финал казался надуманным, искусственным, вытекающим из ложных схем периода культа лично-

¹ Нигматуллин Э. Г. Творческая позиция писателя в свете литературных контактов [на примере творчества Фатыха Хусни] // Романтизм и реализм в литературных взаимодействиях. – Казань : Изд-во КГУ, 1982. – С. 58 – 71.

² Әхмәдуллин А. Г. Ф. Хөснинең «Бертуган Таһировлар» исемле пьесасы // Әхмәдуллин А. Г. Дәрәслеккә ирешү юлында. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1993. – 141–143 б.

³ Арсланов М. Г. Татарское режиссёрское искусство (1956–1990). – Казань : Фикер, 2002. – С. 64.

сти, против чего направлен весь полемический дух произведения. Да и жизнь, окружающая реальность, к сожалению, не дают материал такому оптимистическому восприятию действительности. Вокруг так много искалеченных культа личности судеб. Режиссёру и его единомышленникам удалось отстоять своё понимание драмы»¹.

Режиссёр Ш. Сарымсаков во время работы над спектаклем значительно расширил горизонты произведения Ф. Хусни. В центре сценической композиции оказались судьбы трёх братьев Тагиновых, ставших жертвами культа личности и административно-бюрократической системы. Изменения в концепции произведения повлекли за собой изменения в названии: спектакль стал называться «Братья Тагиновы».

По воле режиссёра Ш. Сарымсакова и старейшего актёра татарской сцены Х. Уразикова события драмы сконцентрировались вокруг образа Закира. В спектакле, созданном в традиционном для национального театра стиле жизненного правдоподобия и психологического реализма, не было ничего лишнего, что отвлекало бы зрителя от игры актёров. Выразительные средства режиссуры Ш. Сарымсаков применял крайне скупой, лишь в самых необходимых моментах сценического действия. Всё, что хотел выразить, он выявлял при помощи точной, предельно доходчивой, богатой на психологические нюансы игры артистов. Это определение качества исполнения относится прежде всего к Х. Уразикову. В его понимании биография самого старшего из братьев Тагиновых – Закира – тоже не из лёгких и не из самых удачных. Оставаясь жить в родной деревне, он возглавил колхоз, не жалея ни сил, ни времени, поднял его в самые трудные послевоенные годы. Каждодневная мелкая опека райкома мало-помалу отучила его от самостоятельности, постепенно он привык к тому, что думать самому не обязательно, на то есть райком. Год за годом Закир приучился работать не для пользы дела, а ради того, чтобы сохранить расположение высокого начальства. Поверив в свою значительность, непогрешимость, он возвёл себя в подобие некоего культа в колхозе, отрицающего даже малейшую возможность посягательств на непререкаемость своего председательского авторитета².

В начале спектакля перед зрителями предстал человек мягкий и добродушный, покрикивающий на жену лишь для порядка, горячо любящий репрессированного брата (сцена с фотографией). Известие о реабилитации и возвращении брата застаёт старшего брата врасплох. Уверенный в себе Закир растерялся, так как не знает, как это событие отразится на его служебной карьере. В сцене объяснения с Загитом раскрываются весь эгоизм и трусость его натуры. На глазах у зрителей из гостеприимного, приветливого, внимательного человека он превра-

¹ Там же. – С. 64–65.

² Золотарёв Е. О душах человеческих // Сов. Татария. – 1965. – 5 февр.

щается в раздражённого деспота. Он требует, чтобы Загит уехал из родной деревни, чтобы не пострадала карьера других братьев¹.

В финале спектакля Закир, оставшийся в одиночестве, подводя итоги жизни, констатирует, что трусливое прозябание «за спиной дяди райкома» не прошло для него даром: обернулось пустотой в душе. Однако зритель, увидев лучезарную улыбку героя при известии о восстановлении Загита в члены партии, надеется на лучшее. Создателям спектакля удалось психологически достоверно передать жизненную драму одной из жертв тоталитарного режима.

Совсем иные, противоположные чувства вызывает в финале средний брат Зариф в исполнении Н. Гайнуллина. В спектакле этому образу уделено сравнительно мало места, но он очень важен для выявления основной мысли постановки. Зариф – также жертва культа личности, но совершенно не похожий на других братьев. Пройдя по нелёгким дорогам служебной лестницы и добившись достаточно больших высот, этот учёный потерял в себе всё человеческое. Карьера любой ценой, даже через кровь и пот других, даже переступая родственные чувства, – вот девиз и цель жизни этого уродливого порождения тоталитарного режима. В спектакле он достигает желаемой вершины – в этом мудрость и верность правде жизни создателей сценического произведения и, прежде всего, режиссёра Ш. Сарымсакова. Его цель достигнута, позиция чётко выражена².

В день премьеры среди переполнившей зал публики присутствовали многие деятели татарской культуры – писатели, поэты, учёные. Это говорит об огромном интересе интеллигенции к новой работе Театра им. Г. Камала. Премьера прошла на высоком эмоциональном подъёме. После спектакля оставшиеся на обсуждение М. Амир, Г. Баширов, Р. Ишмурат, М. Гайнуллин, Х. Вахит, Г. Кашшаф единодушно отметили успех постановки и выразили благодарность режиссёру-постановщику Ш. Сарымсакову за столь волнующе-глубокое, актуальное зрелище. Спектакль получил небывалое по тем временам количество рецензий. Кроме республиканских газет и журналов, таких как «Социалистик Татарстан», «Советская Татария», «Казан утлары», с публикацией выступил основной театральный журнал России «Театральная жизнь». Однако сценическая жизнь нашумевшей драмы не удалась. В 1967 г. она таинственно исчезла из репертуара театра. Трудно сказать, что послужило на то причиной: «оттепель», закончившаяся «заморозками» или внутритеатральные отношения (театр возглавил молодой главный режиссёр М. Салимзянов)³.

¹ Илялова И. Возвращение Загита // Театральная жизнь. – 1965. – 5 февр.; Илялова И. «Бертуган Таһировлар» // Соц. Татарстан. – 1965. – 31 гыйнв.

² Мостафин Р. «Бертуган Таһировлар» // Казан утлары. – 1965. – № 10. – 139 б.

³ Арсланов М. Г. Татарское режиссёрское искусство (1956–1990). – Казань

Героями произведений Ф. Хусни 1970-х гг. становятся простые люди из народа, «неутомимые правдоискатели, носители народной мудрости и смекалки, весельчаки и балагуры», которые не растеряются даже в самой неожиданной ситуации («Мәйдан» («Майдан»), «Алтын эзләүчеләр» («Искатели золота»), «Без яшь идек» («Как молоды мы были...»), «Картая белмәс картлык» («Повесть о весёлом старике»)). «Всю жизнь Ф. Хусни – как верно подметил Р. Мустафин, – сохраняет верность теме татарской деревни. Не то, что он не знает или не любит жизнь современного большого города. Просто, видимо, впечатления детства и отрочества, когда формируется личность человека, оказались настолько сильными и яркими, что определили привязанности прозаика на долгие годы. С ранних лет он не столько разумом, сколько сердцем, всем своим существом прочувствовал душу своего народа, то почти неуловимое, но очень существенное, что принято называть национальным характером. Пишет ли он о дореволюционной деревне, о периоде коллективизации или о нынешней колхозной деревне, мы всегда чувствуем эту национальную атмосферу. Вместе с тем Фатих Хусни далёк от того, чтобы изображать национальный характер, как нечто застывшее, раз и навсегда данное. Меняется жизнь, изменяется многовековой бытовой уклад, меняются и люди»¹.

Арсенал идейно-художественных средств Ф. Хусни чрезвычайно богат. Как верно подметил Р. Сверигин, «мысли и переживания героев отражаются во внутренних монологах, их самоанализ, самооценка даются в тесной связи с чертами характера. Мастерски строит Ф. Хусни психологические портреты, избегая прямолинейности и одновременности рисунка. Творчество Ф. Хусни трудно представить без характерных для него юмористических интонаций. В разговоре о серьёзном на помощь писателю часто приходит «любимый конёк, легко берущий препятствия» – его юмор. С помощью юмора разрешаются серьёзные жизненные ситуации и конфликты. Хорошо понимая внутренние закономерности юмора, писатель с большим мастерством рисует смешные, уморительные картины. Основным источником юмора – это характеры героев. Смешные ситуации помогают полнее передать черты оптимизма в характере Сафаргали («Тропа пешехода»). Юмор особенно сочен в главах, рассказывающих о детстве. Горький опыт жизни сделал героя более суровым. Соответственно меняется и общий тон произведения, усиливается драматизм.

Если в ранних рассказах Ф. Хусни (напр., «Ошибка старой Махубы» и др.) юмор служил лишь тому, чтобы вызвать смех у читателей, то в дальнейшем функции его изменились. Комизм образа Гафиятуллы в повести «Любовь под звёздами» заключался в том, что энергичный,

: Фикер, 2002. – С. 68–69.

¹ Мустафин Р. Образы времени : статьи. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 221–224.

способный человек всю свою силу направляет на удовлетворение мелких личных желаний. Тема борьбы с пережитками старого в сознании людей раскрывается в юмористическом плане в образах Халли, Ахметзяна и Гайфуллы («Тридцатый год»). Широко применяется юмор также как средство контраста, чередованием «юмористических» и «серьёзных» глав в повести «Мои окна» с особой силой подчёркивается значимость и драматичность больших событий. Ф. Хусни создал в татарской литературе весьма своеобразную форму коротких лирических новелл. Тонкий эмоциональный настрой, чистое лирическое звучание, завершённость формы – всё это возникло не на пустом месте. На его творчестве сказывается сильнейшее влияние некоторых классиков, например А. Чехова, в особенности, в использовании психологической, бытовой или лирической детали. В 1960-е гг. Ф. Хусни развивает тип рассказа, являющегося как бы синтезом лирических, юмористических и психологических элементов. Иногда отдаётся предпочтение одному из вышеназванных элементов и соответственно меняется тональность рассказа. Рассказы «Белая перчатка» (1958), «Тромбон и девушка» (1959), «Газзя и Гарафи» (1962), «Чрезвычайное происшествие» (1965) написаны в несколько лёгком, мажорном плане. Виртуозное владение народной речью, щедрый юмор, игра слов, широкое применение фразеологических оборотов просторечия – всё это хорошо подходит при описании будничной суеты весёлых происшествий, мелочей жизни. Эта кажущаяся легковесность новелл Ф. Хусни – результат глубокого знания жизни и настойчивых усилий. Действительно, стремление к точности в малейших деталях, к достоверному описанию картин требует особой чуткости и наблюдательности»¹.

В условиях торжества советской цензуры и размывания границ национальной культуры Ф. Хусни ратует за чистоту языка, за полнокровность и богатство стиля. В своих произведениях создаёт блестящие образцы современной литературной речи. Книги Ф. Хусни «можно бы и не подписывать – читатель всё равно узнает автора по мягкой задушевной лирической интонации, по свойственному только ему лукавому юмору, по филигранности отделки стиля. Хусни – подлинный чародей языка. Он любит писать длинными периодами, начиная который, ещё не знаешь, куда приведёт тебя автор. Фразы его намеренно усложнены и расцвечены, как многокрасочный татарский орнамент. Нередко, увлёкшись каким-нибудь забавным эпизодом, образным сравнением, кстати или некстати подвернувшимся воспоминанием, автор сворачивает куда-то в сторону и далеко уходит от главной линии сюжета. Так речка, вольно текущая среди поросших красноталом и кустами шиповника берегов, делает прихотливые изгибы. Некоторые критики упрекают Фатиха Хусни

¹ Сверигин Р. Х. Вопросы татарского языка и литературы. – Кн. 4. – Казань : ИЯЛИ АН СССР, 1969. – С. 72–76.

за эти лирические «петли». Именно в них, по мнению Р. Мустафина, и таится вся прелесть его прозы¹.

Ф. Хусни охотно делится «секретами» мастерства с творческой молодёжью. Десятки статей о писательском ремесле вылились в книги «Уйланулар» («Мысли вслух») (1961)², «Ни әйтергә? Ничек әйтергә?» («Что сказать? Как сказать?») (1974)³, «Карурманга керәм» («Вхожу я в лес дремучий») (1985)⁴. Р. Мустафин вспоминает о писателе-аксакале с большим уважением и теплотой: «Я встретил уже другого Хусни – не поэта, а признанного прозаика, в двубортном, сшитом по моде пятидесятых годов костюме, с седой прядью, эффектно оттеняющей черноту его густой волнистой шевелюры. Но характер его за тридцать лет совсем не изменился. Вот он сидит на каком-нибудь писательском заседании, примечательном разве что непробиваемой скукой и длинной речью. Полуприкрыв веки, то ли слушает, то ли дремлет. На лице – полное безразличие... Но вдруг, задетый чьей-нибудь несправедливой репликой или непродуманным словом, словно разбуженный выстрелом лев, срывается с места. По-юношески порывисто выбегает к трибуне и начинает говорить – горячо, страстно, с подлинной заинтересованностью. И тут выясняется, что он вовсе не дремал, а внимательно слушал всё, что говорилось на собрании. Я не помню ни одного спокойно-безразличного выступления Фатиха Хусни, как не знаю ни одного его произведения, написанного холодной рукой, равнодушным сердцем»⁵.

Ф. Хусни внимательно следил за новыми книгами русских писателей и писателей братских республик, был в курсе литературных споров и дискуссий, открыто выражал свою позицию. Как отмечает И. Гази, в своей публицистике и критических статьях Ф. Хусни «продолжает быть «эстетом» в наилучшем смысле этого слова, поборником единства формы и содержания, яростным противником социологизма в литературоведении»⁶.

«Нелегко быть писателем. Надо искать, всегда искать, беспокойно искать, найти свой жизненный материал, именно тот самый материал, где в какой-то степени скрыт и ты сам, твой ритм, твоя любовь, твоя душа... Без этого нет настоящего художественного творения. Только писатель-ремесленник может писать обо всём ладно, гладко и одинаково

¹ Мустафин Р. Образы времени : статьи. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 221–224.

² Хөсни Ф. Уйланулар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1961. – 222 б.

³ Хөсни Ф. Ни әйтергә? Ничек әйтергә? – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 255 б.

⁴ Хөсни Ф. Карурманга керәм. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1985. – 200 б.

⁵ Мустафин Р. Образы времени : статьи. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 221–224.

⁶ Гази И. Смелый и самобытный художник : творческий портрет Ф. Хусни // Сов. Татария. – 1965. – 12 янв.

бездушно. Найти свой жизненный материал – ещё полдела. Его надо ещё открыть по-своему, с полнотой выразить. Выразить так, чтобы он стал достоянием всех, чтобы всем доставлял радость, свет, жар твоей души», – признаётся писатель в статье «Узнавать, любить, выражать»¹.

Ф. Хусни в ряде статей размышляет о роли в творческом развитии писателя разнообразных литературных связей, влияний. Если внимательно вчитаться, то можно понять, что для него она заключается прежде всего в общем целостном влиянии личности большого художника, беспокойной творческой личности, заражающей именно своим беспокойством и пафосом. К таким художникам Ф. Хусни в статье «Всегда рядом» относит Л. Толстого, А. Чехова и М. Шолохова. Присутствие рядом таких замечательных учителей, как считает автор статьи, «само по себе многому обязывает», «учит масштабности, проникновению в души описываемых персонажей, умению ценить слово». Размышляя над природой литературных связей, Ф. Хусни спешит оговорить параметры сближающих контактов: «присутствие рядом», «масштабность», «души описываемых персонажей». Таким образом, под влиянием он понимает «диалог двух художников»².

В творчестве Ф. Хусни учение о воле человека имеет романтическую окрашенность. Как верно подметил Э. Нигматуллин, писатель, размышляя о тайнах творчества, «предостерегает художников слова от прямых аналогий, от прямых причинно-следственных связей человека и среды, обстоятельств. Как обстоятельства воздействуют на человека, его деятельность, так и сам человек воздействует на них, причём перед ним творческие возможности, различные варианты поведения, выбора, а не какой-то заранее предуготованный, предначертанный путь»³.

Ф. Хусни в одной из своих статей обращает внимание на проблему катарсиса, на его двухстороннюю функцию: от творца-художника к личности читателя. Творчески переосмысляя теорию «заражения» в эстетике Л. Толстого, татарский писатель так характеризует «процесс творчества»: процесс этот «очень сложный. Много компонентов тут надо иметь: и знание материала, и знание людей, и, главное, любовь к ним, а отсюда – страстное желание им добра. Но при этом обязательно присутствие ещё одного душевного состояния – ощущение личного удовлетворения и удовольствия в процессе самого творчества. Если такое радостное душевное состояние есть, с уверенностью можно сказать, что душевная радость эта как бы согреет, озарит светом творимое про-

¹ Хусни Ф. Узнавать, любить, выражать // Сов. Татария. – 1962. – 6 янв.

² Хусни Ф. Всегда рядом [М. Шолохову – 70] // Сов. Татария. – 1975. – 24 мая.

³ Нигматуллин Э. Г. Творческая позиция писателя в свете литературных контактов [на примере творчества Фатиха Хусни] // Романтизм и реализм в литературных взаимодействиях. – Казань : Изд-во КГУ, 1982. – С. 58–71.

изведение и наверняка обрадует читателя и зрителя»¹.

Ф. Хусни вразрез веяниям эпохи ратует за сюжет, который, сохраняя причинно-следственные связи, напряжённость и яркость, занимательность действия, повысил бы коэффициент психологизма, духовной драмы личности. Секрет успеха «Тихого Дона» в мире Ф. Хусни видит в том, что в этом произведении М. Шолохова «с художественной убедительностью, в тесном и органическом переплетении с социальными событиями, изображены горестно-трагические судьбы людей той эпохи – Григория Мелехова и Аксины Астаховой»². Татарский писатель оставляет горьковскую интерпретацию сюжета как историю жизнедеятельности и развития образа³.

Размышляя над жанровыми особенностями рассказа, Ф. Хусни ориентируется на художественный опыт А. Чехова. Татарский писатель ценит рассказ за наличие в нём необычайной фабулы, напряжённость действия, неожиданность развязки. Ф. Хусни был уверен в том, что рассказ выиграет, если вберёт в себя элементы лирики и драмы, причём не от случая к случаю⁴.

«В отличие от романа или повести рассказ охватывает лишь одно событие, «исполняемое» одним или, в крайнем случае, несколькими лицами, и то не целиком всё событие, а лишь его насыщенную человеческими страстями и столкновениями конкретность, похожую на то место проточной воды, которое так и «играет», образуя бурлящие водовороты. Заложенное в рассказе событие должно быть максимально сжатым, избавленным, очищенным от всех лишних деталей и частей, и в то же время в высшей степени ясным, интересным и увлекательным». Автор не одного десятка татарских рассказов и новелл считает, что в основу рассказа должно лечь событие, «чутьочку приподнятое над уровнем обыденности»⁵. Преувеличение должно быть выявлено искусно, без крена, без натяжки, считает Ф. Хусни. Чехов – мастер внутреннего сюжета, скупости внешнего действия при богатстве глубинного течения, а это свойственно, как считает татарский писатель, лирическому жанру. «В лирическом жанре самом полным-полно качеств, которые можно перенять как прозаику, так и драматургу. Лиризм, способный трогать самые тонкие струны человеческой души, умение выбирать и ставить на своё место тесный смысл слова, расторопность в лучшем смысле, окрылённость и, наконец, самое трудное для выражения: умение раз-

¹ Хусни Ф. Творить радость? Или 4 заповеди для себя и для моих друзей // Лит. Россия. – 1966. – 22 апр.

² Хусни Ф. Уйланыр яклар бар: бүгенгә татар әдәбиятында заманчалык // Соц. Татарстан. – 1979. – 1 марта.

³ Хусни Ф. Әдәбият кайдан башлана // Соц. Татарстан. – 1971. – 13 мая.

⁴ Хусни Ф. Трибунага менәр алдыннан [РСФСР язучыларының съезды алдыннан] // Совет әдәбияты. – 1963. – № 4. – 132–133 б.

⁵ Хусни Ф. Раздумья о рассказе // Сов. Татария. – 1975. – 24 авг.

говаривать при помощи жеста, намёка – вот таким трудным наукам мы в большей степени могли бы научиться у поэтов. Драматургия Чехова и Ибсена – разве это не удивительный сплав поэзии и драматургии?»¹ Рассказ по своей природе «и краток, и ёмок, и привлекателен, в какой-то степени и необычен. Ему чужда бессюжетность», – делает вывод татарский писатель².

Литературоведы, критики и читатели-поклонники таланта писателя всегда отмечают народность языка Ф. Хусни. Так, И. Гази по праву называет писателя знатоком родного языка, виртуозом в этой области³. С этой оценкой трудно не согласиться.

Ф. Хусни выдвигал ряд суровых требований к писателям-переводчикам: знание в совершенстве «языка, с которого переводит, и того, на который переводит». «Прежде чем приступить к переводу, переводчик хотя бы в основных чертах должен узнать народ, его историю, его быт, его своеобразие. Узнать писателя, чью вещь переводит. Однако и этого недостаточно. Остаётся ещё одна очень серьёзная штука: узнавши, он должен любить, любить искренне, как художник художника, без малейшего панибратства или сознания своего преимущества». Переводчик не должен допускать «вольности»: «ни в коем случае не должен работать за автора». «Работа переводчика – сугубо творческая работа – с её подъёмом и падениями, с её риском и находками».

Ф. Хусни в своей статье высоко отзывается о переводческой деятельности Г. Паушкина, Я. Винецкого и И. Заботина. Разбирая конкретные примеры неудачных переводов (пер. Л. Мартынова поэмы «Мокамай» Х. Такташа, пер. Л. Руст стихотворения Г. Тукая «Мышь, упавшая в молоко»), размышляет о тайнах переводческого мастерства.

Ф. Хусни в статье заостряет внимание на проблеме «непереводимого»: «В разное время, под разным углом зрения, с разной степенью рвения я пробовал, например, перевести рассказы очень интересного русского новеллиста Исаака Бабеля. Люблю его романтику, люблю очень своеобразную манеру писать – сжатость, резкость, абсолютное отсутствие сентиментальности. Вроде, немного знаю и его писательскую судьбу – несколько необычную, противоречивую и очень суровую. Думаю, знакомы мне и «хитрости» своего родного языка. Кажется, на первый взгляд, что тут бы все карты в руки. А вот не получилось. То есть не вышел Бабель на татарском языке – Бабель с его звучанием, с его экспрессией, с его суровостью. А на другого Бабеля я был не согласен. Может быть, это частная моя неудача. Возьмётся другой, более

¹ Хөсни Ф. Трибунага менәр алдыннан [РСФСР язучыларының съезды алдыннан] // Совет әдәбияты. – 1963. – № 4. – 132–133.

² Хөсни Ф. Раздумья о рассказе // Сов. Татария. – 1975. – 24 авг.

³ Гази И. Смелый и самобытный художник: творческий портрет Ф. Хусни // Сов. Татария. – 1965. – 12 янв.

талантливый, и получится. Всё возможно. ...Не хватает силы – не стоит браться, сделает другой, наверняка сделает, и хорошо сделает»¹.

Литературно-критические статьи Ф. Хусни не потеряли своей актуальности и сегодня. Ещё И. Гази обратил внимание на то, что его критические статьи «читаются как художественное произведение»². Если представить всё написанное писателем как одно распространённое высказывание, то мы почувствуем, что высказывание это грандиозно, объёмно и по существу неоспоримо. В нём присутствует та нерасчленимая, аналитически не вычисляемая тайна, которая была передана ему личностью автора. Может быть, это и является признаком художественности?

В 1972 г. за сборник «Гыйльмениса һәм аның күршеләре» («Гильмениса и её соседи») (1971) Ф. Хусни был удостоен Государственной премии ТАССР имени Г. Тукая. За заслуги в области литературы старейшина татарской советской прозы награждён орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта». В 1993 г. Ф. Хусни был удостоен звания «Народный писатель Республики Татарстан».

Писатель умер 19 мая 1996 г. Ф. Хусни похоронили в Казани.

По постановлению Кабинета Министров РТ № 63 от 19.02.1998 г. Большеметескинской средней школе было присвоено имя Фатиха Хусни. В сельском клубе в с. Большие Метески был открыт Музей Фатиха Хусни.

В 1996 г. в целях стимулирования литературной деятельности, основанной на лучших традициях классиков литературы, в Республике Татарстан была учреждена литературная премия Министерства культуры Республики Татарстан и Союза писателей Татарстана имени Ф. Хусни³. Премия присуждается писателям за лучшее прозаическое произведение года, вызвавшее широкий резонанс и высокую оценку общественности, а также может быть присуждена за работы, посвящённые исследованию биографии, произведений Ф. Хусни и за популяризацию его творчества. Премия вручается ежегодно по решению правления Союза писателей.

В настоящий сборник мы отобрали произведения Ф. Хусни, в которых переводчикам удалось сохранить неповторимый стиль писателя, чтобы читатель смог убедиться, насколько богат и образен язык писателя, какой эффект даёт его мягкий юмор.

Как верно подметил К. Миннибаев, когда читаешь произведения Ф.

¹ Хусни Ф. Узнавать, любить, выражать // Сов. Татария. – 1962. – 6 янв.

² Гази И. Смелый и самобытный художник: творческий портрет Ф. Хусни // Сов. Татария. – 1965. – 12 янв.

³ Положение о Литературной премии Министерства культуры Республики Татарстан // URL: http://www.sptatar.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=199:положение-о-литературной-премии-министерства-культуры-республики-татарстан&Itemid=643&lang=ru (дата обращения 12.09.14).

Хусни, то «поражаешься ходу его мыслей, его искренности, честности, его... принципиальности в большом и малом, его одухотворённости, темпераменту, образности его мышления, выразительности слога. Как песня, льются из его уст слова, как поэзия, читается проза его: ведь он колдует над словами, и льются они, как музыка, подчиняясь законам сингармонизма, и музыка эта не ограничивается рамками одной фразы, она идёт плавно до конца произведения, до заключительного аккорда»¹.

Широта интересов и умение поэтично и точно воспроизводить действительность – вот в чём секрет широкой популярности произведений Ф. Хусни в наши дни. Огромный и приносящий удовлетворение труд лежал в основе его творчества. «Если бы не было творчества Ф. Хусни, наша литература казалась бы неполной, лишилась бы одних из самых ярких красок»².

Вопросы и задания

1. Как биография Ф. Хусни и время, в которое он жил, влияли на его творчество?
2. В чём состоит главный вклад Ф. Хусни в татарскую литературу?
3. Что подразумевает писатель под национальным своеобразием литературы?
4. Как понимает Ф. Хусни татарский национальный характер?
5. Кратко очертите проблематику литературно-критических статей писателя.

¹ Миннибаев К. Предисловие // Хусни Ф. Голубая песня : лирич. повести. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1984. – 320 с.

² Бәширов Г. Тынгысыз әдип // Соц. Татарстан – 1968. – 3 февр.

СПЕЦИФИКА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО МИФА В ПОВЕСТИ Ф.
ХУСНИ
«МИНЕМ ТӘРӘЗӘЛӘРЕМ» («МОИ ОКНА»)

Повесть Фатиха Хусни «Минем тәрәзәләрем» («Мои окна») была опубликована в 1964 г.¹ Вокруг произведения вспыхнула жаркая дискуссия. В писательской среде отнеслись к «Окнам» достаточно критически. Показательна оценка М. Амира: «Язучының үз тормыш юлы турында язылган бу әсәр әдәбиятыбыз өчен яңа булган мемуар жанрын алып килүе белән характерлы. Мемуар ул – культура дәрәжәсе югары торган, житлеккән әдәбияты булган халык өчен хас жанр. Фатих Хөсни, әлбәттә, тәҗрибәле художник буларак, тел остасы буларак, үзе һәм үткән юлы турында укучыны мавыктырырлык итеп язган. Әсәр яратып укыла. Һәм аның аша без аерым бер шәхеснең биографиясе белән генә түгел, совет язучысының тормыш юлы белән танышабыз. Шуңа күрә вакытта язучының бу яңа хәзмәте өчен тәбрикләү белән бергә, аңа иптәшләрчә киңәш төсендә әйтсә дә килә: безнең буын язучысы үткән юл киңрәк һәм катлаулырак бит ул. Ул юлда Фатих Хөсни әдәбиятыбыз һәм сәнгатәбезнең бик хөрмәтле вәкилләре белән Галимҗан Ибраһимов, Һади Такташ, Муса Җәлил, Салих Сәйдәшев, Фатих Кәрим көбек тарихи шәхесләр белән аз очрашмагандыр, хәтта аларның кайберләре белән яқыннан аралашкандыр. Шундый шәхесләргә карата үз фикерләрен киңрәк, тулырак әйтү өчен, аларның әдәби портретларын сызып китү өчен бик уңайлы форсат бит ул әсәр. Ләкин язучы киң күңелле жанр биргән мөмкинлекләре белән тулы файдаланмаган»².

(Подстр. пер.: «Это произведение, написанное писателем с опорой на собственный жизненный путь, было новаторским по форме: впервые в татарской литературе отдана дань мемуарной традиции. Мемуары как жанр свойственны литературе, достигшим определённых высот в своём развитии. Ф. Хусни, как маститый художник слова, знаток языка, занимательно рассказал читателям о своём жизненном и творческом пути. Произведение читается с интересом. Через него мы знакомимся не только с биографией отдельной личности, но и с творческим путём советского писателя. Наряду с поздравлениями в адрес автора нового труда хотелось бы высказать некоторые дружеские пожелания: путь, пройденный нашим поколением писателей, шире и многограннее. Фатиху Хусни посчастливилось быть современником таких видных деятелей татарской литературы и культуры, как Галимджан Ибрагимов, Хади Такташ, Муса Джалиль, Салих Сайдашев, Фатих Карим, с иными даже посчастливилось тесно общаться. Автобиографическая повесть даёт широкие возможности для более подробного выражения своих

¹ Хөсни Ф. Минем тәрәзәләрем // Совет әдәбияты. – 1964. – № 1. – 54–99 б.; № 2. – 3–88 б.

² Әмир М. Хәзерге татар прозасы // Соц. Татарстан. – 1965. – № 3. – 2–3 б.

мыслей по отношению к таким личностям, для создания литературных портретов этих деятелей. Однако автор не воспользовался возможностями, предоставляемыми жанром книги»).

Как указывают литературоведы, «автобиографическая повесть (как разновидность лирической) связана с нравственно-философским, эстетическим, психологическим осмыслением феноменов индивидуальной жизни автора. Однако предметом художественного изображения в таком произведении становится окружающая действительность, преломленная духовным видением субъекта творчества, которым детерминирована образно-речевая структура. В ней сюжет, причинно-следственные связи уступают место мозаике настроений и чувств героя, которого некоторые исследователи небезосновательно называют «лирическим»»¹. Автобиографическая повесть «Мои окна» открывается комментарием Ф. Хусни, который позволяет нам сформировать представление о специфике авторского замысла: «Жылы юмор белән язылган бу кечкенә китапта, чынлыкта, күңелгә яңа нурлар сибүче тормыш «тәрәзәләре» ачыла. Һәрхәлдә, без шулай уйлап яздык»². (Подстр. пер.: «Эта небольшая книга, написанная с тёплым юмором, показывает, как открывались передо мной «окна» жизни, источающие новый свет»). Воспоминание, являясь фактографической основой этого произведения писателя, не становится самоцелью, а включается в широкий историко-культурный, национальный, общечеловеческий контекст, моделируя особый лиро-эпический мирообраз, в котором «вся бесконечная даль бытия со всеми бурями эпохи сжата, спрессована вокруг судьбы простого человека из народа и организована его мыслью, чувством и деянием»³.

Хронотопы окна и дороги становятся структурообразующими образами авторского биографического мифа в повести. Литературоведы понимают под автобиографическим мифом исходную сюжетную модель, получившую в сознании писателя онтологический статус, рассматриваемую им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимую со всеми событиями его жизни, а также получающую многообразные трансформации в его художественном творчестве⁴. Цель нашего иссле-

¹ Скибицкая Л. В. Структура художественного повествования в повестях В. Астафьева и Я. Брыля («Последний поклон» и «Золак, убачаны здалек») // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв. : сб. науч. ст. – В 2 ч. / под ред. С. Я. Гончаровой-Грабовской. – Минск : РИВШ, 2010. – Ч. 1. – С. 124–129.

² Хөсни Ф. Минем тәрәзәләрем. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1965. – 2 б. (Далее ссылки идут по данному источнику. – М. Х.)

³ Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие: в 2 т. – Т. 2: 1986–1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Изд-во «Академия», 2003. – С. 114.

⁴ Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. – М. : Мартин, 1997. – 221 с.

дования – выявить особенности автобиографического мифа в повести Ф. Хусни «Мои окна».

Композиция произведения отвечает требованиям жанра. В повести мы наблюдаем два временных плана: «план настоящего повествователя, создающего текст, и план его прошлого, о котором он вспоминает» (Н. Н. Николина)¹.

Название произведения несёт большую семантическую нагрузку. Хронотоп окна сигнализирует о связи героя с жизнью, свидетельствует о проницаемости пространства его душевного мира, является знаком рубежа, знаком перехода от одного этапа жизни к другому.

Хронотоп дороги вбирает в себя вехи жизненного пути автобиографического героя, позволяет определить координаты его жизни.

Повествовательное пространство включает в себя тему детства. Ф. Хусни остаётся в рамках традиции, берущей начало ещё у Руссо. Как известно, именно этот писатель ввёл в западно-европейскую традицию тему детства, и с тех пор изображение детства стало «общим местом» автобиографических произведений.

Сведения о семье становятся одной из составляющих темы детства. Долгожданный мальчик рос в любви и заботе. Отец, стремясь уберечь и оттянуть срок службы сына в царской армии, попросил муллу оформить метрику более поздней датой. Этим объясняются нестыковки в дате рождения.

На этапе раннего детства «окошком» в мир для маленького Фатиха были старшие сёстры. На основе их рассказов и разговоров формировал он представление о мире вне стен дома. Через «глазок» в заиндевевшем окошке мальчик наблюдал за синичками и снегирями, полагая, что так навещает родной дом душа умершей сестрёнки Гарифы. Ещё два события запали в душу ребёнка: «татарская свадьба» старшей сестры и продажа отцом лошади. Никах запомнился Фатиху звоном колокольчиков на дугах лошадей, запряжённых в свадебный кортеж, грудой подушек и перин на тарантасах, фейерверком красочных шалей во дворе, кучей галош у порога дома. Так, постепенно, ребёнок вовлекается в жизнь общины, начинает участвовать в Сабантуе, Джиене, Каз өмэсе.

Первоначальное образование Ф. Хусни получил в деревне у абыстай и хальфы. Во время учёбы в опытно-показательной средней школе им. М. Вахитова г. Казани всё своё свободное время Фатих проводил в библиотеке. Вскоре в школьной газете под подписью «учкор Мөхәммәтфатих Хөснетдинов» стали появляться заметки о жизни пионерского отряда (с. 63). Дополнительным стимулом для творчества стало известие о том, что в ГАЖУРе (редакции газет и журналов) за написание стихов и заметок выплачивают гонорар. Фатих стал посещать школьный литературный кружок под руководством Нигмаша Булата и

¹ Николина Н. Поэтика русской автобиографической повести. – М. : Флинта, 2001. – С. 10.

кружок деткоров (детских корреспондентов). В 1920-е гг. творческая молодёжь Казани собиралась на вечера в Восточном педагогическом техникуме, Татрабфаке и в школе имени Вахитова. На одном из них в Татарской учительской школе судьба свела его с поэтом Тухватом Ченекеем. Встречаясь на вечерах с юным поэтом, мэтр живо интересовался его творчеством, не раз приглашал в гости в Апанаевские номера. Именно Ченекей познакомил Фатиха с поэтом Мусой Джалилем, студентом Московского госуниверситета. Так, постепенно, благодаря поддержке известного поэта, деревенский паренёк вошёл в столичную литературную жизнь.

Ф. Хусни в своей повести уделяет особое внимание литературным кумирам, оставившим глубокий след в его душе. Вспоминая о своём первом творческом опыте, писатель с иронией пишет о собственной наивности и самоуверенности: юный поэт полагал, что очень быстро достигнет уровня Г. Тукая. С. Рамиев покорила Ф. Хусни своим бунтарским духом, а Ф. Амирхан – смелыми художественными экспериментами. В памяти автора оживают литературные вечера, посвящённые творчеству любимых писателей. Ф. Хусни тяжело переживает смерть Ф. Амирхана и С. Рамиева в марте 1926 г.

Похороны Ф. Амирхана становятся для юного Фатиха «окошком», заглянув в которое он сформировал представление о состоянии татарского общества 1920-х гг. Ф. Хусни описывает, как сотни людей пришли проститься с писателем, завладевшим умами и сердцами читателей. Фатих оказался вовлечённым в человеческий поток, сначала стекавшийся к дому Ф. Амирхана на улице Жуковского, затем – к площади Свободы. Навсегда запомнил Ф. Хусни то чувство растерянности, которое охватило его на траурном митинге после выступления Ф. Бурнаша. Известный драматург кратко познакомил собравшихся с вехами биографии Ф. Амирхана. Ф. Хусни удивился, когда узнал, что «передовой писатель» был «сыном муллы», а после революции творчество писателя пошло на спад. В 1920-е гг. принято было детей священнослужителей клеймить позором: «волки под овечьими шкурами», которые всеми «правдами и неправдами стремятся устроиться в новой жизни». Начинаящий поэт никак не мог соотнести эту уничижительную характеристику с именем своего литературного кумира. Многие из траурной речи Ф. Бурнаша, полной революционной риторики, юному Фатиху было непонятно. Растерявшийся подросток успокоился, лишь когда услышал обрывок фразы, что Ф. Амирхан придерживался какой-то «платформы». Это незнакомое слово заставило Ф. Хусни отбросить всякие сомнения в отношении любимого писателя.

Сквозь призму взгляда ребёнка в повести показан раскол, наметившийся в татарском обществе. Ф. Хусни был искренне удивлён, когда после траурного митинга инициатива по организации похорон перешла в руки мулл. «Влиятельные персоны» объяснили эту метамарфозу по-

следней волей покойного. Ф. Хусни описывает, как молча татарская Казань прощалась со своим любимцем. Тишину улиц, по которым двигалась траурная процессия, лишь однажды нарушили проклятия, вылетевшие из уст Гимади-хальфы, которого высмеяли в своих произведениях Ф. Амирхан и Г. Тукай.

Слушая на площади выступления мулл, Ф. Хусни узнал, что, в отличие от революционной татарской Казани, им писатель был дорог тем, что внёс огромный вклад в просвещение татарского народа и пропаганду национальных ценностей. Оказалось, что Ф. Амирхан редактировал Коран, опубликованный в Харитоновской типографии. От взора мальчика не ускользнуло, как советские активисты предпочли сделать вид, что не слышат «крамольных речей» духовенства. Некоторые во время молитвы повернули кепки козырьком назад и приняли участие в погребальном обряде. Показательно, что в самый разгар борьбы с религиозными предрассудками в Стране Советов именно религия, вернее религиозный обряд, становится силой, объединившей народ в годы гражданского противостояния. Именно на похоронах Ф. Амирхана мальчик осознал величие таланта писателя и всю значимость писательского труда в обществе: «Үлгәннән соң да чалмалысын да, кепкалысын да – бөтен дөньясын аякка бастыра» (с. 79). (Подстр. пер.: «Даже после своей смерти он заставил всех встrepенуться, и тех, кто в чалмах, и тех, кто в кепках»). Головной убор в этом воспоминании выступает средством выражения идентичности.

Внимание автора автобиографической повести приковано к теме формирования творческой личности, ставшей центральной в произведении. Ф. Хусни подробно описывает систему литературного образования, складывающуюся в стране. Если вначале свой творческий потенциал юноша мог реализовать на школьном литературном кружке и на страницах школьной стенгазеты, то вскоре он стал печататься на страницах таких республиканских газет, как «Яшь ленинчы» («Юный ленинец») и «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»). Набравшись смелости, юный поэт начал посещать кружок молодых писателей во Дворце культуры на улице Островского (ныне Театр юного зрителя). В его работе принимали участие такие прославленные поэты, как Х. Такташ, А. Кутуй, Демьян Фатхи, а также критики: Яуми, Ф. Мусагит, Г. Кадыров. Каждое стихотворение, прозвучавшее на кружке, подвергалось детальному анализу и обсуждению.

1910–1920-е гг. в истории татарской литературы – «период становления новой поэтики, характеризующейся появлением новых художественных форм и, одновременно, многочисленными рефлексиями по вопросам литературной теории»¹. Г. Халит так характеризует лите-

¹ Ибрагимов М. Творчество Х. Такташа в контексте татарской и русской поэзии 1910–1920-х гг. : проблемы поэтики // Научный Татарстан. – 2011. – № 1. – С. 164.

ратурную обстановку этих лет: «Если одни поэты страдали ревнивой привязанностью к традициям, то другие намеренно стремились скорее оторваться от них, видя в этом путь к «революционному перевороту» в поэзии. Они считали себя непоколебимыми защитниками «революционных течений, ускоряющих крушение старой литературы, старой поэзии со стороны их формы, содержания и стиля» (К. Наджми). Возникали острые столкновения...»¹. «Бөтен нәрсә яшь күренә, барыбыз да бугаз киереп кычкырырга яратабыз», – так отзывается о 1920-х гг. автор повести (с. 113). (Подстр. пер.: «Всё кажется молодым, все любим кричать во всё горло»). Многие выхвачено взором ребёнка, многое оценено спустя годы с высоты прожитых лет. Членов кружка молодых писателей Ф. Хусни с уважением называет «молодыми беркутами» татарской литературы.

Особое место в его воспоминаниях занимают такие кумиры татарской молодёжи, как Хади Такташ и Адель Кутуй. Ф. Хусни трогательно описывает дружбу писателей: «...анда озын йонлы кыска тунын киеп, тирән эчле кепкасын күзләренә чаклы батырып, кулына мәңге аерылмастай күренгән кәкре башлы таягын тотып, салкыннан алсуланып Такташ килеп керә. Аңарга ияреп, киеме белән дә Такташка охшарга тырышып йөрүче, эт тиресеннән теккән тунлы Кутуй, озын шинельдән Демьян Фәтхи килә» (с. 80). (Подстр. пер.: «... сюда заходит в полушубке с длинной шерстью, в надвинутой глубоко на глаза кепке, держа в руках казавшуюся неотделимой палку с кривым концом, покрасневшийся от мороза Такташ. Вместе с ним приходит в шубе из собачьей шкуры Кутуй, который даже в одежде подчёркивал своё желание быть во всём похожим на Такташа, в длинной шинели Демьян Фатхи».)

Автор повести искренне радуется, что ему довелось слушать Х. Такташа: «Ә менә Такташ... Өстендә нәрсә була иде аның? Хәзер инде, утыз-утыз биш елдан соң, ул турыда сүз алып бару да кыен. Бер нәрсәне бик ачык әйтергә мөмкин: энә-жөптән генә төшкән бик модный костюм булмас иде бервакытта да. Садә генә киёмнән, чалбарының бер балагы икенчесенә караганда чак кына кыскарак та кебек, шуның өстеннән билсез, киң толстовка кигән. Ашыкмый гына атлап чыгар, сәхнәнең алдына

¹ Халит Г. Поэзия дерзаний. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1980. – С. 6.

ук килеп туктар, зур зәңгәр күзләре белән томырылып залга бер карап алыр... Калын иреннәреннән әлегә әйтелмәгән, менә-менә әйтеләчәк елмаю нуры узар һәм секундның кыска бер мизгелендә аның, горур җилпенеп, башын артка ташлап алуы булыр... Аннан соң да мин байтак кына сәхнәләрне, ораторларны, үз әсәрләрен укый белеп укучы язучыларны, шагыйрьләрне, сәхнәдә үзен судагы балыктай тотучы эстрада артистларын күргәләдем. Әмма Такташ чыгуы кебек сәхнәгә чыгуны һәм Такташның башын чайкап башлап китүе кебек башлап китүне беркайчан да күргәнем юк. Тел белән әйтеп булмый торган ниндидер бер садәлек бөркелеп торыр иде аңардан. Һәм менә ул башлый, әкрен генә шигырь сөйли башлый. Әйе, элек әкрен генә, кабананмыйча гына, аннары, ахрысы, үзе дә мавыгып булса кирәк, тавышы үсә бара, үзе дә дәртләнә, безне дә кабыза бара, без тыңлаучы буларак үз-үзебезне онытабыз, тотышыбыз белән аның «сихеренә» бирелеп, ул тавышның күңелне иркәләүче аһәңенә, шагыйрьнең хөкемдарлыгы астында калабыз...» (с. 81–82). (Подстр. пер.: «А вот Такташ... Как он выглядел? Сейчас, спустя тридцать-тридцать пять лет, трудно об этом вести разговор. Его одежда отличалась простотой, одна брючина казалась немного короче другой, а поверх него надета неприталенная, просторная толстовка. Выходил он всегда неспеша, останавливался всегда впереди сцены, окидывал зал задумчивым взглядом голубых глаз... Толстые губы, с которых готово сорваться с минуты на минуту ещё непроизнесённое, озаряются светом улыбки, и он откидывает голову, вдруг в одночасье обретая гордую статью... С тех пор я немало видел выступающих на сцене ораторов, писателей и поэтов, исполняющих собственные творения, артистов эстрады, чувствующих себя как рыба в воде. Однако я ни у кого больше не встречал такой манеры выхода на сцену и такого жеста головой перед выступлением, как у Такташа. Трудно передать словами ту необыкновенную простоту, которую излучала его натура. И вот он начинает, тихо начинает читать стихи. Да, сначала медленно, не спеша, затем, кажется, и сам увлекаясь, голос его начинает набирать силу, он вдохновляется, и зажигает нас, и мы, слушатели, забыв о себе, поддаёмся его «чарам», подчиняемся мелодичности голоса, полного тепла и в то же время внутренней силы...»). Сколько любви, уважения и трепета кроется в этих скупых строках! А. Кутуй же поразил воображение Ф. Хусни своей эрудицией, пламенными речами о новых тенденциях в современной литературе.

С миром русской и мировой литературы Ф. Хусни познакомила Елизавета Васильевна Нечаева, учительница русского языка и литературы. Скованная рамками вульгарного социологизма, она тем не менее сумела донести до учеников мысль о неординарности личности Печорина, вскрыла причины, обусловившие жизненную драму героя. Е. В. Нечаева внесла огромный вклад в формирование читательской культуры своего воспитанника: «Юк, акыллым, синнән элегрәк туган китاپларны укып миңәне черетмичә язучы була алмассың» (с. 99). (Подстр. пер.: «Нет, моя умница, ты не станешь писателем, пока не поломаешь

голову над книгами, написанными до тебя»).

В становлении личности Ф. Хусни огромную роль сыграли и литературные критики журнала «Безнең юл» («Наш путь») – Г. Гали и Г. Нигмати. Ещё при первом знакомстве с творчеством молодого автора они обратили внимание на своеобразие структуры его поэтического текста, на богатство языковых средств и в то же время указали на необходимость активизировать поиски новых рифм, не ограничивая себя потенциалом татарской народной песни. Именно Г. Гали придумал литературный псевдоним для молодого писателя: так в одночасье Мухамматфатих Хуснутдинов превратился в Фатиха Хусни.

1927 г. стал годом литературного дебюта: в журнале «Наш путь» было опубликовано его первое стихотворение «Дөнья матур миңа» («Мир прекрасен для меня»), в котором он выразил мироощущение тех лет. Спустя годы писатель критикует себя за традиционность рифм и образов, указывает, что его творчество в те годы развивалось в рамках поэтической традиции, тесно связанной с фольклорной и древней поэтической традицией, идущей ещё от Кул Гали. Ф. Хусни воздаёт должное новаторству Х. Такташа, Х. Туфана, Г. Ахметова в области рифмы. Ф. Хусни признаётся, что его первые поэмы «Машиналар арасында мәхәббәт» («Любовь среди машин»), «Луиза», созданные в угоду моде, были безликими. Именно Г. Нигмати предостерёг в своё время его от эпигонства. Стремясь предостеречь молодых от ошибок, Ф. Хусни рассказывает читателям о своих литературных неудачах: «Бүтәннәр сайраган тавыш белән сайрага тырышмагыз, жанкисәкләрәм. Яхшымы-яманмы, үз тавышыгыз, үз жырыгыз, үз догагыз булсын» (с. 106–115). (Подстр. пер.: «Мои дорогие, не старайтесь творить с чужого голоса. Хорошо ли, плохо ли, старайтесь обрести свою песню, свою молитву»). Именно Х. Такташ объяснил молодому поэту, что текст, прежде чем он будет представлен читателю, должен немного полежать в письменном столе, чтобы автор мог взглянуть на него критическим взором. Так, постепенно, пришло к начинающему писателю представление о мере ответственности художника слова за свои творения.

Испытывая внутреннюю неудовлетворённость своим поэтическим творчеством, Ф. Хусни вскоре решил попробовать силы в области драматургии. 1920–1930-е гг. ознаменовались активными поисками в области национальной драматургии и национальной оперы. Поэт А. Кутуй на волне этих настроений написал пьесы «Балдызкай» («Свояченица»), «Күк күгәрчен» («Сизые голуби»), а мастера рассказа Фатих Сайфи-Казанлы и Шамиль Усманов создали драмы. Стал издаваться небольшого формата журнал «Тамашачы» («Зритель»). Молодые артисты Х. Салимзянов, З. Закиров, Р. Ишмурат прилагали активные усилия в деле пропаганды «футуризма». Ф. Хусни написал драму «Көрәш кызы» («Дочь борьбы»), полную риторики и штампов. Г. Девишев, режиссёр Татарского государственного театра, жёстко раскритиковал пьесу. Это расстроило Ф. Хусни, однако он не охладел к творчеству. В 1929 г. напи-

сал пьесу «Усаллар» («Злые»), которая была опубликована отдельной книгой.

Ф. Хусни в повести «Мои окна» кратко охарактеризовал период своего ученичества в прозе. Ф. Хусни активно участвовал в художественной самодеятельности. Вместе с Ф. Мусагитом, создателем рассказов М. Мустафиным, поэтом Сирином и композитором Дж. Файзи он объехал окрестные деревни, организовывая литературно-музыкальные вечера.

Неожиданная смерть Х. Такташа повергла студенческую молодёжь в шок. После похорон стихийно был организован поэтический вечер, где прозвучали стихотворения и романсы на слова Х. Такташа. Ф. Хусни признаётся, смерть кумира заставила его серьёзно задуматься о собственном предназначении. Ему запали в душу слова Р. Ишмурата, обратившегося к Х. Туфану и Ф. Хусни с призывом хранить свято память о литературном гении и не забывать, что теперь на их плечи легло бремя ответственности за судьбу современной татарской литературы. (с. 144).

В 1933 г. Ф. Хусни закончил вуз и получил диплом экономиста-плановика. Так он превратился в Фатиха Хуснутдиновича. По распределению оказался в народном комиссариате финансов Татарской АССР, где возглавил отдел «Финансирование сельского хозяйства». Во время Съезда колхозников-ударников Татарстана ему довелось встретиться с Г. Ибрагимовым. Во время беседы Г. Ибрагимов, детально проанализировал роман «Жир тыңлый» («Земля слушает»), посоветовал автору избавиться от «красивостей» и стремиться к простоте и правде. Мэтр напомнил также об ответственности, лежащей на плечах писателей.

Осенью Ф. Хусни призвали в армию. Однако он недолго служил в 1-й Татарской стрелковой дивизии: вскоре его перевели в Политотдел, где он стал сотрудником газеты «Сугышчан постта» («На боевом посту»). Здесь он проработал вместе с Газизом Идепле и Газизом Усмановым вплоть до 1935 г. Работа в редакции дивизионной газеты способствовала дальнейшему развитию литературного дарования молодого писателя.

По возвращении с армейской службы Ф. Хусни продолжил работать на журналистском поприще в республиканских газетах. Вскоре женился, обзавёлся детьми. Чтобы обеспечить семью, он работал не покладая рук. Ситуацию усложняло отсутствие собственного жилья. Неожиданно для себя Ф. Хусни впервые на русском языке написал романтический рассказ «О мальчике прекрасном и гордом». Под влиянием прозы Ю. Олешы и И. Бабеля Ф. Хусни смело экспериментирует в области прозы. («Аккош күле» («Озеро Лебяжье»), «Бүреләр» («Волки»)).

В 1937 г. были репрессированы Г. Ибрагимов, К. Тинчурин, Ф. Бурнаш, Г. Гали. Ф. Хусни с неохотой вспоминает об этом «чёрном» для татарской литературы годе (с. 229). Писателю психологически достоверно удалось в своей повести передать атмосферу тотального страха, охватившего общество. Редакторы газет ощущали себя «халифами на час», вчерашние «звёзды татарской литературы» (К. Наджми, А. Кутуй, Г. Толымбайский, Х. Туфан) теперь превратились во «врагов народа»,

«вражеских лазутчиков». Приметой времени стали заседания, на которых разоблачались «преступники». Ф. Хусни с внутренним содроганием вспоминает о собраниях, на которых «разоблачали» Г. Кутуя и Ф. Карима (с. 236). В тюрьме оказался и первый председатель Союза писателей ТАССР К. Наджми. Недолго проработал на этой должности и Мирсай Амир, которого также арестовали. Тотальный страх и растерянность царили в обществе. Попал в опалу и сам Ф. Хусни – за письмо, написанное в знак поддержки больному Г. Ибрагимову, который жил тогда в Ялте. Над А. Алишем, А. Ахметом, Г. Мухаметшиным и Ф. Хусни нависла чёрная тень клейма «врага народа». Автор повести признаётся, что никогда и ни на кого не писал доносов, даже в «смутный» 1937 г.: «...ул яктан вөжданым тыныч» (с. 232). (Подстр. пер.: «...с этой стороны совесть моя чиста».) Писатель вспоминает, как в страшной панике покинул город, узнав об аресте одного из своих друзей. Ф. Хусни бежал сломя голову в далёкую деревню Чуке. Родственники приняли его в дом без долгих распросов. Однако через два дня дочери хозяина семейства вернулись из школы в слезах, так как их выгнали с занятий: «Ваш дядя Фатих Хусни – враг народа, сбежавший из города в деревню. Мы не будем учить своячениц врага народа!» (с. 248). Этот эпизод красноречиво свидетельствует о состоянии общества в годы репрессий. Благодаря провидению, Ф. Хусни благополучно пережил годы репрессий.

С большой теплотой вспоминает писатель о «литературных салонах», на которых собиралась творческая молодёжь. На первом из них он оказался по приглашению А. Еники. В мероприятии также участвовали поэт Т. Ченекей, художник М. Абдуллин, критик Г. Кашшаф и студентки консерватории. Ф. Хусни вспоминает, как волновался за себя и за А. Еники, который, начав читать его стихотворение «Дөнья матур миңа» («Мир прекрасен для меня»), запутался в тексте... Писатель в своих воспоминаниях воссоздаёт атмосферу этих вечеров. Литературный салон стал творческой площадкой для татарской интеллигенции, где деятели культуры презентовали своё творчество, апробировали новые творческие идеи, обретали друзей и соратников. Ф. Хусни признаётся, что именно литературному салону он обязан дружбой с режиссёром Ш. Сарымсаковым.

За рамками автобиографической повести остались события Великой Отечественной войны и период «оттепели». «Пусть «окна души» творческого человека всегда будут обращены к солнцу, к народу» – таким призывом завершается автобиографическая повесть Ф. Хусни. В конце повести формулирует основную задачу писателей: показать богатство души народа, её неизвестные грани, чтобы способствовать раскрытию его потенциала.

Как верно подметил литературовед Р. Сверигин, повесть «Минем тәрәзэләрем» занимает особое место в творчестве Ф. Хусни. В ней автору удалось «интересно и занимательно рассказать о формировании своего писательского дарования, оглянувшись назад, воссоздать вехи

своей творческой и жизненной биографии, вспомнить о первых шагах на литературном поприще», упомянуть о трудностях, с которыми пришлось столкнуться. Автор не стремится к «красивостям» и не устраивает гонку за биографическими фактами. Ф. Хусни в своей исповеди стремится дать оценку своей эпохе как художник»¹. Положительно отозвался об автобиографической повести Н. Фаттах.²

На страницах повести писатель не раз размышляет о смысле жизни. Если в юности Ф. Хусни мечтал подарить своим читателям только радость и счастье, то, повзрослев, осознаёт, что долг художника слова состоит в том, чтобы показать жизнь народа во всём её многообразии. «Бу дөньяга без шаярыр өчен килмәгәнбез, нәрсәдер эшләп калырга кирәк», – к такому выводу Ф. Хусни пришёл после смерти Х. Такташа (с. 146). (Подстр. пер.: «Мы пришли в этот мир не ради шуток, надо успеть что-то создать»).

Сегодня это произведение воспринимается скорее как документальное свидетельство эпохи³. Повесть отражает усилия автора по созданию собственного образа и собственной версии своего жизненного пути. Textoобразующую функцию в произведении выполняет автобиографическое представление. Для автора оно является не только способом осмысления собственной личности, но и превращается в способ описания прошлого и настоящего. Ф. Хусни в своей повести анализирует определённые человеческие отношения, даёт оценку наиболее ярким, переломным моментам в собственной биографии. Из личной биографии подвергаются осмыслению лишь те факты, которые отражают процесс формирования «я» как творческой личности. Ф. Хусни подчёркивает роль культуры в духовном преображении человека: побуждая к интенсивному творчеству, она приобщала его к своим семиотическим ресурсам, заставляя описывать индивидуальную жизнь в общекультурных категориях, доступным и понятным другим. В результате отрефлексированный опыт позволил автору автобиографической повести закрепить человеческую индивидуальность в культуре.

Ф. Хусни прибегает к эмоционально-метафорическому конструированию текста, когда биография воссоздаётся через описание отдельных случаев (лирических, комических, трагических, драматических), сопровождаемых переживаниями, оценками, вопросами. В тексте присутствуют характерные для автобиографических произведений упоминания о родителях и членах семьи, локализовано место действия, внимание сосредоточено на событиях и обстоятельствах, имеющих отношение к собственной личности, выявляется стремление посмотреть на поступки сквозь систему этических оценок.

¹ Сверигин Ф. Фатих Хәсни. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1968. – 130 б.

² Фәттах Н. Дәрәсән әйткәндә // Сөв. Татарстан. – 1964. – 3 апр.

³ Гайнуллина Г. Р. XX гасырның 60–70 нче елларында татар автобиографик прозасы үсеше. – Казан : Ихлас, 2012. – 44–46 б.

Вопросы и задания

1. Что вы понимаете под автобиографическим мифом?
2. В чём значение повести Ф. Хусни «Минем тәрәзэләрем» («Мои окна») в истории татарской литературы?
3. Каковы художественные особенности выражения авторской позиции в этом произведении Ф. Хусни?

СЛОВО Ф. ХУСНИ О ГЕРОЕ И ГЕРОИЗМЕ:
НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ
«ЙӨЗЕК КАШЫ» («ПЕРСТЕНЬ»)

Блеснуть, как говорят,
весенней молнией,
потом можно и сгинуть.

Ф. Хусни

Степень ангажированности советской литературы к 1930-м гг. возрастает. Художественное творчество в СССР превращается в дело государственной важности. С середины 1920-х гг. в советском общественном сознании и общественной риторике формируется иерархизированная система, пирамида «новых людей», героев эпохи. Как пишет И. Голомшток, на самом верху этой пирамиды находится вождь, чуть ниже – его соратники по партии, «рыцари новой морали», в самом низу – простые люди¹.

Наряду с ленинианой в советском искусстве идёт процесс создания форм и языка для изображения жизни героев второго ранга («Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Цемент» Ф. Гладкова, «Разгром» А. Фадеева). В 1930-е гг. А. Фадеев, чутко уловивший «социальный заказ» эпохи, выдвигает перед писателями требование «показать живого человека», настоящего героя, да так, чтобы читатель верил, «что такие люди действительно существуют»². Знаковыми становятся произведения, где воспеваются настоящие герои страны и эпохи, коммунистические подвижники («Как закалялась сталь» Н. Островского, «Педагогическая поэма» А. Макаренко).

В 1940-е гг. намечается деаскетизация образа «положительного» героя: героям становятся не чужды простые радости жизни. Как верно подметила Ю. Подлубнова, «если в 1920–1940-е гг. шла активная сакрализация современных исторических событий и героев современности, то после 1940-х ракурс сакрального переместился в прошлое: советская культура постепенно перестала воспринимать современность как нечто священное и производить героев соответствующего уровня»³.

Небольшая повесть Ф. Хусни «Перстень» родилась в самый разгар Великой Отечественной войны, в 1942 г. Читатели тепло встретили

¹ Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. М. : Галарт, 1994. – С. 193–194.

² Фадеев А. Столбовая дорога пролетарской литературы // Фадеев А. Собр. соч. : в 7 т. – М. : Худож. лит-ра, 1971. – Т. 5. – С. 7–43.

³ Подлубнова Ю. Коммунистическая агиография в советской литературе 1920–1940-х гг. // Материалы международной конференции «Коды русской классики. Проблемы обнаружения, считывания и актуализации» (Самара, декабрь 2005 г.) // URL: <http://www.netslova.ru/podlubnova/comm.html> (дата обращения: 12.03.2014).

произведение. Образ главного героя, столь непохожего на плакатных героев соцреализма, привлёк всеобщее внимание. Однако в татарской литературной критике повесть вызвала целую бурю. Литературовед Г. Халит обвинил автора в том, что он механистически перенёс героя из эпохи начала XX в. в годы Великой Отечественной войны, раскритиковал за то, что в повести отсутствует материал, свидетельствующий об эволюции стихийного бунтаря в героя Великой Отечественной войны¹.

Г. Кашшаф в статье «Чырайлы житдилек һәм реаль хисләр өчен» («За основательность в образах и реальные чувства») так отозвался о характере главного героя: «Бу катлаулы образ кызыклы вакыйгалар аша безнең каршыга җанлы булып баса. Без аның малай вакытыннан алып, егет булып өлгереп җиткән көненә чаклы үсү процессын күреп торабыз. Һәм һәрбер хәрәкәтendә Айдарның үзенә хас уйлары, хисләре, омтылышлары реаль буяуларда биреләләр. Ул җанлы, тере, шук, куркусыз, максатына ирешә алырлык ихтыяри көчкә ия булып үсеп килә. Шунның белән бергә аның крестьяннарга хас практик акылы, расчёты яши. Ул – хезмәт кешесе, тупас тормышның каты идәнендә аунаган, мәрхәмәтсез тузанында каралган, тик үзендәге горурлыкны югалтмаган егет. Бәлки, шунның өчендер ул кирегә сыпыруны күтәрә алмый, хәзер кабынып китә. Уңайга сыпырсаң да, аңа ошамый. Кайдадыр шунда, аның якынында гына, мәрхәмәтсез көч яши, шул көч аның ихтыяры белән идарә итә төсле... аның усал көче белән янәшә һәрвакыт яхшылыкка өндәүче «фәрештәсе» дә яши. Әнә шул «фәрештә» аны реаль аңыннан аерып, романтика болытында очыра, нәфислек каршында эретә, сөйдерә һәм сөелдерә»². (Подстр. пер.: «Этот сложный образ оживает на наших глазах благодаря череде увлекательных событий. Мы наблюдаем становление героя, начиная с мальчишеской поры до юношеской зрелости. Реалистически достоверно переданы свойственные каждому этапу взросления, мысли, переживания, надежды Айдара. По мере взросления он, бойкий, активный, хулиганистый, бесстрашный, обретает уверенность в своих силах. Наряду с этим для него характерны свойственные крестьянам практичность, расчётливость. Он – человек труда, не утративший гордости и самоуважения, хотя тяжёлая жизнь немало поваляла его на жёстком полу, не жалея, вывалила в пыли. Может, поэтому он не выносит, когда его гладят против шерсти, тут же вспыхивает. Ему не нравится и тогда, когда гладят по шёрстке. Кажется, где-то рядом с ним живёт безжалостная сила, которая властвует над его думами... рядом со злой силой живёт и «ангел», направляющий на доброе. Этот «ангел», оторвав его от реальной жизни, поднимает в романтическую высь, заставляет его умиляться изящному, помогает

¹ Халит Г. Татар әдәбиятында реализм мәсьәләләре. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1948. – 91 б.

² Кашшаф Г. Чырайлы житдилек һәм реаль хисләр өчен // Совет әдәбияты. – 1945. – № 8. – 68–77 б.

любить и быть любимым»).

Новая редакция повести появилась в 1960 г. Автор перенёс подвиг Айдара из эпохи Великой Отечественной войны в события Первой мировой войны. Лейтмотив произведения остался неизменным – любовь к человеку, утверждение его величия и достоинства¹. При доработке название повести осталось прежним. Как известно, перстень – один из многих символов Самости. Смеем предположить, что именно этот семантический потенциал эксплуатирует Ф. Хусни в названии своего произведения. Округлая форма перстня создаёт образ Самости, «символизируя либо взаимосвязь (соединения), либо узы (оковы)»². В словаре символов указывается, что перстень, как замкнутое кольцо, символизирует вечность, непрерывность.

Украденный перстень, на котором арабской вязью было написано «Василя», стал причиной трагической разлуки влюблённых, причиной их семейной трагедии. Однако Ф. Хусни считает, что истинные причины жизненных неурядиц героя кроются не в подлых поступках окружающих, а в чертах характера Айдара Курбанова. Главный герой в повести показан как пленник своих страстей.

Тон повествованию задаёт эпиграф: «Если бы сама Диана вздумала купаться у нас на мельничной запруде, мы бы и её сумели похитить»³. Удадь и хвастовство, молодость и задор органично переплелись в этом признании главного героя. Образ богини не случайно встречается в ткани повествования. В греческой и римской мифологии Диана – это олицетворение силы, смелости, отваги в сочетании с женственностью и мягкостью. Эллина прославляли её как охотницу, амазонку с распущенными волосами, хозяйку леса, богиню растительного и животного плодородия. С течением времени образ Дианы фактически влил в себя ещё двух знаменитых богинь: Гекату, богиню ночи, и Артемиду, охотницу. Именно потому эта богиня получила эпитет «тривия», и изображение её часто помещалось на перекрёстках дорог, толковавшихся так же, как знак тройной власти богини Дианы: на земле, под землёй и на небе.

Дух античности, присутствующий в эпиграфе, заставляет читателей задуматься о героическом потенциале человеческой личности и роли любви в нашей жизни. В то же время имя греческой и римской богини становится точкой отсчёта для развития в повести темы «сердца пламенного и нежного». Образ Дианы у мельничной запруды является проекцией романтической души главного героя, его грёз о любимой.

Букет ландышей на могиле героя становится заключительным ак-

¹ Сверигин Р. Мастер прозы // Вопросы татарского языка и литературы. Кн. 4. – Казань : ИЯЛИ АН СССР, 1969. – С. 72–76.

² Мария-Луиза фон Франц. Толкование волшебных сказок. – Б. С. К., 2004. – 364 с.

³ Хусни Ф. Перстень // Хусни Ф. Голубая песня. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1984. – С. 5. (Далее ссылки будут даны в скобках по данному источнику. – М. Х.)

кордом произведения Ф. Хусни. Как известно, ландыш – символ чистоты, любви и грусти. Древние римляне считали, что ландыш – это капельки душистого пота богини охоты Дианы, падавшие на траву, когда она убегала от влюблённого в неё Фавна.

В Англии бытует поверье о том, что ландыши растут в лесу на тех местах, где сказочный богатырь Леонард победил страшного дракона¹. Древнерусская легенда утверждает, что ландыши выросли из слёз водяной царицы Волховы, полюбившей отважного Садко. Таким образом, в прологе, благодаря цветовой символике, тема героизма переплетается с темой любви.

Ф. Хусни в повести удачно использует приём ретроспекции. В прологе нарисована сцена торжественных похорон Айдара Курбанова, героя Великой Отечественной войны. Художник слова развивает здесь романтический мотив смерти друга и трагической любви. Мотив смерти выстраивается в традиции, берущей начало из античности, особенно востребованной в период подъёма патриотических чувств в годы Великой Отечественной войны. Эта традиция центрируется вокруг сюжета воспоминания о погибшем друге, общие очертания которого таковы: в роли друга детства выступает военврач по имени Василя. У могилы Айдара Курбанова она погружается в воспоминания и философские размышления о смысле жизни и испытывает гражданское прозрение.

Мотив несвоевременной ранней смерти является частью романтического сюжета юноша и смерть. Ф. Хусни соединяет его с сюжетом о Великой Отечественной войне. Писатель воспеваает солдат-патриотов, готовых обречь себя на гибель во имя Отечества, защиты её священных рубежей. Именно здесь в тему смерти вплетаются элегические мотивы быстротечности жизни, отцветшей молодости, беззаветной любви.

В роли повествователя в повести выступает творческая личность военного корреспондента, интеллектуала, чья яркая индивидуальность связана с писательской деятельностью. Образ повествователя-корреспондента – инвариант образа героя-писателя, который отражает общечеловеческие проблемы. Этот персонаж становится выразителем эстетических взглядов самого Ф. Хусни.

Невольно в памяти возникают поэтические строки великого Фирдоуси:

Всё в мире покроется пылью забвения,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тления:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца.

Как известно, модус героического в советской литературе во многом сформировался под влиянием горьковской концепции: «В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для

¹ Легенды о ландышах // URL: <http://yablor.ru/blogs/legendi-o-landishah/1521903> (дата обращения: 08.03.2014).

себя, – не просто лентяи или трусы, или не понимают жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотел бы оставить после себя свою тень в ней»¹. Это ставшее крылатым утверждение принадлежит старухе Изергиль из одноимённого рассказа. «Буревестник революции» искренне верил в то, что героем может стать простой человек, пройдя определённые испытания и совершив выдающийся поступок. М. Горький называет героя «Человеком с большой буквы». Символом горьковского героя является жертвенность во имя общей идеи.

В повести «Перстень» всё внимание Ф. Хусни приковано к фигуре активного героя, способного преодолевать препятствия и побеждать врагов, уверенного в себе, убеждённого в торжестве добра и справедливости. Героический потенциал личности главного героя подчёркнут на номинативном уровне. Имя подобрано автором не случайно: 1. Лунный, с чертами месяца. 2. Вихор, чуб; с месяцем во лбу (Л. Будагов). 3. Авторитетный, достойный, видный юноша; из числа достойных мужей. По мнению Алима Гафурова, имя Айдар является фонетическим вариантом арабского имени Хайдар². Фамилия героя произошла из имени Курбан, которое в переводе с арабского языка означает «жертва»³.

Повесть произвела впечатление талантливой, так как Ф. Хусни удалось раскрыть всю сложность и противоречивость характера главного героя. Айдар взрослеет на глазах у читателей: деревенский мальчишка в одночасье превращается в джигита, героя Сабантуя и войны. Он также очень похож на героев авантурных и беллетристических повестей 1920–1930-х гг.: бунтарь по натуре, который «не умел подчинять свои чувства рассудку» (с. 6). Действительно, главный герой повести «Перстень» таков, каким заставляют его быть обстоятельства... Как верно подметил К. Миннибаев, «Айдар далёк от мудрых или хотя бы обдуманных решений: стремителен, как порыв ветра, горяч, как необузданный конь. Во время скачек на сабантуе дружок обидел коня – так он в порыве гнева хватил дружка плёткой по лицу; когда невесту решили выдать за другого, – он умыкнул её, вырвал из-под носа жениха; когда же у приятеля увидел перстень, где арабской вязью было выведено одно лишь слово «Василя», имя возлюбленной, которую только что умыкнул, – он не стал уточнять и ломать голову, разбушевавшись, взял да и уехал на Донбасс. Айдар честен донельзя. Он даже не допускает мысли о каком-либо подвохе; к человеческой подлости так и не привык он до конца дней своих, не простил он предательства перед Родиной даже так называемому дружку – метнул гранату, приготовленную для врага. И вот эта лихость и прямота, откровенность и отзывчивость не-

¹ Горький А. М. Рассказы. Мать. В. И. Ленин – М. : Правда, 1988. – С. 14.

² Саттаров-Мулилле Г. Татар исемнәре ни сәйли? – Казан : «Раннур» нәшр., 1998. – С. 40.

³ Баранов Х. К. Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов. / под ред. В. А. Костина. – М. : Русский язык, 2001. – 630 с.

удачника Айдара привлекли к нему всеобщее внимание, сделали его любимцем читателей»¹.

Ф. Хусни этнографически достоверно рисует быт татарской деревни эпохи Первой мировой войны, жизнь городских рабочих слободок. Эти воспоминания были дороги читателям, так как являлись частью их жизни. Ряд событий выхвачен взором ребёнка и затем оценён с высоты прожитых лет. «Записки солдата» в повести призваны расшифровать «дело героя». Развивая сюжет, Ф. Хусни исходит из того, что каждый человек неповторим в своей индивидуальности, каждый должен оставить свой след в жизни, памяти о своих делах, мыслях, жизненных устремлениях. Так мотив смерти преодолевается в произведении мотивом памяти.

Василя-ханум просит корреспондента в случае публикации записей из тетради «не окрашивать их в розовый цвет, сохранить всё, как есть», оставить героя «человеком» (с. 6). словно предчувствуя негодование критики, писатель вкладывает в уста повествователя такую оценку герою: «Во многом они (записи. – М. Х.) показались интересными, необычными, как необычайна судьба их автора, простого деревенского парня. Он был бунтарём по натуре и не умел подчинять свои чувства рассудку. За это жестоко поплатился.

Не знаю, как отнесётся к Айдару читатель. Много в его характере не по душе и мне самому. Но что поделаешь: жизнь есть жизнь» (с. 6). Здесь ярче всего выражено авторское отношение к главному герою. Страсти, кипящие в его горячем сердце и гордой голове, носят подчас не столько созидательный, сколько разрушительный характер.

Повествователь так выражает своё отношение к прочитанному: Айдар превращается в «бунтаря по натуре», не умевшего «подчинять свои чувства рассудку». Необузданный нрав героя становится первопричиной многих его необдуманных поступков.

Воспоминания Айдара о юности выдержаны в сказовой манере. Порой некоторые эпизоды решены в юмористическом ключе. Ф. Хусни, используя возможности комического как неиссякаемого источника народного духа, создаёт в повести особый смеховой мир. Так, воспоминания героя открываются историей Шаяхмета-Козла, по форме ско-

¹ Миннибаев К. Вступительное слово // Ф. Хусни. Голубая песня. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1984. – С. 3.

рее напоминающей рассказ-анекдот. Чтобы глубже раскрыть характер главного героя, объяснить мотивы его поступков, автор поведал читателям историю обретения Шаяхметом обидного прозвища. Айдар унаследовал характер от отца, который прославился на всю деревню своим упрямством: «от слова своего отец никогда не отступал». Пьяное хвастовство и удаль, вылившиеся в «обжорство», принесли герою нежелательную славу.

Писатель прибегает к приёму «говорящего имени». Имя Шахиахмет двухосновное и состоит из двух самостоятельных компонентов: Шахи-и Ахмет. Антрополоксема «Шахи» в переводе означает «подобный шаху, повелитель», а также «самый лучший, самый главный, великий». Компонент «Ахмет», являющийся также самостоятельным мусульманским именем, в переводе с тюркского языка означает «прославленный, достохвальный». Такой эпитет принадлежал самому Пророку Мухаммаду. Таким образом, имя Шаяхмет можно истолковать как «великий, прославленный человек», «повелитель»¹.

Айдар родом из деревни с символическим названием Янбулатово. Как и многие восточные имена, «Янбулат» состоит из двух частей. Первая из них восходит к персидскому «джан» – «душа, дух», «близкий, дорогой, как душа». Вторая часть ведёт своё начало от имени Булат. В арабском языке слово булат означает «отличная сталь». Таким образом и название родины Айдара и Шаяхмета вовлекается в ореол героического мифа о герое.

Если внимательно приглядеться к любовному сюжету, то легко обнаружить, что он выстраивается автором по законам волшебной сказки. Сюжет построен на эпическом мотиве женитьбы. Для сказки, в отличие от мифа, характерно, что оппозиция свой / чужой дополняется оппозицией низкий / высокий, имеющей социальный смысл. Айдар из семьи бедняков. По воле судьбы он влюбляется в дочь богатого купца. Действие начинается с вынужденной отлучки героя с целью ликвидации недостачи: он едет на шахту на заработки, чтобы добыть денег на «пару хромовых сапог, тужурку, сатиновую рубашку и бархатную тюбетейку». На шахте происходит добывание волшебных предметов, которые становятся ступенькой, ведущей к женитьбе. Здесь он сталкивается с вредителями – техником, картёжником-шулером. Чуждость этого мира для героя подчеркнута на номинативном уровне: герой вынужден жить в Собачьей слободке. Важное место занимает борьба героя за невесту с соперниками – ложными героями, а именно – с мамалаевской молодёжью. Герой становится жертвой обмана со стороны соперника – Гусмана (история с перстнем). Трагическая развязка расценивается как наказание за неузнавание невесты. Сюжет оклеветанной супруги

¹ Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. – Казань : Изд-во «Казань», 1992. – 192 с.

один из самых древних в фольклоре¹.

Воспоминания героя о встрече с Василёй, о зарождении любовного чувства полны ностальгии и грусти по прошлому. Ф. Хусни удалось психологически достоверно передать внутренние переживания подростка. Айдар одержим страстью к лошадям, т. к. у них в подворье нет лошади. Вот почему его взор устремлён не на «нарядные по объёму ящики с крупными-крупными яблоками», лежащие на телеге, а на лошадь приехавшего в Янбулатово купца. От его внимательного, хозяйского взора не ускользнула ни одна деталь ременной сбруи: «Конь у него добрый, пегий, с сизым отливом. Грива волнистая, как ковыль. Ладная ременная сбруя с множеством медных бляшек. Под стать коню и телега: на железном ходу, выкрашена в чёрное» (с. 7). Юноша невольно залюбовался и хозяином: «С виду он франт хоть куда: в каракулевой шапке набекрень, в казакине из добротной шерсти, цепочка от часов свешивается из кармана» (с. 7).

Вскоре, позабыв обо всём, Айдар залюбовался девчонкой «в соломенной шляпе, чудом примостившейся между ящиками». Дочка купца оказалась «девочкой с тонкой талией, белыми округлыми локотками и чёрными-чёрными глазами». «Щёчки что анис, лоб белый-белый, а глаза большие-пребольшие». Айдар успел «разглядеть на её щечке даже крохотную родинку». Любовь нахлынула на него как озарение, яркая вспышка: «Признаться, со мной творилось что-то непонятное. Я перестал слышать запах яблок, забыл, что я всего-навсего сын Шаяхмета-Козла...» (с. 7). У мальчика закружилась голова, когда в руках оказалось румяное яблоко – подарок Васили. Это признание – свидетельство эмоциональности натуры и эстетической одарённости.

Сцена на Сабантуе полна внутреннего динамизма и экспрессии. На скачках раскрывается масштаб натуры Айдара: удаль и мудрость, доброта и честность. Юноша сразу же по достоинству оценил «резвого скакуна», обратил внимание на «ноги тонкие», «ноздри», пышущие жаром. С какой любовью вспоминает Айдар Курбанов об этом резвом коне даже спустя годы! Свидетельством романтической натуры становится его признание перед скачками: «Гусман у кого-то раздобыл коня и красуется, сидя на нём, выхваляется, поглядывает на всех свысока. Сам я не люблю мозолить людям глаза. Если первым домчаться до цели, куда ни шло. А если притащиться последним, то лучше упасть где-нибудь в дорожной колее и затаиться. Блеснуть, как говорят, весенней молнией, потом можно и сгинуть» (с. 10). «Играючи обогнав соперников», Айдар жалеет проигравшую скачки кобылку со звёздочкой, которая ещё недавно «с грациозностью пиявки» «скользила по воздуху». Всё это свидетельствует о благородстве натуры героя. Многие из описанного в рассказе дано сквозь призму его восприятия, оценено его пытливым

¹ Фрейденберг О. М. Три сюжета, или семантика одного // Язык и литература. – Вып. V. – Л. : Гослитиздат, 1930. – С. 33–60.

взором.

Образ Исмагила-абзя описан в повести с большим уважением. Это хозяин «дома под железной крышей», с «добротными тесовыми воротами», «крашеными полами», на которые Айдар боялся вначале даже лишний шаг ступить. Заботливый хозяин резвого скакуна, победившего на скачках, в глазах мальчика превращается в «душа-человека». Айдара и Исмагила-абзя роднит страсть к лошадям. Перед скачками хозяин лошади рекомендует «не загонять животину понапрасну», повернуть на развилке, если станет понятно, что скакун не придёт первым.

В ином ключе даётся портретная характеристика Васили. В ней прослеживается зооморфный код. Вначале Айдар, любясь тонкой талией и чёрными-чёрными глазами, сравнивает грациозную девочку с осой, затем – со стрекозой: «Вечером вышла во двор, раздевшись во всё новое. Гляди – не наглядишься: платье белое с мелким-мелким узором – лён в цвету, передник обшит кружевом, а на плечиках крылышки, как у стрекозы» (с. 14). Встреча влюблённых по законам романтического жанра произошла в саду – у куста смородины.

Во имя любви к Василе Айдар отправился работать на шахту. Стиснув зубы, терпел все тяготы, трудился не покладая рук. Сельский парнишка «извёлся из жалости» к лошадям, которые тянули вагонетки под землёй, лишённые возможности «резвиться на зелёном лужку и похрупывать травку» (с. 16). Душа его рвалась домой, «как птица из клетки». Воспитанный в патриархальной традиции подросток сторонился пьяных рабочих, мечтая «накопить побольше денег, одеться-обуться», «вернуться и заняться хозяйством». Он недоедал, экономил на всём, однако натура вновь дала о себе знать. Самонадеянность и неопытность привели к горестным последствиям. «Знаменитый шулер» обобрал Айдара, как и других жителей Собачьей слободки, до нитки. Честность и обострённая жажда справедливости, смелость подтолкнули его на драку с техником. Айдар сдержал слово и «в деревню вернулся в хромоных сапожках», которые стянул с техника в счёт несправедливо присвоенных денег из его зарплаты.

Ради любимой он подрался с сыном лавочника, а Василя, добыв ключ, спасла его из-под ареста. Айдар был вынужден бежать на Урал. Два года он не давал о себе знать, а когда приехал, то узнал о том, что Василию выдают замуж за сына лавочника. Этнографически достоверно описывает писатель обряд умыкания невесты.

Чтобы глубже показать характер главного героя, выявить лучшие черты его натуры, автор прибегает к антитезе Айдар – Гусман. Если главному герою повести свойственны чистота помыслов, простодушие, честность, верность слову, вспыльчивость, то его другу детства – ревность, подлость, ложь, лицемерие, трусость¹. Гусман с детства ревниво

¹ Сверигин Р. Мәхәббәт һәм нәфрәт // Сверигин Р. Фатих Хәсни. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1968. – 27–45 б.; Сверигин Р. Яңа герой һәм яңа алымнар. –

следил за каждым шагом своего друга, вставляя при случае палки в колёса (ср. комментарии у телеги с яблоками, случай на скачках, воровство кольца Васили, трусость во время разведки в тылу врага). Однако эта детская ревность в дальнейшем привела к нешуточным последствиям. Как верно подметила Д. Ф. Загидуллина, каждое событие в пьесе сопровождается авторским комментарием. Противопоставляя героев, Ф. Хусни стремится ярче раскрыть черты их характера и доминирующее начало. Каждый эпизод добавляет новую черту в психологическую характеристику образов. В этом проявилось мастерство прозаика¹.

В кипучей натуре Айдара Курбанова, не знающей усталости и уныния, отражены прекрасные нравственные черты татарского народа. Новаторство Ф. Хусни проявилось в том, что его интересует процесс рождения и формирования характера. Изображение тончайших колебаний человеческой души, правдивое описание всей гаммы чувств потребовали от художника большого мастерства. Как верно подметил Р. Сверигин, повесть «Перстень» отражает своеобразие художественного мышления писателя.

Арсенал идейно-художественных средств Ф. Хусни чрезвычайно богат. Мысли и переживания героев отражаются во внутренних монологах, их самоанализ, самооценка даются в тесной связи с чертами характера. Стилиевые особенности творчества особенно наглядно выступают в этой повести в психологическом мастерстве прозаика. Избегая резких контрастных красок, писатель добивается многогранности образов, их психологической глубины². «Киеренке динамик сюжет тезү осталыгы, халык теленнән, сурәтләү чараларының байлыгыннан файдалану, романтик, лирик һәм юмористик бизәкләү муллыгы, авыл кешеләренең хисләрен, табигатьләрен дәрәс итеп тасвирлау – болар барысы да «Йөзек кашы» повесте авторының әлеге ачылмаган зур иҗат мөмкинлекләре барлыгын күрсәтә»³. (Подстр. пер.: «Мастерство в построении ретроспективного сюжета, мастерское использование потенциала народного языка и образности, богатство романтических, лирических и юмористических украшений, правдивость в передаче переживаний и натуры сельских жителей – всё это свидетельство таланта создателя «Перстня», его неразгаданного творческого потенциала».)

Вопросы и задания

1. На какие сюжетные части распадается повесть? Озаглавьте их.

Казан : Татар. кит. нәшр., 1985. – 69 б.

¹ Загидуллина Д. Ф. Урта мәктәптә татар әдәбиятын укыту методикасы: метод. кулланма. – Казан : Мәгариф, 2000. – 132 б.

² Сверигин Р. Мастер прозы // Вопросы татарского языка и литературы. – Кн. 4. – Казань : ИЯЛИ АН СССР, 1969. – С. 72–76.

³ Сверигин Р. Яңа герой һәм яңа алымнар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1985. – 68 б.

2. Какие особенности жанра свойственны «Перстню» Ф. Хусни?
3. Какую роль в произведении играют эпиграф, пролог?
4. Выявите сходство и различие в концепции героического у М. Горького и Ф. Хусни (на примере повестей «Старуха Изергиль» и «Перстень»).
5. Какую роль играет любовный конфликт в произведении?
6. В чём состоит основное противоречие в характере главного героя?
7. На фоне каких исторических событий развивается действие в произведении?
8. Какие черты татарского народного характера воплотились в образе главного героя повести?
9. Сравните образ Айдара Курбанова с героями «босаяцких» рассказов М. Горького.
10. С какой целью автор в системе образов прибегает к антитезе?
11. Какую роль играют в повести второстепенные персонажи?
12. Проанализируйте точки зрения литературоведов на это произведение. Менялись ли они со временем?

«1950–1960-е гг. в советской истории и культуре занимают особое место. Вместе с развенчанием культа личности заказ на «сказку, ставшую былью» на некоторое время отошёл на второй план. Вырвавшись из плена революционных образов и грохота сюжетов о строительстве нового мира, но оставшись в границах эстетики социалистического реализма, писатели и поэты, художники и режиссёры обратились к обычному человеку, его внутреннему миру, повседневной жизни общества. Одним из проявлений этого гуманистического поворота стало появление в литературе «деревенской прозы» – самобытного историко-культурного феномена, ставшего своеобразным памятником российскому крестьянству. Отдельные литературные произведения, посвящённые колхозной жизни, появляются уже в начале 1950-х (очерки В. Овечкина, А. Яшина, Е. Дороша), к середине 1960-х деревенская проза оформляется в особое художественное направление со своей эстетикой, философией, системой образов и героев»¹.

По общему признанию исследователей, «деревенская проза» как понятие не имеет единого определения и рассматривается скорее как набор некоторых черт, объединявших творчество писателей-деревенщиков². К ним относятся следующие критерии:

- тематический (посвящение уходящему крестьянскому миру);
- образный (главные герои – простые обычные деревенские мужики и бабы, послужившие основой для формирования национальных/народных образов);
- нравственно-этический (обращение к нравственной проблематике и поиску истоков и сущности народной нравственности, характера);
- эстетический (воспевание деревни как особого мира, противостоящего городу)³.

Чаще всего понятие «деревенской прозы» персонифицируется и включает определённую творческую общность писателей, среди кото-

¹ Мазур Л. Н. «Деревенское кино» 1950–1980-х гг. как историко-культурный феномен советской эпохи // Культурологический журнал. – 2014. – № 1. // URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy-zhurnal/ku1-2014/23030-derevenskoe-kino-19501980-h-gg-kak-istoriko-kulturnyy-fenomen-sovetskoy-epohi.html> (дата обращения 16.05.2014).

² Деревенская проза 60–90-х годов. URL: <http://www.bukinistu.ru/russkaya-literatura-hh-veka/derevenskaya-proza-60-90-godov.html> (дата обращения 16.05.2014).

³ Мазур Л. Н. «Деревенское кино» 1950–1980-х гг. как историко-культурный феномен советской эпохи // Культурологический журнал. – 2014. – № 1 // URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy-zhurnal/ku1-2014/23030-derevenskoe-kino-19501980-h-gg-kak-istoriko-kulturnyy-fenomen-sovetskoy-epohi.html> (дата обращения 16.05.2014).

рых звучат имена Б. Можаяева, В. Шукшина, В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева, В. Лихоносова, Е. Носова, М. Алексеева, Ф. Абрамова и др. В татарской литературе «деревенщиками» называют Р. Тухватуллина, А. Гилязова, Н. Фаттаха, А. Баянова, М. Магдиева, В. Нуруллина. Несмотря на существенные отличия в творческой манере, образном ряде, поэтике, их произведения объединяет взгляд на деревенскую жизнь изнутри, с позиций крестьянства. Возможно потому, что практически все они были выходцами из деревни и несли в себе осознание причастности к её судьбе.

Одним из первых в татарском литературоведении стал изучать «деревенскую прозу» как новое явление в национальной литературе Ф. Мусин¹. Эта тема нашла освещение в трудах Р. Мустафина², Ф. Миннуллина³, Т. Галиуллина⁴, Р. Сверигина⁵, Ф. Хатипова⁶, Ф. Галимуллина⁷, Р. Мухаммадиева⁸, М. Валиева⁹, М. Сахапова¹⁰, Д. Загидуллиной¹¹, Н. Юсуповой¹², Г. Гайнуллиной¹³, З. Нотфуллиной¹⁴, М.

¹ Мусин Ф. Тормыш сынавы аша. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1969. – 240 б.; Мусин Ф. Тарих һәм заман: соңгы еллар прозасы турында. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 190 б.; Мусин Ф. Чор белән аваздаш: әдәбият фәне һәм тәнкыйть мәкаләләре. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1983. – 240 б. и др.

² Мостафин Р. Жаваплылык тойгысы : әдәби тәнкыйть мәкаләләре. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1979. – 200 б. һ. б.

³ Миңнуллин Ф. Якты юллар : әдәби тәнкыйть мәкаләләре. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1975. – 151 б.

⁴ Галиуллин Т. Олы юллар искерми // Соц. Татарстан. – 1989. – 24 сент.

⁵ Сверигин Р. Заман һәм тормыш таләбе // Казан утлары. – 1972. – № 11. – 177–182 б.

⁶ Хатипов Ф. Көрәшче геройны яклап // Казан утлары. – 1974. – № 2. – 168–172 б.

⁷ Галимуллин Ф. Инешләр Иделгә кушыла. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1985. – 136 б.

⁸ Мөхәммәдиев Р. Якутлар табыладыр вакыт белән : әдәби тәнкыйть мәкаләләре / Р. Мөхәммәдиев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1983. – 216 б.

⁹ Вәлиев М. Учагың сүрелмәсен : әдәби әңгәмәләр. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. – 191 б.

¹⁰ Сахапов М. Проза А. Гилязова (вопросы мировоззрения и творческого метода писателя): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань : ИЯЛИ АН РТ, 1995. – 28 с.

¹¹ Загидуллина Д. Әдәби әсәр: өйрәнәбез һәм анализ ясыйбыз. – Казан : Мәгариф, 2007. – 40–51 б.

¹² Загидуллина Д. Ф., Йосыпова Н. М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы : югары уку йортлары өчен дәреслек. – Казан : Казан университеты нәшр., 2011. – Т. 1 : XX гасырның беренче яртысында татар әдәбияты. – 230 б.

¹³ Гайнуллина Г. Р. Дискурсивный анализ рассказа А. Еники «Туган туфрак» («Родная земля») // Филология и культура. Philology and Culture – № 3 (33). – С. 177–180.

¹⁴ Нотфуллина З. Т. Роль «деревенской прозы» в обновленческом движении в татарской литературе 60–90-х годов XX века : автореф. дисс. ... канд. филол.

Хабутдиновой¹ и др.

«Деревенская литература» создаёт целую галерею портретов жителей деревни. Главным героем выступает не «исторический герой», а простой человек, который вызывает любовь и уважение. Особое место в этой галерее отводится двум центральным фигурам деревенской жизни – образу руководителя/председателя и образу сельской женщины/крестьянки.

В структуре произведения ощутимы горьковские традиции («Старуха Изергиль») : Ф. Хусни прибегает к приёму «рассказ в рассказе». Рассказ Гильменисы Рахмановой дан в обрамлении описания очеркистом жизни современного села.

В повести Ф. Хусни «Гильмениса» (1968) воспевается простая деревенская женщина, жизни которой автор придаёт широкое национальное звучание². Автор, «по его собственному признанию, познакомился с прообразом героини около четверти века назад, но блокноту с его записями суждено было долго пылиться на дальней полке»³.

В передаче нравственных традиций видит главное достоинство этого произведения литературовед Р. Мустафин: «Литература призвана подмечать эти традиции, воплощать их в убедительных и ярких образах и передавать будущим поколениям как величайшую ценность»⁴.

Главное достоинство образа Гильменисы, по мнению А. Гилязова, в том, что автору удалось создать типичный образ ровесника века великих социальных потрясений и в то же время воплотить в ней лучшие черты татарского национального характера: «Гүзәл хатын ул Гыйльмениса! Шушы кечкенә кеше – гади авыл хатыны язмышында бөтен бер чорның тирән социаль үзгәрешләре тулы чагылыш табалар.

Татар хатыннарына гына хас тыйнаклык та, кирәк чагында ургылып чыга ала торган тәвәккәлләк тә, түземлелек, протест та бар анда. Гаиләгә, бала-чагага мөнәсәбәт мәсьәләләре безнең көннәрдә алгы планга килеп басканда бу тема социологик өйрәнүләргә мохтаж чакта, авторның шушы образны иҗат итүе бик кирәкле һәм вакытлы булды. Байтак гыйбрәтле хәлләрне бәян кылып, автор укучы күңеленә үтеп керә, аны тәрбияли, уйландыра. Фатих Хәсни, оста тылсымчы кебек, моны сиздермичә эшли, хикмәтен белә, үзе әйтмешли, “авызында кош сайрата”»⁵. (Подстр. пер.: «Красивая она женщина, Гильмениса! В судь-

наук. – Казань : ИЯЛИ, 2006. – 26 с.

¹ Хабутдинова М. М. Трансформация идеологических конструктов в повести Аяза Гилязова «Три аршина земли» (1962) // Вестник ТГГПУ, 2011. – № 2 (24). – С. 242–245.

² Нотфуллина З. Т. Указ. соч.

³ Мустафин Р. Обращение к истокам // Образ времени. Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 140–146.

⁴ Там же. – С. 145.

⁵ Гыйләжев А. Бүген дә кичәге сүз // Соц. Татарстан. – 1970. – № 62. – 15 март. – 3 б.

бе этого маленького человека – сельской женщины – отразились глубоко и во всей полноте все социальные изменения эпохи.

В ней есть скромность, свойственная татарской женщине, когда требуется, бьёт ключом решительность, терпеливость, протест. Этот образ, созданный писателем, очень актуален и пришёлся как нельзя кстати сегодня, когда тема семьи, воспитания детей, достойная социологических исследований, сегодня поставлена во главу угла. Давая оценку различным поучительным ситуациям, писатель незаметно проникает в сознание читателя, воспитывает его, заставляет задуматься. Фатих Хусни подобно искусному волшебнику, делает это незаметно, со знанием дела, или, если воспользоваться его выражением, “заливается соловьём”»).

Ф. Хусни очень тщательно выписывает не только психологический портрет своей героини, но и условия её жизни, труда и быта, будней и праздников, воспроизводя во всей полноте повседневность татарской деревни первой половины XX в. Бросается в глаза стремление писателя к эпизации материнского начала, к созданию определённого женского типажа. Героическое начало образа Гильменисы подчёркивается ситуацией преодоления. Именно этот персонаж вырисован наиболее полно и психологически тонко.

По мере развития сюжета писатель раскрывает биографию Гильменисы Рахмановой. Изначально героиня в традициях русской классики показана как натура неординарная, «выламывающаяся» из своей среды. Так дают знать о себе традиции М. Горького в татарской прозе XX в. Имя героини глубоко символично: «образованная, учёная женщина».

Гильмениса – единственная дочь Альмухаммет-бая, «главного богача в ауле». С первых страниц в повести получает развитие тема социального неравенства: «в те времена, когда богатство и бедность разделяли людей, точно глухая стена»¹. Лавочник, «считавший себя не более и не менее как «пупом земли», не особенно общался «даже с самыми привилегированными людьми аула», естественно не планировал «отдать свою единственную дочь Гильменису в руки первой постучавшей в его ворота свахи».

Ф. Хусни выстраивает образ заглавной героини в соответствии с народным идеалом красоты. Гильмениса, хотя и не была «писаной красавицей», «но внешность её располагала людей с первого же взгляда»: «И когда она, стройная, яркая, звеня монетами, вплетёнными в толстые косы, мелкими шажками проходила за водой к ручью, на неё засматривались не только юноши, но и давно женатые мужчины, которым не пристало в открытую любоваться молоденькими девицами». «Красота

¹ Хусни Ф. Гильмениса // Хусни Ф. Голубая песня. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1984. – С. 45–46. (Далее ссылки будут даны в скобках по данному источнику. – М. Х.)

стройного тела счастливо дополнялась неотразимой прелестью карих блестящих глаз». В соответствии с фольклорной традицией в портрете героини даёт о себе знать восточная: «ресницы, точно острые длинные стрелы, как любят выражаться поэты, «охраняли покой её глаз»». Ф. Хусни обращает внимание на отсутствие в поведении героини даже тени кокетства, высокомерия. Скромность, простодушие соединялись в её характере с «природной живостью и естественностью». «Девушка она была хоть и скромная, но знающая себе цену, и ни капельки не напоминала послушных и забитых подруг». «Она держалась с достоинством, которое иными завистниками принималось за высокомерие» (с. 44).

Ф. Хусни особо подчёркивает образованность Гильменисы: «Молва приписывала ей живой ум, покладистый характер и даже учёность. Говорили, что с ней занималась сама абыстай, жена муллы, и книги она читала – будто воду пила, да к тому же умела водить пером на бумаге достаточно бегло, во всяком случае для того, чтобы самолично настроить письмо какому-нибудь джигиту» (с. 44–45).

Избранник Гильменисы, согласно фольклорной традиции, изображается бедняком и батыром Сабантуя: «джигит по имени Хафиз» «слыл в ауле первым песенником, плясуном и, к тому же, непобедимым бытыром на всех Сабантуях», «никто не назвал бы его птицей высокого полёта, так как всё имущество его заключалось в домике под соломенной крышей, худой коровёнке и четырёх или пяти овечках» (с. 46).

Поведение героини строится в соответствии с образом действий героев прочитанных ею книг. Как и пушкинская Татьяна, Гильмениса пишет любовную записку Хафизу и назначает ему свидание. «Невинные записки на клочке бумаге», перешёптывания через окошко, «торопливые, опасные поцелуи» – все эти детали помогают автору передать атмосферу первой любви и первых свиданий.

Ф. Хусни подробно описывает переживания героини во время разлуки с любимым человеком. Альмухаммет-бай, узнав о любви молодых, «подкупил кого надо, и в ту же осень Хафиза забрали в рекруты». Сердце Гильменисы сжималось в тревоге за «ненаглядного красавца», который по воле судьбы оказался у чёрта на куличках, «за тридцать земель от родного аула» – на Чёрном море. «Недотрога, гордячка Гильмениса» оказалась при всей решительности нрава очень сентиментальной. Писатель указывает на «книжность» переживаний своей героини. Девушка по ночам терзалась кошмарами: она боялась, что Хафиз может «отправиться на дно моря, прямо в пасть большеротым рыбам-китам». «Что поделаешь, ни в одной из прочитанных Гильменисой книг не говорилось, как должна страдать девушка, разлучённая со своим любимым» (с. 48). Успокоение девушка находила в молитве, в которой просила Аллаха уберечь любимого от страшной напасти. Ф. Хусни психологически достоверно передаёт терзания героини.

Гильмениса с юности отличалась решительностью нрава. Когда она узнала, что родители собираются выдать её замуж за горбатого сына

чардаклинского муллы, не желая «плестись на поводу у спесивого отца» и «покорно выйти замуж за нелюбимого», Гильмениса выходит замуж за Барыя, «последнего бедняка в ауле». Односельчане с неодобрением отнеслись к поступку строптивой Гильменисы. Однако «недоумение соседей, проклятья родителей» лишь укрепляли её мужество.

Портрет Гильменисы-невесты в повести сменяется портретом Гильменисы-супруги, которая «своим трудолюбием и добротой вдохнула жизнь в запустелое жилище» Барыя, «дом принял семейный, обжитой вид». Ей свойственны приветливость и доброта. Гильмениса стойко несёт свой крест, не вспоминая о «прежней, богатой и сытой жизни». Она искренне радуется, что добилась прощения у матери: во время отъезда Альмухаммет-бая женщина через соседку передала дочери узел с приданым.

Характер героини раскрывается через её отношения с домочадцами, особенно с горбатой Камар, сестрой мужа (эпизод с новым платьем). Благодаря усилиям Гильменисы, в доме царит атмосфера доброты, понимания и любви.

Ф. Хусни подробно описывает быт татарского крестьянства до-революционной России: безземелье, отходничество, неурожаи и, как следствие, нужда и голод. Трудности не сломили, а закалили характер женщины. От отца она унаследовала хозяйскую хватку: «мужественно несла бремя забот по дому, кормила и обхаживала разросшееся семейство». Ей удалось уговорить мужа купить ей в подарок не новый бешмет, а нетель. «Вдохновлённый своей Гильменисой» «ленивый» Барый скоро превратился в рачительного хозяина. Через описание двора автор показывает, как меняется его отношение к жизни. До прихода Гильменисы у Барыя был двор, который двором-то, «по сути нельзя было назвать. Голое, без заборов, пустое пространство, крытое небом, и, словно в насмешку, с торчащими из земли покосившимися столбцами ворот...». Благодаря жене муж проявил неслыханное рвение: «навозил из лесу хворосту, смастерил просторный коровник и обнёс двор плетнём». Так подчёркивает писатель роль жены в жизни мужчины.

Мудрость Гильменисы проявилась в драматической ситуации, когда доведённый нищетой до отчаяния Барый готов был пойти на поклон к тестю. Жена не позволила ему сделать этот шаг. Чтобы справиться с нуждой, муж Гильменисы отправляется на донецкие шахты. Оставшиеся без мужчины в доме женщины перебиваются рукоделием и

подёнщиной. Лишь благодаря разлуке и после трагической гибели мужа Гильмениса поняла, «сколько в этом тихом и скромном человеке было неподдельной самоотверженности, сколько чистоты, беззаветной верности и даже подвижничества». Ради любимой, преодолев природную лень, смирение, он отправился на чужбину, «трудился в поте лица где-то в чёрном и страшном подземелье, почти в преисподней!». Гильмениса терзалась тем, что могилой для бедного Барыя стала шахта, что нельзя, «пройдя мимо кладбища, помолиться за его усопшую душу». Ф. Хусни добавляет ещё одну грань в портрет своей героини: верная жена. Теплотой согреты воспоминания Гильменисы о «нескладном, наивном» муже. Женщина мужественно несла тяготы вдовства. Благодаря её стараниям золовка превратилась в «настоящую подругу, помощницу, мастерицу, слава об уменье которой разнеслась по окрестным аулам».

Личность Барыя раскрывается и через эпизод с солдатом по имени Таджи, заглянувшим после госпиталя в их дом, чтобы за друга попросить прощения у сестры, которую Барый несправедливо обидел перед отъездом. Благодаря этому случаю, Камар вышла замуж и устроила свою судьбу.

Война тяжким бременем легла на плечи народа. Многие женщины овдовели. Это горе помогло Гильменисе восстановить отношения с односельчанами: она писала за всех письма. Содержание этих писем подсказывало, что в её душе ещё живо желание «любить и быть любимой»: столько в этих душевных письмах было нежности, печали и тоски. Гильмениса стала свидетелем того, что в ауле появились женщины, которые, забыв о супружеской верности, «с лёгкостью» «шагают по каменистым тропинкам жизни». Так подспудно автор готовит своих читателей к продолжению романтической истории любви Гильменисы и долговязового Хафиза.

Ещё при жизни Барыя женщина получила письмо от Хафиза, в котором он назвал её «изменницей» и сообщил, что Альмухаммет-бай виноват в том, что его письма не доходили до Гильменисы. После гибели Барыя она от соседей узнала, что Хафиз жив-здоров и лечится в казанском госпитале. Сердце женщины погрузилось в смятение, но суровые будни диктовали своё.

Ф. Хусни эскизно, не вдаваясь в подробности, рисует жизнь татарской деревни до и в период революции. Стремясь вписать свою героиню в галерею положительных образов советской литературы, писатель указывает на то, что Гильменисе нравилось слушать «крамольные речи» зятя Таджи, который работал приказчиком у богача Ширияздана; что она и сама «стала принаравливаться к более свободным нравам»; радовалась либерализму помещика Колокольникова. С детства приучавшая своих детей к труду, женщина, оставив старшую работать по хозяйству, младшую – пасти гусей, среднюю определив в прислуги к Муталлабаю, отправилась на заработки в русское село. Гильмениса нанялась в свинарки к помещику Колокольникову. В ауле в соответствии с па-

триархальными обычаями отнеслись к такому поступку с осуждением: «свинья для мусульман – животное нечистое, ухаживать за ним – грех». Хозяин по достоинству оценил трудолюбие новой работницы и часто подкидывал дополнительно «один-два рубля сверх положенного», отпуская по субботам пораньше.

Важное место в повести отводится встрече Гильменисы с Хафизом после длительной разлуки. В этом эпизоде раскрылась вновь широта натуры героини: сердце Гильменисы охватило крайнее волнение при виде любимого и сжалось от тоски «при виде полурусских, полутатарских сирот в забавных картузиках». Моряк Хафиз, нарушивший патриархальные обычаи, женившись на русской, не смог вписаться в родительскую семью и был вынужден налаживать жизнь в одиночку, втайне надеясь возобновить отношения с Гильменисой. Хотя у героини «сладко защемило в груди», она отказала Хафизу, мотивируя тем, что сначала должна вырастить дочерей в память о Барые, а лишь потом думать о собственном счастье.

Страну тем временем накрыла революционная волна, и Хафиз с головой ушёл в общественную работу. Заботы о его доме взвалила на свои плечи Гильмениса: «присматривала за детьми: стирала им, готовила, латала рубашонки», «мальчишки привыкли к ней». Революция для Гильменисы стала несказанным благом: она «вступила вдруг во владение сразу четырьмя неделями». Вначале она радовалась неземному счастью, затем стала горевать, не зная, как обработать в одиночку свой надел. Руку помощи неожиданно протянул отец, «то ли в старости поумневший, то ли до смерти испуганный революцией».

За работой мать и не заметила, как повзрослели дочери и стали одна за другой выходить замуж. Факиха нашла своё счастье с учителем, Фасиля – с приказчиком, который после революции стал «начальником по тем же торговым делам». Фания уехала учиться в город. Наконец, у женщины появилось время для себя. Ф. Хусни подробно описывает переживания героини в ожидании личного счастья. Презрев пересуды, пятидесятилетняя женщина, вырастившая трёх дочерей, начала жить заново, ощутив «в себе такую неутолённую жажду счастья». Вскоре подарила любимому одну за другой двух дочерей. Однако мирное житьё было недолгим. Председатель колхоза Хафиз погиб от рук кулаков, и Гильмениса вновь овдовела. Снова ей пришлось в одиночку поднимать детей. И в старости женщина не знает покоя. Пенсионерка Гильмениса помогает колхозу встать на ноги, работая на свиноферме. Завершается сага о рядовой труженице портретом большой дружной семьи.

В образе простой татарской женщины Гильменисы, как указывает Р. Мустафин, воплощены лучшие черты народного характера – исключительное трудолюбие, скромность, глубокое осознание собственного достоинства, умение любить горячо и страстно, решимость бороться за своё чувство, высокая человечность, уважение к другим людям, готов-

ность к самопожертвованию, лишённая всякого налёта аскетизма или надрыва, естественная, как дыхание¹. Повесть «Гильмениса» – яркий образец «деревенской прозы» в татарской литературе. Секрет успеха повести кроется и в народности языка писателя, способствующем раскрытию образов².

Вопросы и задания

1. Образ женщины в творчестве Ф. Хусни (проверьте себя: можете ли вы, освещая этот материал, выйти за рамки литературной программы).
2. Какие черты татарского национального характера воплотились в образе главной героини повести Ф. Хусни «Гильмениса»?
3. Выявите особенности авторского повествования в этом произведении писателя.
4. Сравните образы Гильменисы из ознакомленной повести Ф. Хусни и Бибинур из повести А. Гилязова «В пятницу, вечером...». Выявите сходства и различия в образах главных героинь произведений. Как в этих повестях отразились общие тенденции развития «деревенской литературы»?

¹ Мустафин Р. Обращение к истокам // Образ времени. Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 140–146.

² Мусин Ф. Тарих һәм заман. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 31 б.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО Ф. ХУСНИ-РАССКАЗЧИКА

Герои новелл и рассказов Ф. Хусни взяты из жизни. Писатель, как правило, избегает длинных вступлений и вводов в действие, следуя советам А. П. Чехова.

«Сабиржан абзый» («Дядя Сабирджан»)¹ — одна из ранних новелл Ф. Хусни. Воспитанный на новеллах Бабеля, молодой писатель стремится не рассказывать о человеке, а показывать его, раскрывая перед читателем отдельные вехи его жизни, обнажая их сущность.

В фокусе внимания автора — рядовой сельский житель, своего рода местная достопримечательность. «Его зовут «Сабирджаном, подгоняющим полозья к саням», а некоторые особенно злые на язык люди зовут «Сабирджаном, щупающим сани». Рассказчик, от лица которого ведётся повествование, стремится всем развитием сюжета подчеркнуть, что житель села пользуется заслуженным уважением односельчан. В характере героя отмечается трудолюбие, ответственность, основательность во всём, преданность делу. Дяде Сабирджану свойственны душевная мягкость, лиризм, незлобивость, преданность семейным ценностям. Этот сельский житель показан в труде, ставшем смыслом его существования.

Тема труда в новелле расцвечена неповторимым юмором автора. Тон новелле задаёт история о родинке. Родинка за правым ухом «величиной с орех» становится знаком избранности героя. Согласно фольклорной традиции, обладатели такой родинки являются на редкость удачливыми. Славу дядю Сабирджану принесла история раздела земли в деревне, когда проигравшие янильцы пытались доказать, что родинка является дьявольской меткой.

Важное место в новелле отводится председателю колхоза по имени Шакир. Руководителю хозяйства свойственно внимательное отношение не только к делу, но и к рядовым труженикам.

История жизни супруги дяди Сабирджана раскрывает героя как семьянина. Сахибджамал под стать супругу жила не ради себя, а с думой об односельчанах. Её безвременная смерть наполнила душу супруга болью и тоской: «Я ведь без неё — словно цветок гречухи, прихваченный заморозками...»² Свою нежность и любовь старик проявляет в заботе о чахлой берёзке на могиле Сахибджамал: «...эта берёзка, будто человек, изглоданный чахоткой. Но дядя Сабирджан вдохнул в неё жизнь. Вскоре она расцвела. И теперь на нашем деревенском кладбище нет берёзки краше её»³.

¹ Дядя Сабирджан // Хусни Ф. Новеллы. — Казань : Татгосиздат, 1947. — С. 5–13.

² Дядя Сабирджан // Хусни Ф. Новеллы. — Казань : Татгосиздат, 1947. — С. 9.

³ Там же.

Героический потенциал в герое раскрывается в истории с колхозным быком по кличке Богатырь. Дядя Сабирджан справился со взбесившейся скотиной. Мастерство писателя проявилось в характеристике героя: старик прославился своим мастерством «гнуть оглобли». Это выражение в ходе развития сюжета приобретает метафорический смысл – «навязывать свою волю». Дядя Сабирджан, радея об общем деле, напоминает председателю колхоза и колхозникам об ответственном отношении к делу: «Дорогие мои, гвоздь – очень маленькая вещь, но и он имеет своё место. А вы целого быка оставили без присмотра.

Я человек старый, я, как гром, прогремлю и потухну, а вы – летний дождь, дорогие мои, вас ждут хлеба, ждут огороды, – кому, как не вам, за хозяйством смотреть!»¹

Так, постепенно, история рядового труженика села превращается в настоящий гимн человеку – рачительному хозяину.

Автору блестяще удалось в произведении преодолеть узкие рамки производственной тематики. Имитация сказовой манеры, яркие живые сценки, диалог – всё это придаёт сюжету новеллы динамизм. Психологизм даёт о себе знать на уровне внутренних монологов, в параллелизме природных образов и внутренних переживаний героя.

В новелле «Дядя Сабирджан» писатель проявил себя настоящим мастером психологической новеллы.

«Кабак» («Тыква») принадлежит к дидактическим рассказам писателя, наполненным стихией неповторимого юмора. В основу произведения легла «необыкновенная дружба» «двух почтенных женщин» – бабушки Маги и бабушки Малихи. Сюжетная коллизия напоминает гоголевскую: ср. с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Как и у Гоголя, ничтожное происшествие – «выдающаяся тыква», выросшая на границе приусадебных участков – послужила причиной ссоры «подружек до гроба».

Поведение героинь вызывает в писателе мягкую усмешку. В рассказе проявляется ироническая манера письма Ф. Хусни: «Как на зло, тыква, оставленная на чужом огороде, казалась бабушке самой большой. Вы, конечно, поймёте, что эта тыква и не могла быть маленькой, потому что она росла в чужом огороде»².

Важную роль приобретают внутренние монологи, которые обнажают внутренние противоречия в душе героини. Многие из произнесённого не реализуется в поступках. Так, Ф. Хусни отстаивает идею незыблемости закадычной дружбы, проверенной годами.

Как и Гоголь, татарский писатель всем ходом развития сюжета подчёркивает, какую важную роль играют окружающие люди в этой истории. Если в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном

¹ Там же.

² Хусни Ф. Тыква // Хусни Ф. Первая молния : повесть и рассказы. – Казань : Таткнигоиздат, 1954. – С. 78.

Никифоровичем» соседи спровоцировали конфликт, обернувшийся судебной тяжбой, то в рассказе Ф. Хусни дочь бабушки Маги по имени Ниса и сын старушки Малихи помогли старым подружкам. Зиннур сорвал «беглянку», а Ниса приготовила бэлиш, «чтобы их матери больше не ссорились из-за неё!»¹. Смех Ф. Хусни творит великое дело: помогает людям справиться с нравственными недугами, которые порой обуревают человеческую душу.

Рассказ «Беренче яшен» («Первая молния») принадлежит к жанру коротких лирических рассказов. «Для них характерны тонкий эмоциональный настрой, чистое лирическое звучание и завершённость форм»². Ф. Хусни синтезирует в произведении лирические, юмористические и психологические элементы. Благодаря таланту писателя рассказ о производственной ситуации – обрыв телефонного провода – превращается в историю первой любви. Тема первой любви даёт в оркестровке половодья чувств Назиры и Рустама и весеннего обновления природы: «И откуда ни возмись – на голубом небе появились стаи белых лёгких туч, быстро соединяясь, побурели и сплошной массой закрыли солнце. Недаром сегодня палило нещадно – к дождю, оказывается. Назира с Рустамом ещё не дошли до берега, как уже закапали крупные бусинки дождя. Несколько капель упали на лоб Назиры, задержались на миг на бровях, повисли на ресницах и поползли по щекам. Первый весенний тёплый дождь. Сквозь волшебную завесу его смотрела на мир Назира, видела Рустама и удивлялась: вот он какой большой, интересный, увлекательный, оказывается, этот мир!»³

Ф. Хусни удалось психологически достоверно передать, как между двумя сердцами пронеслась первой молнией искра первой любви, преобразившая душу Назиры и Рустама и окружающий мир.

Этические проблемы в рассказах и новеллах писателя решаются в психологическом плане. Одна из особенностей таланта Ф. Хусни заключается в его умении показать жизнь через лирическую проекцию. Как верно подметил Р. Сверигин, «реальность и полнокровность героев, естественность окружающей обстановки и событий всегда ставятся писателем на первый план». «Арсенал идейно-художественных средств Ф. Хусни очень богат. Мысли и переживания героев отражаются во внутренних монологах»⁴. Самоанализ и самохарактеристика вытекают из логики развития характеров. В рассказах Ф. Хусни психологические портреты отличаются многоплановостью и мастерством. Герои писателя – люди страстные, поэтичные, люди созидательного труда.

¹ Там же.

² Сверигин Р. Мудрым взглядом: к 70-летию писателя Фатиха Хусни // Сов. Татария. – 1978. – 5 февр.

³ Хусни Ф. Первая молния // Хусни Ф. Первая молния : повесть и рассказы. – Казань : Таткнигоиздат, 1954. – С. 79.

⁴ Сверигин Р. Мудрым взглядом: к 70-летию писателя Фатиха Хусни // Сов. Татария. – 1978. – 5 февр.

В статье «Балалык шатлыгын яклап» («В защиту детской радости») писатель, размышляя о специфике детской литературы, советует писателям: «Балалар язучысы өчен, тулырак әйткәндә, барыбыз өчен дә һичшиксез мәҗбүри булган бары тик ике шарт кына бар. Беренчедән, балалар өчен нинди дә булса әсәр язарга утыру алдыннан барыннан да элек намуслы рәвештә үзеңне тикшер һәм үзең үзеңнән сора: башка кешеләрне һәм бигрәк тә балаларны куандырырга жыена торган әйберләрең белән иң элек үзең куандыңмы? Куана аласыңмы? Икенчедән, һәрвакыт һәм һәрбер нәрсәдә – зур мәсьәләләрдә дә, кечкенәләрендә дә – баланың үзенә хас табигатенә карата дәрәслекле бул, аны берничек тә алдама, баланың самими һәм эчкерсез табигатен берни белән дә көчләмә!»¹ (Подстр. пер.: «Чтобы стать детским писателем, в целом, писатель должен выполнить два условия. Первое, перед тем, как сесть за создание произведения для детей, прежде всего, ты должен честно наедине с собой ответить на вопрос: доволен ли ты материалом, которым ты собираешься радовать детей и других людей? Умеешь ли ты радоваться? Во-вторых, всегда и везде – в больших и малых вопросах – материал должен даваться в соответствии с натурой ребёнка, с учётом детской психологии, ты не должен ни обманывать, ни навязывать неподъёмное сердечной и доверчивой душе ребёнка»).

«Малай, чиләк, әби» («Мальчик, ведро, бабушка»)² яркий образец детского юмористического рассказа в творчестве Ф. Хусни. Произведение невелико по объёму, динамично, не перенасыщено действующими лицами и с этой точки зрения идеально соответствует особенностям восприятия читателя-ребёнка. Чтобы расположить к себе юного читателя, автор доверяет рассказать историю не взрослому, а ребёнку.

Рассказ основан на происшествии из разряда «двадцать два несчастья». Внимание автора приковано к ситуации, которая привела к целой цепочке «происшествий» в жизни обычного деревенского мальчика по имени Салим. Мать попросила мальчика отнести ведро соседке. Он выполнил поручение, но, как оказалось, забыл сказать бабушке Хамдие «спасибо».

Писатель психологически достоверно показывает внутренний мир ребёнка. Ф. Хусни ищет самые повседневные, знакомые читателю мотивировки поведения героев. Художественные средства, применяемые им, способствуют появлению определённого резонанса в сознании читателя. При изображении внутреннего мира человека он стремится запечатлеть чувства во всей их естественности, показать жизнь в её достоверных деталях.

Ф. Хусни психологически достоверно передаёт конфликт «взросло-

¹ Хәсни Ф. Балалык шатлыгын яклап // Хәсни Ф. Уйланулар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1961. – 130–138 б.

² Хусни Ф. Мальчик, ведро, бабушка // Хусни Ф. Мальчик, ведро, бабушка. – М. : Сов. Россия, 1962. – С. 47–53.

го» и «детского» взгляда на вещи.

Толчком к развитию сюжета становится сообщение о том, что ребёнок забыл поблагодарить бабушку за ведро. Стремясь исправить свой промах, герой попадает в целую историю одного «спасибо». Салим вначале недоумевают, за что он должен был поблагодарить соседку, а когда понял, что за ведро, решил вывернуться: старушка отдыхала, поэтому он не стал тревожить. Мальчик искренне недоумевают, почему столь незначительному событию («Он подумал, что пора бы разговор на этом закончить. Некогда ему заниматься такими пустяками. Его больше интересовал ужин: живот свело от голода»¹) мать уделяет время.

Для создания комической ситуации татарский писатель блестяще использует одно из главных противоречий детского характера, присущих самой природе детства: быть и казаться. Салим – герой рассказа «Мальчик, ведро, бабушка» – хочет казаться более взрослым, более умным, сообразительным, по-взрослому обстоятельным.

Салим деятелен, энергичен, изобретателен. В его действиях есть правда, непонятая взрослыми. В таких случаях противоречие возникает тогда, когда на одно и то же явление герои разного возраста смотрят по-разному. Ф. Хусни даёт юному читателю посмотреть на ситуацию со стороны. Отсюда ирония, способствующая переоценке ценностей.

Обдумывание героем той ситуации, в которую он попал, способствует собственному и читательскому воспитанию. Рассказ пронизывает скрытая дидактика автора. Поражает мастерство писателя и в обрисовке фигуры соседки. Скупыми деталями Ф. Хусни указывает на её преклонный возраст: говорение вслух, углублённость в себя, медлительность в действиях. Писатель медленно подводит Салима, а вместе с ним и читателей к мысли о том, что пожилые люди остро нуждаются в помощи близких.

Творцом комического в рассказе выступает ребёнок. Каждое новое происшествие в «истории с ведром» нанизывается как бусинка на сюжет, придавая ему динамизм. Художественные средства, избранные автором, органично связаны с природой детства, детскими способами понимания мира и его словесным выражением. Главными из них является речь Салима. Мальчик в своих рассуждениях пытается придать своей речи весомость, основательность. Комическую функцию выполняют внутренние монологи и реплики. Свой небольшой житейский опыт Салим старается скрыть под рассуждениями на манер взрослых: «Шутка ли: принести почти ведро воды, и не откуда-нибудь, а из дальнего ключа. Это вам, бабушка Хамдия, не фунт изюму, и не каждый мальчишка на это отважится!»²

¹ Хусни Ф. Мальчик, ведро, бабушка // Хусни Ф. Мальчик, ведро, бабушка : рассказы. – М. : Сов. Россия, 1962. – С. 48.

² Хусни Ф. Мальчик, ведро, бабушка // Хусни Ф. Мальчик, ведро, бабушка : рассказы / пер. с татар. – М. : Сов. Россия, 1962. – С. 52.

Ф. Хусни не только понимает ход мыслей и действий ребёнка, но и умеет встать на его позицию, увидеть происходящее его глазами и выразить детским языком. Отношение писателя к своему герою заметно буквально в каждом эпизоде: «Короче, досталось в тот день Салиму. И легко себе представить, как он был зол на весь мир, то есть на злополучное ведро»¹. Ф. Хусни спешит высказать своё отношение к происходящему. Непосредственное обращение к читателю усиливает внутренний пафос, обогащает психологическую палитру произведения.

Вопросы и задания

1. Какое место занимает жанр рассказа в творчестве Ф. Хусни?
2. Назовите и кратко охарактеризуйте литературно-критические работы писателя, в которых он размышляет о специфике жанра рассказа.
3. В чём заключается своеобразие комического в рассказах Ф. Хусни?
4. Назовите художественные средства выражения авторской позиции в рассказах Ф. Хусни.
5. Комическое и серьёзное в рассказах Ф. Хусни (раскройте на конкретных примерах).
6. В чём выражается лирическое начало в рассказах Ф. Хусни?

¹ Там же.

СОЧИНЕНИЕ-РЕЦЕНЗИЯ НА СПЕКТАКЛЬ

Литература стала творческим союзником театра. Используя её возможности, сценическое искусство устанавливает новую, усложняющуюся духовную связь театра и зрительного зала. Интерес татарского театра к прозе продиктован желанием расширить границы соприкосновения с миром. Такой процесс характерен не только для современного татарского театра, но и для всего мирового театрального процесса.

Литературовед Д. Р. Фардеева

Президент России Владимир Путин поставил вопрос о необходимости вернуться к форме сочинения при сдаче выпускных экзаменов по русскому языку и литературе в школах. В результате с 2014 г. сочинение введено как условие допуска к сдаче выпускных экзаменов. Результатом сочинения может быть «зачёт» или «незачёт». Школьное итоговое сочинение в дальнейшем может быть учтено и при приёме абитуриентов в вузы. В этом случае вузы сами оценят сочинение в баллах. Максимум за него можно будет получить 10 баллов, которые затем суммируют с баллами ЕГЭ абитуриента.

Сочинение «предполагает грамотное, логически последовательное, эмоциональное и стилистически правильное изложение своих мыслей на заданную тему, глубокое понимание и оценку литературного произведения в его связи с общественными и культурными событиями в истории народа и современностью, знание необходимых элементов теории литературы, основных литературно-критических работ, а также помогает определить уровень идейно-нравственной зрелости и эстетического развития» учащегося¹.

Практика показывает, что письменные работы по литературе в большинстве случаев отличает отсутствие живой мысли, искреннего чувства, собственного взгляда. В настоящей статье автор стремился раскрыть важнейшие принципы, которыми необходимо руководствоваться учащемуся в процессе самостоятельной подготовки к сочинению-рецензии на спектакль.

Трудности в обучении написания сочинения-рецензии заключаются в толковании самого жанра рецензии. Авторы методического пособия «Литература. 9 класс» (под ред. Т. Ф. Курдюмовой)² считают, что «оценка прочитанного... должна быть обоснованной, подкреплённой ссылками на текст произведения с кратким изложением его содержания». К числу других особенностей рецензии (кстати, в пособии рядом с этим словом стоит и слово «отзыв») методисты относят свободную форму изложения

¹ Озеров Ю. А. Раздумья перед сочинением. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 3.

² Курдюмова Т. Ф., Леонов С. А., Марьина О. Б. Литература. 9 класс : методические рекомендации / под ред. Т. Ф. Курдюмовой. – М. : ДРОФА, 1999.

² Таблица «Особенности жанра рецензии и отзыва» // URL : [http : // steffanovich.blogspot.ru / 2013/01/blog-post.html](http://steffanovich.blogspot.ru/2013/01/blog-post.html) (дата обращения : 12.09.2014).

«мыслей и чувств», эмоциональность, «проявление в отзыве... личности, симпатий и антипатий», то есть подчёркивают эссеистический характер речевого высказывания. Налицо смешение двух разных литературно-критических жанров. Необходимо различать такие жанры сочинений, как рецензия и отзыв.

	Отзыв ²	Рецензия
Особенности жанра	Развёрнутое высказывание эмоционально-оценочного характера о произведении искусства, содержащее мнение и аргументацию пишущего отзыв.	Развёрнутое критическое суждение о произведении искусства, в основе которого – анализ художественного произведения в единстве его содержания и формы.
Цель	Поделиться впечатлением о прочитанном, привлечь внимание к понравившемуся произведению, участвовать в обсуждении.	1. Дать аргументированное истолкование и оценку идейно-художественного своеобразия произведения. 2. То же, что в отзыве.
Особенности подхода	<p>Автор отзыва объясняет свой интерес к произведению личными пристрастиями, а также общественной значимостью поднятых в произведении проблем, их актуальностью.</p> <p>Система аргументации основана на личном читательском опыте, вкусе и предпочтениях.</p> <p>Литературные герои, как правило, рассматриваются как человеческие характеры, типы; даётся оценка с морально-этических, нравственных позиций, взаимоотношений персонажей, их поведения. Вывод отражает жизненную позицию автора сочинения, его личностные качества, отношение к тем или иным сторонам жизни, нашедшим воплощение в литературном произведении.</p>	<p>В рецензии преобладает не эмоционально-субъективная (понравилось – не понравилось), а объективная оценка. Читатель выступает как критик и исследователь. Предметом исследования является произведение как художественный текст, поэтика автора, его позиция и средства её выражения (проблематика, конфликт, сюжетно-композиционное своеобразие, система персонажей, язык и т. д.).</p> <p>Самостоятельность мышления автора рецензии определяется не столько формой высказывания («я думаю...», «по моему мнению...»), сколько индивидуальностью стиля, глубиной суждений, свободой ассоциаций, убедительностью аргументов.</p> <p>Рецензия не претендует на полноту исследования, она должна выявить наиболее яркие и значимые стороны произведения, его особенности. По стилю рецензия может быть публицистична, носить полемический характер, а может тяготеть к жанру эссе, литературоведческой статье.</p>

По- строе- ние	<p>I. Повествование о читательских пристрастиях автора сочинения, истории его знакомства с данным произведением, процессе чтения и т. п. Тезис, в котором кратко формулируется оценка прочитанного.</p> <p>II. Рассуждение, в котором обосновывается, аргументируется высказанная оценка:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) важность затронутой автором темы и поднятых в произведении проблем; 2) обзор (не пересказ!) изображённых автором событий, наиболее важные эпизоды; 3) оценка поведения персонажей, их участия в изображаемых событиях, отношение к персонажам, их судьбам; 4) итог рассуждения (мысли и чувства автора сочинения в связи с прочитанным). <p>III. Обобщение, в котором оценка данного произведения даётся в сопоставлении с другими произведениями того же автора, высказывается намерение продолжить знакомство с его творчеством, содержится обращение к потенциальным читателям и т. п.</p>	<p>I. Обоснование повода для рецензирования (новое, «возвращённое» имя, новое произведение автора, творчество автора – заметное явление литературы, полемика вокруг творчества автора, актуальность проблематики произведения, юбилей автора и т. д.). Максимально точное указание на 1-е издание произведения. Тезис-предположение об историко-культурной ценности исследуемого текста.</p> <p>II. Истолкование и оценка идейно-художественного своеобразия произведения.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Анализ названия (семантика, аллюзии, ассоциации). 2. Способ организации повествования (от лица автора, героя, «рассказ в рассказе» и др.), другие композиционные особенности и их художественная роль. 3. Характеристика проблематики, художественного конфликта и его движения в развитии сюжета. 4. Авторский подбор системы персонажей как средства выражения художественной идеи; мастерство создания характеров. 5. Другие средства выражения авторской позиции (авторская характеристика, лирические отступления, пейзаж и др.) и их оценка. 6. Другие особенности авторского стиля и метода. <p>III. Вывод о художественных достоинствах исследуемого текста и его значимости для литературного процесса, общественной жизни. Приглашение к полемике.</p>
----------------------	---	---

Цель театральной рецензии – рассказ о спектакле. Рецензия должна быть посвящена именно спектаклю, а не пьесе. Для её написания необходимо «прочитать» спектакль, понять режиссёра, его концепцию, которая воплощается через мизансцены, актёров, сценографию, музыкальное сопровождение.

**Задания и рекомендации для написания рецензии
на спектакль «Йөзек кашы» («Перстень»)
по одноимённой повести Ф. Хусни (инсценировка Ильгиза
Зайниева, режиссёр Лилия Ахметова)**

Прочитайте повесть, по которой поставлен спектакль¹. Вы можете делать в блокноте пометки, зарисовать сцену, записать понравившиеся реплики, все свои впечатления, которые возникли во время спектакля.

¹ Видеозапись спектакля размещена для широкого доступа на официальном сайте ТГАТ им. Г. Камала в сети Интернет: www.kamalteatr.ru

Опытные театроведы советуют не торопиться с написанием рецензии, чтобы в течение нескольких дней мысленно возвращаясь к спектаклю, сравнить первые впечатления с послекусием.

В первой части сочинения-рецензии необходимо предоставить краткую информацию о театре, режиссёре и его прошлых постановках. Необходимо упомянуть о произведении, на основе которого подготовлена инсценировка, и его авторе. Необходимо вкратце охарактеризовать писательский замысел Ф. Хусни. Далее следует разбор идейного содержания пьесы.

- Какое общее впечатление от спектакля? Совпали ли ваши предыдущие представления о персонажах повести Ф. Хусни с теми, которые вы получили от игры актёров?

- Продумайте, какую мысль хотел донести до зрителей режиссёр?
- Какая атмосфера была на спектакле?
- Как актёрский ансамбль сумел передать основную тему и идею пьесы?

- Кто из актёров наиболее убедительно, оригинально сыграл свою роль? Если вы видели этого актёра в другом амплуа, то что, на ваш взгляд, ему больше импонирует?

- Что показалось не очень сценичным, тусклым в сыгранных действиях драмы?

- Чего больше – трагического, лирического или комического – вы увидели на сцене?

- Как сценическая обстановка (костюмы, декорации, свет, бутафория), музыка помогают усилить впечатления от спектакля?

- Проанализируйте несколько важных эпизодов, отметьте оригинальные режиссёрские решения и актёрские находки.

Приведите аргументы вне зависимости от того, хвалите вы или ругаете. Очень важно сохранить объективность, даже если постановка в целом вам не понравилась. В любом спектакле можно найти положительные стороны. Акцентируйте внимание на том, что нового было в драматургической трактовке повести Ф. Хусни.

Оценивая игру актёров, называя персонажей, не забудьте в скобках указать фамилии актёров, которые исполняли роли. Не обязательно подробно перечислять всех действующих лиц. Достаточно отметить тех, чья игра действительно вас поразила. Анализируя сценографию спектакля, обратите внимание на цветовые, световые решения сценария. Подумайте над тем, как форма помогала раскрытию содержания. В сочинении-рецензии необходимо уделить несколько слов работе хореографов, костюмеров и гримёров.

Консультация

О драматическом произведении

Перед изучением драмы «Йёзек кашы» («Перстень») вспомним ос-

новые особенности драматических произведений.

Драма как один из родов художественной литературы существенно отличается от эпоса и лирики уже тем, что предназначена прежде всего для исполнения на сцене. Содержание её составляют речи, разговоры действующих лиц в форме диалога (разговора двух или нескольких персонажей) и монолога (речи, рассказа, раскрытия мыслей и чувств от первого лица). Речь действующих лиц сопровождается ремарками – авторскими указаниями об обстановке действия, о внутреннем состоянии и поведении героев, их мимике и жестах.

Чтение не может дать полного представления о жанре драмы, потому что во время исполнения на сцене искусство слова дополняется искусством актёрской игры: мы слышим героев, видим их действия, являемся свидетелями протекающей на наших глазах жизни персонажей драмы.

Сценическая обстановка (декорации, костюмы, свет, бутафория), музыка дополняют, усиливают впечатление от спектакля.

Греческое слово драма (drama) означает «действие». В драматическом произведении движение событий, столкновение и борьба противоположных сил, характеров протекают особенно остро и напряжённо. Сами события могут быть очень просты и обыкновенны (покупка яблок у заезжего торговца, свидание в саду), но каждое слово, каждое действие раскрывают характер персонажа, его побуждения, его общественное лицо, его место в жизни и социальной борьбе.

Основные виды драматических произведений – трагедия, драма (в узком смысле слова, как вид, жанр, а не род художественной литературы) и комедия.

Справочный материал

Татарская проза на сцене татарского театра

Многие спектакли, с успехом идущие на сцене татарских театров, были созданы на материале прозаических произведений. Они занимают весьма и весьма почётное место среди сценических шедевров татарского театра. «Обращение к прозе было вызвано внутренними проблемами актёрского творчества, стремлением целого ряда театральных деятелей отстоять неупрощённый, несхематический подход к изображениям сложного и внутренне противоречивого мира человека, осознанием драматической напряжённости, которая была скрыта в проблемах каждой исторической эпохи»¹.

«Первые спектакли по национальной прозе вошли в репертуар та-

¹ Фардеева Д. Р. Национальная проза на сцене Татарского государственного академического театра имени Г. Камала : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.02, 17.00.01 / Фардеева Динара Радиевна; [Место защиты: Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан]. – Казань, 2010. – С. 179.

тарского театра в 1920-е годы в виде авторских переработок. Данный процесс был связан с возникновением прозаических произведений реалистического направления с их глубоким проникновением в сложную ткань проблем, что и повлияло на развитие сценического искусства. Театр стремился расширить и углубить границы драматического конфликта, создать на сцене образы, соответствующие по своей глубине, яркости, полноте образам лучших классических произведений. Поиски театра привели его к крупнейшим мастерам национальной прозы и драматургии, тогда ещё только начинавшим свой творческий путь»¹.

Одним из первых произведений татарской прозы, увидевшим сцену, стала постановка фантастической комедии Ф. Амирхана «Фатхуллахзрат». Успешной была и постановка пьесы Ш. Камала «В вороньем гнезде». Заметным событием в театральной жизни татарского народа стал спектакль «Агидель» по мотивам одноимённой повести М. Амира.

Инсценировка повести А. Гилязова «Три аршина земли» в 1980 г. на сцене самодеятельного театра в Актаныше претерпела жанровое преобразование в соответствии с задумкой автора и передала трагедию целого поколения людей, искалеченных революционными преобразованиями в стране.

Спектакль «Саубановы» по роману К. Наджми «Весенние ветры» обогатил традицию инсценирования произведений прозы новым опытом. Режиссёрская постановка Ш. Сарымсакова «Счастливого пути» также заняла достойное место на сцене национального театра, вобрав в себя смелость и яркость образов, созданных А. Абсалямовым в романе «Огонь неугасимый». Тема нравственного воспитания человеческой личности, человеческого характера была раскрыта в инсценировке по одноимённой повести Г. Ахунова «Ядро ореха». Серьёзной победой театра стал спектакль «Судьба татарки» по произведению Г. Ибрагимова. Масштабное социальное полотно, рисующее жизнь татарского народа начала XX в., создали инсценировщик и режиссёры в спектакле «Глубокие корни» по одноимённому роману Г. Ибрагимова. Новаторским использованием материала отличалась инсценировка Г. Ахунова «Чайки» по одноимённой

¹ Фардеева Д. Р. Национальная проза на сцене Татарского государственного академического театра имени Г. Камала : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.02, 17.00.01 / Фардеева Динара Радиевна; [Место защиты: Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан]. – Казань, 2010. – С. 179.

повести Ш. Камала¹.

Интерес татарского театра к прозе продиктован желанием расширить границы соприкосновения с миром. Такой процесс характерен не только для современного татарского театра, но и для всего мирового театрального процесса.

Краткая информация о создателях спектакля «Перстень»

Повесть Ф. Хусни «Перстень» (1942) долгое время оставалась вне поля зрения театра. В 2011 г. к произведению обратились молодой режиссёр Лилия Ахметова и драматург Ильгиз Зайниев, художник-постановщик Булат Ибрагимов, композитор Резеда Ахиярова, режиссёр по пластике Наиля Фаткуллина.

Это третий спектакль Лилии Ахметовой, ученицы Фарита Бикчентаева. Первым был дипломный спектакль по автобиографической пьесе Туфана Миннуллина «Чёртов тост» об исканиях татарской интеллигенции в брежневское время. Второй спектакль – «Родные» в Альметьевском татарском драмтеатре, и он обратил на себя внимание, понравился зрителям на фестивале молодых режиссёров «Ремесло».

У Лилии Ахметовой успел уже сформироваться свой, отличный от поэтического символизма Ф. Бикчентаева, почерк. Она «склонна к минимализму, к реализму, к классическому психологизму». «Это скорее скупой полярный, «чёрно-белый» режиссёр, режиссёр действия, а не изобразительной картины. Причём удаются ей, как считает главный редактор газеты «Звезда Поволжья» Р. Ахметов, эпические, широкие, толстовские панорамы»².

Ильгиз Зайниев – драматург современный, талантливый. Свою первую пьесу «Жэйге төннәрдә...» («В летние ночи...») написал ещё в школьные годы. Первая публикация – рассказ «Современная любовь» – состоялась в молодёжном журнале «Идель» в 2004 г. В том же году, окончив среднюю школу, поступил на актёрское отделение Казанского государственного университета культуры и искусств. Параллельно с учёбой Ильгиз Зайниев продолжал заниматься литературным творчеством. Учась на первом курсе института, он стал лауреатом конкурса «Новая татарская пьеса-2004» и обладателем приза от Министерства культуры РТ (музыкальная драма «Ай кызы» («Лунная девушка»)). В октябре 2005 г. в театре «Нур» г. Уфы был сыгран первый спектакль по пьесе И. Зайниева – премьера музыкальной комедии «Туйга ничә көн кала...» («Сколько дней осталось до свадьбы...») (реж. Ф. Бикчентаев). 14 мая 2006 г. на сцене Татарского государственного академического театра им. Г. Камала состоялась премьера лирической комедии «Мәхәббәт турында сөйләшк» («Поговорим о любви»), поставленной по пьесе

¹ Там же. – С. 180.

² Ахметов Р. В «Перстне» // Звезда Поволжья. – 2011. – № 16. – 28 апр. – 05 мая.

И. Зайниева (реж. Р. Фазлыев). В сентябре того же года в Театре юного зрителя им. Г. Кариева ставится музыкальная комедия «Амазонка һәм Айдар» («Амазонка и Айдар») (реж. Р. Аюпов).

В ноябре 2006 г. режиссёр Р. Фазлыев поставил лирическую комедию «Суган чәчәге» («Горький цвет») (лауреат I премии конкурса «Новая татарская пьеса-2006») на сцене Татарского государственного академического театра им. Г. Камала. 24 декабря 2006 г. на сцене Татарского театра юного зрителя им. Г. Кариева состоялось театральное представление «Урман club» (реж. И. Камалиев).

Пьесы молодого драматурга с успехом идут на сценах нескольких театров Татарстана и Башкортостана. Среди них полюбившиеся зрителям спектакли «Люстра», «Дитя», «Горький цвет», «Вор Шакур» и другие. Ильгиз Зайниев – обладатель специальной премии Туфана Миннуллина, присуждаемой в рамках конкурса «Новая татарская пьеса-2007». В 2009 г. за большой вклад в развитие современной татарской драматургии Ильгизу Зайниеву была присуждена Республиканская премия им. М. Джалия¹.

Количество пьес, написанных И. Зайниевым, перевалило за сорок². Знаковой стала постановка шекспировской трагедии «Ричард III» в ноябре 2014 г. в содружестве с опытным художником Сергеем Скомороховым и ведущими актёрами труппы театра им. Г. Камала.

Опорный материал для написания рецензии

- Замысел режиссёра и его сценическое решение.

«Перстень» – пьеса камерная, замкнутая на мир двоих людей, дана история любви, но без внутреннего психологизма, а скорее внешними мазками. В спектакле действие развивается слишком быстро, иногда без внутренней мотивировки поступков главного героя Айдара. Всё рассыпается на эпизоды (любовь с первого взгляда к дочери торговца яблоками, победа на скачках на Сабантуе, работа на шахтах Донбаса, кража невесты, побег с собственной свадьбы, героическая гибель на войне). Причины трагедии сводятся к тому, что главный герой «вспыльчив».

Актёрский дуэт явился увязывающим звеном неровной постановки в некое целое. Создатели спектакля «Перстень» акцентировали внимание не на героическом, а лирическом начале в характере главного героя Айдара Курбанова. «Герой спектакля (Алмаз Сабирзянов) способен вспоминать-проживать лицом к лицу с залом благодатную полноту своей недолгой жизни, фиксировать эпизоды и мгновения, которые разворачиваются на втором и третьем планах сцены»³. «Спектакль так

¹ Эдипләребез : биобиблиографик белешмәлек : 2 томда / төз. : Р. Н. Даутов, Р. Ф. Рахмани. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2009. – 1 т. – 547 б.

² Кадырова А. «Считать себя крутым драматургом, зная, что есть Шекспир, очень глупо» // Вечерняя Казань. – 2013. – 25 окт.

³ Зайнуллина Г. На границе между светом и мраком [в театре им. Камала

построен, что актёр Сабирзянов вынужден не только играть, воссоздавая с партнёрами по спектаклю эти события на сцене. Периодически он выходит из игры, мгновенно перевоплощаясь из героя постановки в автора-рассказчика, автора-комментатора»¹.

Айдар – очень характерный герой, но, как верно подметил Р. Ахметов, чересчур злоупотребляет внешностью (а внешность у него горьковского босяка, лагерного авторитета, вора-карманника). И получился такой герой воровской саги, а не татарский Ромео»². В спектакле не получила развития линия «отчаянного татарина-героя войны».

Гульчечек Гайфетдиновой пришлось развивать линию Васили в череде ярких эпизодов из жизни Айдара Курбанова. Это оказалось нелёгкой задачей. «В первом действии она опирается на наработки прежних ролей (деревенских девиц актрисой сыграно немало) – показывает испульсивную чувственность в оковах строгой морали. А вот во втором – перед актрисой стоит задача посложней: сначала нужно созреть до отчаянной решимости наперекор воле родителей бежать от богатого жениха с голодранцем. Этот эпизод чудо как хорош. «Отвяжись!» – кричит Василя, бьёт кулачком Айдара в грудь, а сама льнёт, обмякает в объятиях»³.

Провальной сценой получилась сцена на свадьбе. Трагическая размолвка привела к разлуке татарских Ромео и Джульетты. В финале Василя появляется в госпитале бледная, осунувшаяся, и мы не услышали из её уст ропота на горькую судьбу. В финале Василя произносит монолог о том, что счастье – это терпение, это воспоминание о беззаботных временах...

- Персонажи второго плана.

Персонажи второго плана – друг детства Гусман (Алмаз Гараев), подлый Техник (Ильтазар Мухаметгалиев), мудрый наставник Рахман (Асхат Хисмат), шулер Красный Ус (Ильдус Габдрахманов), Шаяхмет (Наиль Дунай) – реалистичны и психологически достоверны.

Очень яркой получилась сцена появления на шахте картёжного шулера: «Эlegantный, с бабочкой, он спускается к шахтёрам, получившим зарплату, как демон-искуситель. Пара виртуозных трюков с карточной

прошла премьера спектакля по повести Ф. Хусни «Перстень»; сценарий – И. Зайниев, режиссёр – Лилия Ахметова] // Республика Татарстан. – 2011. – 11 июня (№ 118). – С. 5.

¹ Кадырова А. В «Перстне» нет ни маленьких ролей, на маленьких актёров [в Камаловском театре прошла премьера драмы Фатиха Хусни «Перстень». Сценарий – И. Зайниев, режиссёр – Л. Ахметова] // Вечерняя Казань. – 2011. – 26 апр. (№ 46). – С. 3.

² Ахметов Р. В «Перстне» // Звезда Поволжья. – 2011. – № 16. – 28 апр. – 05 мая.

³ Кадырова А. В «Перстне» нет ни маленьких ролей, на маленьких актёров ... – С. 3.

колодой и – Красный Ус скрывается в груди азартных тел, оставляя ощущение электрического заряда, освежившего сцену»¹.

- Массовые сцены.

Периодически на сцене появлялись народные массы, «заливающие сцену эстрадным половодьем: забавы Сабантуя, шествие татарских скромниц к роднику с коромыслами». Эти сцены выглядели как привычные штампы татарской сцены.

- Сценография.

«Сценография «Перстня» (художник Булат Ибрагимов) условна и изобретательна. Широкие вертикальные жалюзи с изображением осеннего деревенского пейзажа, которые функционируют то как двери, то как окна, а то и просто играют роль атмосферной картинки, висят перед задником сцены. А на ней – прямоугольные деревянные мостики, похожие на схемные трапы – морские лестницы для посадки и высадки людей с судна. Эти мостики не статичны: меняя точку опоры, выполняют функции кровати, скамейки, уличного пригорка...»²

Г. Зайнуллина в своей рецензии трактует чёрный задник за спиной главного героя как «бессловесное «ничто», которое пронизывает происходящую временность. Сценография спектакля заставила рецензента вспомнить цветаевские строки: «Уж сколько их упало в эту бездну, развёрстую вдали...» Декорации, по мнению Г. Зайнуллиной, символизируют хрупкую временность сущего: череда шатких мостков, хлипкие частоколы»³.

Р. Ахметов счёл, что сцена оформлена в литовской сдержанной театральной манере, и это оживило спектакль. «Палитра художника скромная, видимо, это объясняется скромным бюджетом спектакля, но в целом довольно художественно сконцентрированная, в нём чувствуется художественная цельность, нет аляпистости»⁴.

- Музыкальное оформление.

«Великолепна музыка Резеды Ахияровой, которая на сегодня входит в число лучших композиторов России. Муж Лилии Ахметовой Риф Ахметов сделал незаурядные аранжировки. Эта музыка вплелась органично в ткань спектакля и показала, что молодой режиссёр очень тонко

¹ Кадырова А. В «Перстне» нет ни маленьких ролей, на маленьких актёров ... – С. 3.

² Там же.

³ Зайнуллина Г. На границе между светом и мраком [в театре им. Камала прошла премьера спектакля по повести Ф. Хусни «Перстень»; сценарий – И. Зайниев, режиссёр – Лилия Ахметова] // Республика Татарстан. – 2011. – 11 июня (№ 118). – С. 5.

⁴ Ахметов Р. В «Перстне» // Звезда Поволжья. – 2011. – № 16. – 28 апр. – 05 мая.

чувствует музыку, и это является её сильной стороной»¹.

- Хореография.

Сцена скачек на Сабантуе – одна из самых ярких и психологически запоминающихся эпизодов в спектакле. Лилие Ахметовой в тандеме с режиссёром по пластике Наилёй Фаткуллиной удалось изобразить скачки грандиозным массовым мужским танцем в бешеном темпе. У зрителей дух захватывало от этих скачек.

Спектакль заставил думать, переживать, страдать, и его нужно смотреть, у каждого своя любовь, и судьба Васили и Айдара остаётся внутри каждого. Спектакль вошёл в историю ТГАТ им. Г. Камала и заставил говорить о себе.

Опорная лексика и лексические обороты

- Уточните по «Словарю театральных терминов» не известные для вас термины.

Акт, актёр, актёрское искусство, аллегория, аллюзия, ампула, амфитеатр, анализ, анонс, антракт, аншлаг, бельэтаж, билет, действующее лицо, декорации, деталь, диалог, динамика, драма, дисгармония, драматургия, драма, жанры драматургии, завязка, задник, замысел, занавес, зачин, звукорежиссёр, игра, идея, инсценировка, интерпретация, кульминация, композиция, лейтмотив, режиссёр, освещение, софиты, оркестровая яма, спектакль, хореограф.

Творческое задание

1. Разработать макет театральной афиши спектакля; театральной программы.
2. Написать сочинение-рецензию на спектакль ТГАТ им. Г. Камала «Йөзек кашы» («Перстень») (инсц. И. Зайниева, реж. Л. Ахметова).

¹ Ахметов Р. В «Перстне» // Звезда Поволжья. – 2011. – № 16. – 28 апр. – 5 мая.

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
И СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАТАРСТАНА ИМ. Ф. ХУСНИ

1997	Хузин Магсум Хамитович
2000	Шамсутдинов Султан Саяхович (Султан Шамси)
2001	Гиматдинова Набира Минахметовна Фаизов Радик Хабибрахманович
2002	Хуснутдинов Зиннур Зиятдинович (Зиннур Хуснияр)
2003	Газизов Рафаиль Шакурович
2004	Каримов Камиль Адгамович
2005	Зайдуллин Ркаиль Рафаилович (Ркаиль Зайдулла)
2006	Леронов Лемон Леронович (Лябиб Лерон)
2007	Амирханов Марат Амирханович
2008	Гаффаров Габдулахат Габдрахманович (Ахат Гаффар)
2009	Саитбатталов Фанзаман Саитбатталович (Фанзаман Баттал)
2010	Валеев Равиль Валеевич (Равиль Вали)
2011	Сагдиев Радиф Назипович
2012	Харрасова Рифа Фатхрахмановна (Рифа Рахман)
2013	Гильманов Галимьян Хамитьянович

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Изданные книги Ф. Хусни

на татарском языке:

- Усаллар: бүгенге тормыш драмасы : 4 пәрдәдә. – Казан : Татиздат, 1929. – 366 б.
- Җир тыңлый : роман. – 1 нче китап. – Казан : Татиздат, 1931. – 260 б.
- Хикәяләр. – Казан : Татгосиздат, 1934. – 165 б.
- Ана хикәясе һәм башка новеллалар. – Казан : Татгосиздат, 1936. – 82 б.
- Минем күгәрченнәрем : хикәяләр. – Казан : Татгосиздат, 1938. – 80 б.
- Урманда (Кунак кызының мәхәббәте) : комедия 4 пәрдәдә. – Казан : Татгосиздат, 1940. – 66 б.
- Гармончы : повесть. – Казан : Татгосиздат, 1940. – 165 б.
- Урман сукмаклары : хикәяләр. – Казан : Татгосиздат, 1943. – 132 б.
- Йөзек кашы: повесть һәм хикәяләр. – Казан : Татгосиздат, 1945. – 107 б.
- Әниләремә һәм сеңелләремә. – Казан : Татгосиздат, 1947. – 43 б.
- Сайланма әсәрләр : повесть һәм хикәяләр. – Казан : Татгосиздат, 1951. – 220 б.
- Сукмаклар һәм юллар : хикәяләр. – Казан : Татгосиздат, 1953. – 56 б.
- Авыл өстендә йолдызлар : повесть. – Казан : Таткнигоиздат, 1955. – 199 б.
- Йөзек кашы : повесть. – Казан : Таткнигоиздат, 1957. – 67 б.
- Хикәяләр. – Казан : Таткнигоиздат, 1957. – 52 б.
- Җәяүле кеше сукмагы : роман. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1959. – 339 б.
- Йөзек кашы : повесть. – 3 нче басма. – Казан : Татар кит. нәшр., 1960. – 67 б.
- Уйланулар : әдәби осталык мәсьәләләре. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1961. – 222 б.
- Утызынчы ел : роман. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1963. – 395 б.
- Минем тәрәзәләрем : автобиографик повесть. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1965. – 272 б.
- Сайланма әсәрләр : 3 томда. – Казан : Татар. кит. нәшр.
- 1 т. – 1966. – 474 б.
- 2 т. – 1967. – 484 б.
- 3 т. – 1968. – 444 б.
- Гыйльмениса һәм аның күршеләре : повесть һәм хикәяләр. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1971. – 311 б.
- Ни әйтергә? Ничек әйтергә? [Әдәбият һәм әдәби осталык мәсьәләләре]. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 256 б.
- Мәйдан : повестьлар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1977. – 351 б.
- Җәяүле кеше сукмагы : роман. – 3 нче басма. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1978. – 344 б.
- Утызынчы ел : роман. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1980. – 391 б.
- Карурманга керәм. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1985. – 200 б.
- Бер яшьлектә, бер картлыкта [төрле еллар, төрле җырлар] : повестьлар, хикәяләр. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. – 495 б.
- Адәм балалары : хикәяләр һәм повесть / төз., кереш сүз язучы К. Миңле-

баев. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1999. – 288 б.

Сайланма әсәрләр / кереш сүз авт. Ә. Мотыйгуллина. – Казан : Тарих, 2002. – 480 б.

на русском языке:

Новеллы / Ф. Хусни. – Казань : Татгосиздат, 1947. – 34 с.

Первая молния : повесть и рассказы / пер. с татар. – Казань : Таткнигоиздат, 1954. – 96 с.

Любовь под звёздами : повесть / пер. с татар. Н. Богданова. – Казань : Таткнигоиздат, 1956. – 196 с.

Любовь под звёздами : повесть / пер. с татар. Н. Богданова; илл. В. Лазаревской. – М. : Мол. гвардия, 1957. – 240 с.

Тропа пешехода : роман / пер. с татар. Н. Богданова. – М. : Сов. писатель, 1960. – 307 с.

Мальчик, ведро, бабушка : рассказы / пер. с татар. – М. : Сов. Россия, 1962. – 54 с.

Перстень / пер. с татар. Н. Мальшаковой. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1964. – 44 с.

Год тридцатый : роман / пер. с татар. Н. Богданова ; илл. А. А. Мануйлова. – М. : Сов. Россия, 1965. – 367 с.

Тропа пешехода : роман / пер. с татар. Н. Богданова ; илл. Н. Х. Байбурина. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1969. – 279 с.

Под звёздами / пер. с татар. ; илл. А. Борисова. – М. : Известия, 1972. – 688 с.

Любовь под звёздами : повесть / пер. с татар. Н. Богданова; худож. И. Снегур. – М. : Современник, 1978. – 220 с.

Тропа пешехода : роман / пер. с татар. Н. Богданова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1983. – 270 с.

Голубая песня : лирические повести / пер. с татар. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1984. – 320 с.

Повесть о весёлом старике : повести / пер. с татар. Е. Манько; худож. Н. Короткин. – М. : Сов. писатель, 1985. – 304 с.

Художественные произведения Ф. Хусни
в сборниках и периодических изданиях

на татарском языке:

Чыбыркы : хикәя // Совет әдәбияты. – 1956. – № 9. – 51 б.

Еллар һәм юллар : пьеса 4 пәрдәдә // Совет әдәбияты. – 1956. – № 10–11. – 30–44 б.

Шәһәр читендә : хикәя // Совет әдәбияты. – 1957. – 54–57 б.

Бөрлегән : хикәя // Совет әдәбияты. – 1957. – № 12. – 5–10 б.

Көзге этюдлар // Совет әдәбияты. – 1958. – № 11. – 53–57 б.

Энҗеле калфак : хикәя // Совет әдәбияты. – 1959. – № 4. – 27–33 б.

Хат : хикәя // Совет әдәбияты. – 1959. – № 6. – 40–44 б.

Тромбон һәм кыз : хикәя // Совет әдәбияты. – 1959. – № 11. – 80–84 б.

Моң : хикәя // Совет әдәбияты. – 1960. – № 4. – 77–83 б.

- Чуар йөрәк : хикәя // Совет әдәбияты. – 1960. – № 10. – 76–82 б.
 Малай, чиләк, әби : хикәя // Совет әдәбияты. – 1961. – № 2. – 19–22 б.
 Утызынчы ел : роман // Совет әдәбияты. – 1961. – № 7, 8.
 Газзә белән Гарәфи : хикәя // Совет әдәбияты. – 1962. – № 10. – 3–7 б.
 Мин һәм бер кыз : хикәя // Совет әдәбияты. – 1963. – № 2. – 18–26 б.
 Минем тәрәзәләрем : автобиографик повесть // Совет әдәбияты. – 1964. –
 № 1. – 54–99 б.; № 2. – 3–88 б.
 Асылмалы лампа : хикәя // Совет әдәбияты. – 1964. – № 9. – 73–77 б.
 Күңел – берәүнең дә буш түгел : хикәя // Совет әдәбияты. – 1964 – № 10.
 – 90–96 б.
 Ике агроном, бер овчарка : хикәя // Казан утлары. – 1965. – № 8. –
 6–11 б.
 Алтын эзләүчеләр // Казан утлары. – 1974. – № 6. – 10–82 б.
 Мичче Гыйният : хикәя // Казан утлары. – 1975. – № 6. – 46–55 б.
 Икесе дә гаепле : хикәя // Казан утлары. – 1975. – № 12. – 179–181 б.
 Язмыш : повесть // Казан утлары. – 1976. – № 4. – 11–76 б.
 Күп балалы бабай : хикәя // Казан утлары. – 1977. – № 1. – 74–80 б.
 Жуля – кайгылы эт : хикәя // Казан утлары. – 1977. – № 6. – 122–126 б.
 Икәү тамаша тәгәрмәчендә : хикәя // Азат хатын. – 1977. – № 17. –
 14–15 б.
 Пассаж сәгате : хикәя // Соц. Татарстан. – 1979. – 26 гыйнв.
 Орлыклар кая төшә... : этюдлар // Казан утлары. – 1979. – № 5. – 150–160
 б. – № 8. – 151–165 б.
 Берәү бик якын кебек... : хикәя // Казан утлары. – 1980. – № 6. – 114–119 б.
 Кем гаепле? : хикәя // Казан утлары. – 1980. – № 12. – 29–34 б.
 Сагыну хикәясе : лирик хикәя // Соц. Татарстан. – 1981. – 2 авг.
 Мароккадан килгән : хикәя // Чаян. – 1982. – № 3. – 6–7 б.
 Мәшәкәтле озын сәфәр : юл язмалары // Казан утлары. – 1982. – № 5. –
 118–148 б.
 Берәү килә, берәү китә... : кечкенә повесть // Казан утлары. – 1983. –
 № 9. – 62–74 б.
 Куркыныч йорт : хикәя // Казан утлары. – 1988. – № 2. – 125–130 б.
 Йөзек кашы : татар хикәяләре хәзинәсеннән [М. Хужин искәрм. б-н] // Казан
 утлары. – 1997. – № 3. – 124–150 б.
 Чугунов : хикәя // Мәдәни жомга. – 1998. – 13 март (№ 11) . – 10, 17 б.
 Йөзек кашы : повесть // Ватаным Татарстан. – 2002. – 5, 6, 9, 12, 13, 19,
 21 нояб.
 Көмеш туй : хикәя // Идел. – 2006. – № 5. – 41–42 б.
 на русском языке:
 Хужа Насретдин : краткое либретто // Исанбет Н. Хужа Насретдин. –
 Казань, 1936. – С. 3–7.
 Рубенс // Кровь за кровь. – 1939. – Казань : Татгосиздат. – С. 86–90.
 Любовь Хасана / пер. с татар. А. П. Зельдович // За родину. – 1943. –
 № 10–11. – С. 37–42.
 Начало лета : рассказ / пер. И. Заботин // Сов. Татария. – 1953. –
 28 июня.
 Первая молния : рассказ / пер. Г. Валеева // Сов. Татария. – 1953. –

28 июня.

Апрельским утром [отрывок из повести «Звёзды над деревней»] / пер. с татар. Г. Валеева // Сов. Татария. – 1954. – 20 июня.

Любовь под звёздами // Дружба народов. – 1956. – № 1–2.

Биктимировы оладьи : рассказ / пер. с татар. Н. Богданова // Веч. Москва. – 1957. – 25 мая.

На окраине : рассказ / пер. с татар. Н. Богданова; илл. О. Верейского // Огонёк. – 1957. – № 21. – С. 10.

Бочка была опорожнена... [отрывок из романа «Тропа пешехода»] / пер. с татар. Г. Валеева // Чаян. – 1958. – № 3. – С. 4.

Не остались в долгу [отрывок из романа «Тропа пешехода»] / пер. с татар. Г. Валеева // Чаян. – 1958. – № 3. – С. 4.

Белоручка / пер. с татар. З. Халитовой // Литература и жизнь. – 1959. – 9 авг.

Малика : рассказ // Сов. Татария. – 1961. – 28 мая. – С. 3.

Сын председателя : рассказ / илл. П. Черненко // Сельская жизнь. – 1962. – 20 июля.

Мальчишка и солдат : рассказ // Сов. Татария. – 1962. – 1 апр.

Степан : рассказ // Литература и жизнь. – 1962. – 10 янв.

Газза и Гарафи : рассказ / пер. с татар. Р. Такташ // Лит. Россия. – 1963. – 1 мая. (№ 18). – С. 12–13.

Газза и Гарафи : рассказ / пер. с татар. Р. Такташ // Сов. Татария. – 1963. – 5 февр.

Листопад : рассказ / пер. с татар. И. Ахунзянова // Сов. Татария. – 1964 – 22 нояб.

Как я девичью честь оберегла : рассказ / пер. с татар. И. Якименко // Лит. Россия. – 1964. – 21 февр.

Чрезвычайное происшествие : рассказ // Лит. Россия. – 1965. – 10 дек. (№ 50). – С. 10.

Курьер, красавица Зухра и семь всезнаек / пер. с татар. И. Якименко // Рассказы 1964 года. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1965. – С. 47–60.

Чрезвычайное происшествие : рассказ // Рассказы 1965 года. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1966. – С. 3–11.

Сабантуй : рассказ // Сов. Татария. – 1967. – 26 марта.

Приметы весны : рассказ / пер. с татар. Р. Такташ // Лит. Россия. – 1968. – 22 ноября.

Приметы весны : рассказ / пер. с татар. Р. Такташ // Сов. Татария. – 1968. – 4 февр.

Родник : рассказ / пер. с татар. И. Якименко // Сов. Татария. – 1968. – 20 дек.

Родник : рассказ / пер. с татар. И. Якименко // Рассказы 1968 года. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1969. – С. 3–10.

Белоручка : юмористический рассказ / пер. с татар. И. Законова // Сов. Татария. – 1969. – 30 марта.

Спасибо : рассказ / пер. с татар. И. Законова // Сов. Татария. – 1969. – 1 июня.

Тыква : рассказ / пер. с татар. И. Законова / илл. В. Пескова // Лит. Россия. – 1969. – 17 окт. – С. 20.

Вечерняя молитва : рассказ / пер. с татар. Р. Такташ // Сов. Татария. – 1969. – 13 нояб.

Себя потерял : юмористический рассказ / пер. с татар. М. Рафикова // Сов. Татария. – 1970. – 30 авг.

Сам себя потерял: юмористический рассказ // Рассказы 1969 года. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1970. – С. 23–30.

И просто, и удивительно // Лит. Россия. – 1972. – № 52. – 22 дек. – С. 8.

Подкидыш: рассказ / пер. с татар. И. Законова // Рассказы 1971 года. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1972. – С. 31–46.

Родник: рассказ / пер. с татар. //Ворошиловградская правда. – 1972. – 23 мая.

Подкидыш : рассказ / пер. с татар. И. Законова // Сов. Татария. – 1972. – 21 июня

Циклон : рассказ / пер. с татар. А. Иштрякова // Сов. Татария. – 1973. – 9 сент.

Родник : рассказ / пер. с татар. Б. Аитова // Лит. Россия. – 1973. – 12 окт. (№ 41). – С. 8.

Что упало, то пропало : рассказ / пер. с татар. Р. Шагеева // Сов. Татария. – 1974. – 14 июля.

Всегда рядом // Сов. Татария. – 1975. – 24 мая.

Очень правильный Хасаншин : рассказ / пер. с татар. // Чаян. – 1976. – № 21. – С. 6–7.

Короче говоря : рассказ // Чаян. – 1976. – № 10. – С. 6.

Печник : рассказ / пер. с татар. А. Иштирякова // Сов. Татария. – 1976. – 11 июля.

Тихие сумерки : рассказ / пер. с татар. М. Эвентова // Пробуждение : рассказы татарских писателей. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1978. – С. 3–8.

Тихие сумерки : рассказ / пер. с татар. М. Эвентова // Пробуждение : рассказы татарских писателей. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1980. – С. 173–184.

Статьи Ф. Хусни в периодических изданиях

на татарском языке

Яшь язучылар белән әңгәмә // Язучылык хезмәте турында. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1958. – 159–171 б.

Шагыйрь белән очраштым... [Р. Гаташның беренче китабын укыгыч] // Соц. Татарстан. – 1966. – 24 июль.

Урындамы сүзләр, солдатлар // Казан утлары. – 1967. – № 1. – 98–100 б.

Бәйрәм алып кил! [«Татарстан яшьләре» газетасында әдәби сәхифәләргә бер караш] // Соц. Татарстан. – 1974. – 12 нояб.

Еракта, еракта... // Идел. Яшьләрнең әдәби альманахы. – Казан, 1976. – Чыг. 7. – 65–66 б.

Шагыйрьләр, фронт һәм хатлар: З. Нури, Ф. Карим, Ш. Мөдәррис, Ә. Маликов, Ф. Хөсни // Казан утлары. – 1995. – № 5. – 150–155 б.

«Сәлам күрше-күләнгә»: язучы Ф. Хөсни хатлары // Кызыл Таң. – 1997. – 13 июнь.

Ф. Хөснинең М. Юныска хатлары // Заман-Татарстан, 2002. – 1 февр.

Ф. Хөснинең М. Юныска 1975 елда язган хаты // Заман-Татарстан, 2002. – 26 окт.

Мин дә боз ялый башладым. Койрык очты, әйдә, оча бирсен; эзләнү, таба алмау, тагын эзләнү: истәлек-хатирәләр // Идел. – 2008. – № 2. – 56–58 б.

на русском языке:

Раздумья о рассказе // Сов. Татария. – 1975. – 24 авг.

Всегда рядом [М. Шолохову – 70] // Сов. Татария. – 1975. – 24 мая.

Персонаж : Почему я такой длинный // Сов. Татария. – 1968. – 21 июля.

Творить радость? Или четыре заповеди для себя и для моих молодых друзей // Лит. Россия. – 1966. – 22 апр.

Дали, которые не одолеешь пешком... Дни татарской литературы в Москве // Лит. Россия. – 1964. – 2 окт. – С. 2–3.

Окно в мир. Писатель и его личный опыт // Литература и жизнь. – 1962. – 1 авг.

Человеческая диалектика [о творчестве писателя] // Литература и жизнь. – 1962. – 16 февр.

Узнавать, любить, выражать // Сов. Татария. – 1962. – 6 янв.

Глубокое течение или пузырьки на поверхности // Лит. газета. – 1958. – 24 июля.

Как «маленький» человек обрёл крылья: заметки о татарском рассказе // Литература и жизнь. – 1958. – 15 июня.

Многонациональная – значит многокрасочная [из выступления на I учредительном съезде писателей РСФСР] // Литература и жизнь, 1958. – 18 дек.

Литература о Ф. Хөсни

«Жир тыңлый» романы турында: ТАПП секретариатының карары // Атака. – 1931. – № 7 (16). – 41–43 б.

Гали Г. Матур әдәбият фронтында кулак идеологиясе // Атака. – 1931. – № 5–6. – 124 б.

Сәлим Х. Ф. Хәсни. «Новеллалар» // Совет әдәбияты. – 1936. – № 2. – 75–77 б.

Кашшаф Г. Ф. Хәсни комедиясе «Урманда» // Кызыл Таң. – 1938. – 30 дек.

Кашшаф Г. Үсү юлы [Ф. Хәсни новеллалар буенча күрсәткән ижаты турында] // Совет әдәбияты. – 1939. – № 7 (рец. : Ф. Хәсни. «Новеллалар» (1935)).

Камал Ә. Хәсни. «Урман сукмакларында» // Совет әдәбияты. – 1943. – № 4. – 69 б.

Кашшаф Г. Чырайлы житдилек һәм реаль хисләр өчен // Совет әдәбияты. – 1945. – № 8.

Аитов Г. Энеләремә һәм сеңелләремә // Совет әдәбияты. – 1947. – № 10. – 134–135 б. (тәнк. : Хәсни Ф. Энеләремә һәм сеңелләремә. – Казан : Татаргосиздат, 1947).

Фәйзуллин М. Совет хатын-кызының героик образын бозып бирүләргә каршы // Кызыл Таң. – 1947. – 7 июль (тәнк. : «Сагыш», «Хатыннары» исемле Ф. Хәсни хикәяләренә).

Кутуй Г. Хәсни «Гармончы» // Кызыл Таң. – 1949. – 22 окт.

Әмир М. Ф. Хәсни һәм аның хикәясе // Кызыл Татарстан. – 1950. – 10 сент. (рец. : «Медальон» исемле Ф. Хәсни хикәясенә // Совет әдәбияты. – 1950. – № 6).

Гази И. Ф. Хәсни. «Жәй башы һәм башка новеллалар» // Соц. Татарстан. – 1952. – 28 февр.

Ахунжанов И. Ф. Хәсни. «Сайланма әсәрләр» // Совет әдәбияты. – 1953. – 108–115 б.

Гази И. Ф. Хәсни. «Авыл өстендә йолдызлар» // Соц. Татарстан. – 1954. – 8 май.

Тавлин Г. Ф. Хәснинең яңа повесте // Совет әдәбияты. – 1955. – № 7. – 116–118 б. (рец. : Ф. Хәсни. «Авыл өстендә йолдызлар»)

Гыйззәтуллин Н. Характер һәм конфликтлар // Соц. Татарстан. – 1955. – 11 май.

Төхфәтуллин К. Ф. Хәсни. «Жәяүле кеше сукмагы» – Совет әдәбияты. – 1958. – № 1–5. // Совет Татарстаны. – 1958. – 30 авг.

Расих А. Гүзәл телле бер әсәр турында // Соц. Татарстан. – 1959. – 23 июль.

Хатипов Ф. «Жәяүле кеше» романының художество чаралары һәм стиль үзенчәлекләре // Совет әдәбияты. – 1960. – № 9. – 124–130 б.

Нуруллин И. Язучының уйланулары // Нуруллин И. Образлар дөньясында. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1964. – 133–141 б.

Фәттаһ Н. Дәрәсән әйткәндә // Соц. Татарстан. – 1964. – 3 апр. (рец. : Ф. Хәсни. «Минем тәрәзәләрем»).

Мостафин Р. Бертуган Таһировлар // Казан утлары. – 1965. – № 10. – 138–140 б.

Сверигин Р. Ф. Хәснинең «Утызынчы ел» романында образлар сис-

темасы. – Татар теле һәм әдәбияты. – Казан : ИЯЛИ, 1965. – 81–89 б.

Ф. Хөснинең тууына 60 яшь алдыннан // Совет мәктәбе. – 1967. – № 12. – 58 б.

Еники Ә. Безнең Фатих // Казан утлары. – 1968. – № 2. – 49–50 б.

Бәширов Г. Тыңгысыз әдип // Соц. Татарстан. – 1968. – 3 февр.

Хәким С. Прозаикмы, шагыйрьме? // Соц. Татарстан. – 1968. – 3 февр.

Сверигин Р. Аның геройлары // Татарстан яшьләре. – 1968. – 3 февр.

Сверигин Р. Фатих Хөсни : тормыш юлы һәм ижаты. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1968.

Асылгараев Ш. V класста Ф. Хөснинең ижатын өйрәнү // Совет мәктәбе. – 1969. – № 12. – 32–36 б.

Гыйззәтуллин Н. Язучының күңел көзгеләре // Соц. Татарстан. – 1969. – 12 окт.

Хәким С. Прозаикмы, шагыйрьме? // Хәким С. Үз тавышың белән. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1969. – 192–195 б.

Юзиев Н. Ирекле форма бөтенләй ук иреклеме // Юзиев Н. Сәнгатьчә матурлык һәм осталык. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1969. – 135–162 б.

Камалов Б. Язучы художник // Соц. Татарстан. – 1972. – 16 апр.

Мөхдиев М. Тыңгысыз каләм // Соц. Татарстан. – 1972. – 3 февр.

Бәширова Н. Тылсымлы каләм иясе // Татарстан яшьләре. – 1972. – 20 апр.

Рябков Г. Ф. Хөсни. «Мәйдан» // Казан утлары. – 1972. – № 7 // Татарстан яшьләре. – 1972. – 18 февр.

Бәширов Г. Тыңгысыз жан // Бәширов Г. Бүген дә, иртәгә дә. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 171–173 б.

Мусин Ф. Тарих һәм заман. Соңгы еллар татар прозасы турында. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 28–32, 102, 106–197, 169, 171, 172, 175 б.

Урманчеев Ф. Әдәби осталык мәсьәләләре // Казан утлары. – 1975. – № 11. – 172–175 б. (рец. : Хөсни Ф. Ни әйтергә? Ничек әйтергә? : әдәбият һәм әдәби осталык мәсьәләләре. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 256 б.).

Хәким С. Әдәбиятның зур язмышы өчен // Соц. Татарстан. – 1975. – 5 янв. (рец. : Хөсни Ф. Ни әйтергә? Ничек әйтергә? : әдәбият һәм әдәби осталык мәсьәләләре. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1974. – 256 б.).

Миңнуллин Ф. Прозаның гранданлык йөзе [Бүгенге татар прозасы турында] // Миңнуллин Ф. Якты юллар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1975. – 114–116 б.

Сверигин Р. Характер һәм психологик дәрәслек // Татар әдәбияты мәсьәләләре. – 7 жыен. – Казан : ИЯЛИ, 1976. – 31–47 б.

Зөлфәт. Әдипнең тылсымлы көче // Татарстан яшьләре. – 1978. – 3 февр.

Расих А. Ф. Хөснигә 70 яшь // Казан утлары. – 1978. – № 2. – 85–96 б.

Гыйзәтуллин Н. Кешене ярату // Соц. Татарстан. – 1978. – 23 март (рец. : Ф. Хөсни. «Мәйдан»).

Сверигин Р. Фатих Хөсни һәм Әмирхан Еники прозасында сурәтләү чаралары // Татар әдәбияты мәсьәләләре. 8 – жыентык : Казан дәүләт педагогия институты гыйльми язмалары. – Казан, 1978. – Чыг. 181. – 16–29 б.

Хәйри Х. Безнең романнарның кайбер жанр үзенчәлекләре // Хәйри Х.

Язучы һәм тормыш. – 1979. – 141–147 б.

Әхмәдуллин А. Уңай герой [Бүгенге драматургия мәсьәләләре] // Әхмәдуллин А. Сәхнә әдәбияты һәм тормыш. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1980. – 10–15 б.

Еники Ә. Безнең Фатих // Еники Ә. Хәтердәге төеннәр : мәкаләләр, очерклар һәм истәлекләр. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1983. – 21–23 б.

Сверигин Р. Мәхәббәт җырчысы: Ф. Хәсни иҗатына бер күзәтү // Сверигин Р. Яңа герой һәм яңа алымнар : әдәби тәнкыйть мәкаләләре. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1985. – 62–92 б.

Әгъзәмов Ф. Карурманда ниләр бар. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1985. – 200 б. // Соц. Татарстан. – 1985. – 18 апр. (рец. : Хәсни Ф. Карурманга керәм).

Галимуллин Ф. Иҗат биеклеге [Ф. Хәснигә 80 яшь] // Казан утлары. – 1988. – № 2. – 124–125 б.

Зарипов Х. Матур туганда [Ф. Хәсни иҗаты] // Барысы да яшьләргә кала. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. – 57–59 б.

Хужин М. Батырның үз мәйданы // Ялкын. – 1988. – № 2. – 14–15 б.

Зарипов Х. Матур туганда // Барысы да яшьләргә кала. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. – 57–59 б.

Камалов Б. Әдәбиятыбызның йөзек кашы // Соц. Татарстан. – 1988. – 3 февр.

Хафизов С. Гайгалы роман [Ф. Хәсни : «Җир тыңлый» романы турында] // Соц. Татарстан. – 1991. – 2 авг.

Әхмәдуллин А. Ф. Хәснинең «Бертуган Таһировлар» исемле пьесасы // Әхмәдуллин А. Дәрәслеккә ирешү. – Казан : Татар. кит. нәшр., 1993. – 141–143 б.

Әгъләм М. Әдәбиятыбызның йөзек кашы // Шәһри Казан. – 1993. – 19 июнь.

Хәлим А. Кыйбла [Фатих абый Хәсни истәлегенә] : хикәя // Казан утлары. – 1996. – № 8. – 3–25 б.

Хатипов Ф. Мөлкәтебезне барлаганда... [авт. күп бәхәсләр куптарган әсәрләргә – күмәк хужалыклар төзү хакындагы роман, повестьларга туктала. Г. Ибраһимов «Тирән тамырлар», Ф. Хәсни, И. Гази һ. б. әсәрләре тур.] // Мәгариф. – 1997. – № 4. – 14–16 б.; – № 5. – 28–31 б.

Еники Ә. Гөмбәгә бару [хәтер. Хәсән Туфан, Фатих Хәсни тур.] // Казан утлары. – 1997. – № 10. – 156–165 б.

Галиев Н. Язучы исемен – мәктәпкә [ТР Министрлар Кабинетының 1998 ел, 19 февр. Карары б-н Теләче р-ны Олы Мәтәскә урта мәктәбенә Татарстанның халык язучысы Фатих Хәсни исеменә бирелде] // Ватаным Татарстан. – 1998. – 27 февр. – 2 б.

Мусин Ф. Әдәбиятыбыз күгендә үз йолдызы... [Ф. Хәснинең тууына 90 ел] // Ватаным Татарстан. – 1998. – 4 февр.

Гәрәев М. Фатих Хәснинең дөньяга сыймас шаянлыгы беркайчан да үзеннән калмады // Шәһри Казан. – 1998. – 4 февр.

Миңлебаев К. Гүзәл мирас калдырган әдип [Фатих Хәснинең тууына 90 ел] // Казан утлары. – 1998. – № 2. – 173 – 176 б.

Рәсемнәрдә калган еллар [язучы Фатих Хәсни тур.] // Мәгариф. – 1998. – № 3. – 26–27 б.

Миңлебаев К. Гүзәл мирас калдырган әдип [Фатих Хөснинең тууына 90 ел] // Мәгариф. – 1998. – № 3. – 19–22 б.

Татарстан халык язучылары [Фатих Хөсни (1908–1996)] // Сабантуй. – 1998. – 16 дек.

Сәетгәрәев Р. Языгыз хатлар! [язучы Ф. Хөсни тур.] // Мәдәни жомга. – 1999. – 1 гыйн. (№ 1). – 14 б.

Миңлебаев К. Фатих Хөсни ижатында образлык // Мәгариф. – 1999. – № 3. – 17–18 б.

Фатих Хөсни мәктүбе [Ф. Хөснинең һәм Фатих Хөснигә язылган хатлар] // Мәдәни жомга. – 1999. – 9 апр. (№ 15). – 16 б.

Вахитова Ә. Ф. Хөсни әсәрләренең теле // Башкортостан укытыусыһы. – 2000. – № 4. – 58–60 б.

Заһидуллина Д. Ф. Урта мәктәптә татар әдәбиятын укыту методикасы : метод. кулланма. – Казан : Мәгариф, 2000. – 335 б.

Вахитова Ә. Фатих Хөсни ижатында халык жәүһәрләренең кулланылышы // Фән һәм мәктәп = Наука и школа. – 2002. – № 9. – 56–58 б.

Юзи И. Рәсемнәрдә калган еллар : нәни истәлекләр [Әбрар ага Кәримуллин һәм язучы Фатих Хөсни тур.] // Идел. – 2002. – № 10. – 56–57 б.

Шәймәрданова А. Фатих Хөсни – үзе бер дөнья [Теләче р-ны Олы Мәтәскә авылындагы Ф. Хөсни музейе тур.] // Ватаным Татарстан. – 2002. – 2 окт.

Хатипов Ф. «Жәяүле кеше сукмагы»ның кайбер сәнгатьчә сурәтләү чаралары [язучы Ф. Хөснинең шул исемдәге хикәясә тур.] // Хатипов Ф. Мөлкәтебезне барлаганда : ижат портретлары, тәнкыйди-теоретик мәкаләләр. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2003. – 96–116 б.

Дәрзаман Ж. Бер мәжлес тарихы [Татарстанның халык язучысы Фатих Хөсни тур.] // Мәдәни жомга. – 2003. – 7 нояб. (№ 45). – 12 б.

Сафина Л. Ф. Хөсни әсәрләрендә фразеологик трансформацияләр // Тюркологик мәжмүгә. – 2 чыг. – Алабуга, 2004. – 40–41 б.

Вәлиев Н., Салихов Р. Фатих Хөсни // Әдәби Алабуга. – Алабуга : АДПУ нәшр., 2005. – 372–378 б.

Галимуллин Ф. Халыктан һәм халыкныкы [язучы Ф. Хөсни тур.] // Галимуллин Ф. Әзләнү вакыты. – Казан : Мәгариф. – 2005. – 237–245 б.

Фатих Хөсни (1908–1996) // Татар драматурглары : биобиблиографик белешмәлек / төз. : Ф. Ганиева, Ф. Яруллина, А. Саттарова. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2007. – 253–254 б.

Мотыйгуллина Ә. Фатих Хөсни ижатында фразеологик әйтелмәләр // Фән һәм мәктәп = Наука и школа. – 2007. – № 5. – 46–47 б.

Хатипов Ф. Әсәрнең эстетик жегәре // Казан утлары. – 2007. – № 8. – 94–101 б.

Низамова Р. «Йөзек кашы» өчен генә дә мәңгелек бит ул! [Теләче р-ны Олы Мәтәскә авылында урнашкан Ф. Хөсни музейендагы экспонатлар, шул исәптән, язучының хатлары тур.] // Теләче. – 2008. – 28 гыйнв. – 3 февр.

Гыйниятуллина А. Әдәби сүзнең йөзек кашы [Татарстанның халык язучысы Фатих Хөсни тур.] // Мәдәни жомга. – 2008. – 1 февр. – 14 б.

Низамова Р. Безнең жирдән, безнең туфрактан ул... [язучы Ф. Хөснинең тууына 100 ел] // Мәгарифәт. – 2008. – 2 февр.

Газизова А. Онытырга хакыбыз юк! [Фатих Хөснинең тууына 100 ел] //

Сабантуй. – 2008. – 9 февр.

Хәсәнова А. «Йөзек кашы»ның сере [язучы Фатих Хәснинең тууына 100 ел тулу уңаеннан туган ягында үткән чаралар тур.] // Ватаным Татарстан. – 2008. – 13 февр.

Фәйзова Р. Әдәбиятыбызның йөзек кашы [Фатих Хәснинең тууына 100 ел] / Шәһри Казан. – 2008. – 15 февр.

Низамова Р. Матур әсәрләр матурлыкка өнди // Мәгариф. – 2008. – № 2. – 10–11 б.

Низамиева Р. Биктимер әйбәт малай [Ф. Хәснинең «Сөйләнмәгән хикәя» әсәрен өйрәнү] // Татарстан укытучысы. – 2010. – № 5. – 7–8 б.

Хәсәнова А. «Йөзек кашы»на да вакыт җитте [Г. Камал исем. Татар дәүләт академия театры танылган татар классигы Фатих Хәснинең «Йөзек кашы» дигән әсәрен сәхнәгә куйды] // Ватаным Татарстан. – 2011. – 4 май (№ 80). – 4 б.

Фәрхетдинова Ч. «Йөзек кашы» кабат ялтырый [Г. Камал исем. Татар дәүләт академия театры танылган татар классигы Фатих Хәснинең «Йөзек кашы» дигән әсәрен сәхнәгә куйды] // Мәдәни җомга. – 2011. – 20 май (№ 20). – 9 б.

Габәши А. «Йөзек кашы» [Г. Камал исем. Татар дәүләт академия театры «Йөзек кашы» (Ф. Хәснинең) спектаклен куйды] // Сәхнә. – 2011. – № 6. – 14–15 б.

Гайнуллина Г. Р. XX гасырның 60–70 нче елларында татар автобиографик прозасы үсеше. – Казан : Ихлас, 2012. – 104 б.

Әхмәтгалиев Г. Онытылмас очрашу // Казан утлары. – 2014. – № 12. – 169 б.

Лерон Л. «Авыл өстендә йолдызлар» (+документ, фотолар) // Чын мирас. – 2014. – № 12.

на русском языке:

Ахунзянов И. Рец. на «Первую молнию» // Комсомолец Татарии. – 1954. – 27 июня.

Лукашевич В. Взмолнованно и... бесстрашно // Лит. газ. – 1956. – 19 июня (рец. на книгу Ф. Хусни «Любовь под звёздами») // Дружба народов. 1956. № 1–2).

Абдульханов Р. Годы и пути // Сов. Татария. – 1956. – 25 марта.

Гиззатуллин Н. Повесть о наших современниках // Сов. Татария. – 1956. – 26 мая (рец. «Любовь под звёздами» // Дружба народов).

Шалдыбин Н. Интересная повесть // Сов. Татария. – 1957. – 21 февр.

Большой художник // Сов. Татария. – 1958. – 4 февраля.

Мустафин Р. «Маленький» человек обретает крылья // Дружба народов. – 1959. – № 7. – С. 241–242.

Вечер новой книги [о сборнике «Сорок рассказов» Ф. Хусни] // Литература и жизнь, 1960. – 14 дек.

Эвентов М. Судьбы людские [о романе Ф. Хусни «Тропа пешехода»] / М. Эвентов // Литература и жизнь. – 1961. – 19 июля.

Рафиков М. Рец. на роман Ф. Хусни «Год тридцатый» // Сов. Татария. – 1962. – 8 сент.

Ахметова Ф. В. Народно-поэтические традиции в романе Ф. Хусни «Тропа

пешехода» // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. – Казань. – 1965. – С. 109–119.

Гази И. Смелый и самобытный художник [творческий портрет Ф. Хусни] // Сов. Татария. – 1965. – 12 янв.

Илялова И. Возвращение Загита [Братья Тагировы] // Театральная жизнь. – 1965. – № 8. – С. 23.

Сверигин Р. «Тридцатый год» // Сов. Татария. – 1966. – 21 апр.

Бикмухаметов Р. Тропой пешехода [заметка к 60-летию Ф. Хусни] // Литературная Россия. – 1968. – февр. (№ 6). – С. 3.

Винецкий Я. Слово о Ф. Хусни. // Сов. Татария. – 1968. – 3 февр.

Богданов Н. Фатиху Хусни – 60 лет // Лит. газ. – 1968. – 14 февр. (№ 7). – С. 3.

Сверигин Р. Х. Фатих Хусни – мастер прозы // Вопросы татарского языка и литературы АН СССР, Ин-т яз. лит-ры и истории им Г. Ибрагимова. – Казань, 1969. – С. 72–76.

Фаяз К. С любовью к людям // Сов. Татария. – 1972. – 22 апр.

Сверигин Р. Мудрым взглядом [к 70-летию писателя Фатиха Хусни] // Сов. Татария. – 1978. – 5 февр.

Ахун-Заде Ильдус. Семьдесят годовых колец // Комсомолец Татарии. – 1978. – 3 февр.

Скарлыгина Е. Рец. на книгу Ф. Хусни «Любовь под звёздами» [М. : Современник, 1979] // Литературное обозрение. – 1979. – № 11. – С. 74–75.

Кунина А. Ф. Хусни // Сов. лит-ра. – М. : Книга, 1979. – Вып. 4. – С. 161–162.

Мустафин Р. Живые традиции // Образ времени. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 211–228.

Мустафин Р. Ф. Хусни // Образ времени. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 221–224.

Мустафин Р. Обращение к истокам // Образ времени. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1981. – С. 140–146.

Нигматуллин Э. Г. Творческая позиция писателя в свете литературных контактов [на примере творчества Фатиха Хусни] // Романтизм и реализм в литературных взаимодействиях. – Казань : Изд-во КГУ. – 1982. – С. 58–71.

Мухамедьяров Р. Что найдено – что потеряно // Лит. обозрение. – 1985. – № 7. – С. 54–55 (рец. на книгу Ф. Хусни «Голубая песня». – Казань : Татар. кн. изд-во, 1984. – 320 с.).

Нуруллин И. Талант не знает старости [к 80-летию со дня рождения Ф. Хусни] // Сов. Татария. – 1988. – 3 февр.

Сафина Л. Символичность компонентов и индивидуальные преобразования во фразеологических единицах [на основе романов Ф. Хусни «Утызынчы ел» («Тридцатый год») и «Жәяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода»), повести «Йөзек кашы» («Перстень»)] // Фән һәм мәктәп = Наука и школа. – 2004. – № 10. – С. 57–59.

Ахунов А. 95 лет назад, 3 февраля 1908 г. родился прозаик и драматург Фатих Хусни // Татарстан. – 2003. – № 2. – С. 66–67.

Сафина Л. Р. Вопросы перевода с английского языка на татарский язык.

Фразеология (на материале прозы Фатиха Хусни «Жәяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода»), «Утызынчы ел» («Тридцатый год»), «Йөзек кашы» («Перстень»)) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Труды и материалы. – Казань : Изд-во КГУ, 2004. – С. 84–86.

Сафина Л. Р. Организация индивидуально-художественной речи и стиль прозы Фатиха Хусни. Пословицы. (на основе романов Фатиха Хусни «Утызынчы ел» («Тридцатый год») и «Жәяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода»), повести «Йөзек кашы» («Перстень»)) // Человек и Вселенная. – 2004. – № 8 (43). – С. 150–154.

Сафина Л. Антонимы фразеологизмов в произведениях Фатиха Хусни [романы «Жәяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода»), «Утызынчы ел» («Тридцатый год»), повесть «Йөзек кашы» («Перстень»)] // Фәнни язмалар. – 2004. – Казань : Школа, 2005. – С. 248–256.

Сафина Л. Р. Развитие татарской фразеологии // Вузовская наука России [Межвузовская научная конференция, посвящённая 25-летию КамПИ]. – Наб. Челны, 2005. – С. 140–143.

Сафина Л. Р. Функционально-стилистическая принадлежность фразеологических единиц в произведениях Фатиха Хусни. Сравнение // Человек и Вселенная. – 2005. – № 2 (45). – С. 104–109.

Нотфуллина З. Т. Роль «деревенской прозы» в обновленческом движении в татарской литературе 60–90-х годов XX века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань : ИЯЛИ, 2006. – 26 с.

Кадырова А. В «Перстне» нет ни маленьких ролей, ни маленьких актёров [в Камаловском театре прошла премьера драмы Фатиха Хусни «Перстень». Сценарий – И. Зайниев, режиссёр – Л. Ахметова] // Вечерняя Казань. – 2011. – 26 апр. (№ 46). – С. 3.

Ахметов Р. В «Перстне» // Звезда Поволжья. – № 16 (28.04–05.05.2011). – С. 4.

Зайнуллина Г. На границе между светом и мраком [в театре им. Камала прошла премьера спектакля по повести Ф. Хусни «Перстень»; сценарий – И. Зайниев, режиссёр – Лилия Ахметова] // Республика Татарстан. – 2011. – 11 июня (№ 118). – С. 5.

Сайфуллина Ф. С., Замалиева Л. Ф. Народный свадебный обряд как литературный первоисточник в татарской прозе // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 3. – С. 146–149.

Перстень. Повесть. (Перевод Н. Мальшаковой)	
Гильмениса. Повесть. (Авторизованный перевод И. Варламовой)	
Дядя Сабирджан. Рассказ. (Перевод Я. Винецкого)	
Тыква. Рассказ. (Перевод М. Никитина)	
Первая молния. Рассказ. (Перевод Г. Валиева)	
Мальчик, ведро, бабушка. Рассказ. (Перевод И. Рахманова)	
«На месте ли слова-солдаты?» (Отрывок)	
«...Я буду всегда радостным...»	
Специфика автобиографического мифа в повести Ф. Хусни «Минем тәрәзэләрәм» («Мои окна»)	
Слово Ф. Хусни о герое и героизме: на материале повести «Йөзек кашы» («Перстень»)	
Образ труженицы в повести Ф. Хусни «Гильмениса»	
Художественное мастерство Ф. Хусни-рассказчика	
Сочинение-рецензия на спектакль	
Приложение. Лауреаты литературной премии Министерства культуры Республики Татарстан и Союза писателей Татарстана им. Ф. Хусни	
Использованная литература	

Учебное издание

Книга для внеклассного чтения

Хусни Фатих
(Хуснутдинов Фатих Хуснутдинович)

ПЕРСТЕНЬ

Казань. Татарское книжное издательство. 2014

Редактор А. Р. Шайдуллина

Художник обложки и художественный редактор М. Д. Вазиева

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка М. И. Данилевской

Корректор Э. Р. Хуснутдинова, Г. Х. Сундукова

Оригинал-макет подписан в печать 29.12.2014. Формат 70×84 1/16.

Усл. печ. л. 15,26. Тираж 2000 экз. Заказ

ГУП «Татарское книжное издательство». 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

<http://tatkniga.ru>;

e-mail: info@tatkniga.ru

Наши книги можно приобрести по следующим адресам:

Казань, ул. Декабристов, 2.

Отдел маркетинга Татарского книжного издательства.

Тел.: (843)519-45-35.

Казань, ул. Баумана, 29/11.
Фирменный магазин Татарского книжного издательства.
Тел.: (843)292-03-18.

Казань, ул. Декабристов, 2.
Магазин-выставка Татарского книжного издательства.
Тел.: (843)519-45-13.

Филиал ОАО «Татмедиа»
полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

5
37
114
119
125
129
134
137

161

173
184
193
199

210
211

Фатих Хусни

Фатих Хусни. 1929

Ф. Хусни. После возвращения из армии, 1935

Ф. Хусни. После возвращения из армии, 1935

Ф. Хусни в редакции газеты

Ф. Хусни в своём кабинете

Последний портрет
Ф. Хусни

Книги Ф. Хусни

Афиша спектакля ТГАТ им. Г. Камала «Йөзек кашы» («Перстень»)
Сцены из спектакля «Бертуган Таһировлар» («Братья Тагировы»)

в постановке ТГАТ им. Г. Камала (1965) (режиссёр Ш. Сарымсаков).
 Акlima – В. Минкина, народная артистка ТАССР, РСФСР;
 Загит – Ш. Биктимеров, народный артист ТАССР, СССР; лауреат
 Государственных премий РСФСР им. К. С. Станиславского, ТАССР
 им. Г. Тукая
 Камария – Г. Булатова, народная артистка ТАССР, РСФСР; Загит – Ш.

Биктимеров
 Камария – Г. Булатова, ? – Назиб Гайнуллин, народный артист ТАССР,

заслуженный артист РСФСР
Камария – Г. Булатова, Загит – Ш. Биктимеров, Закир – Х. Уразиков, на-

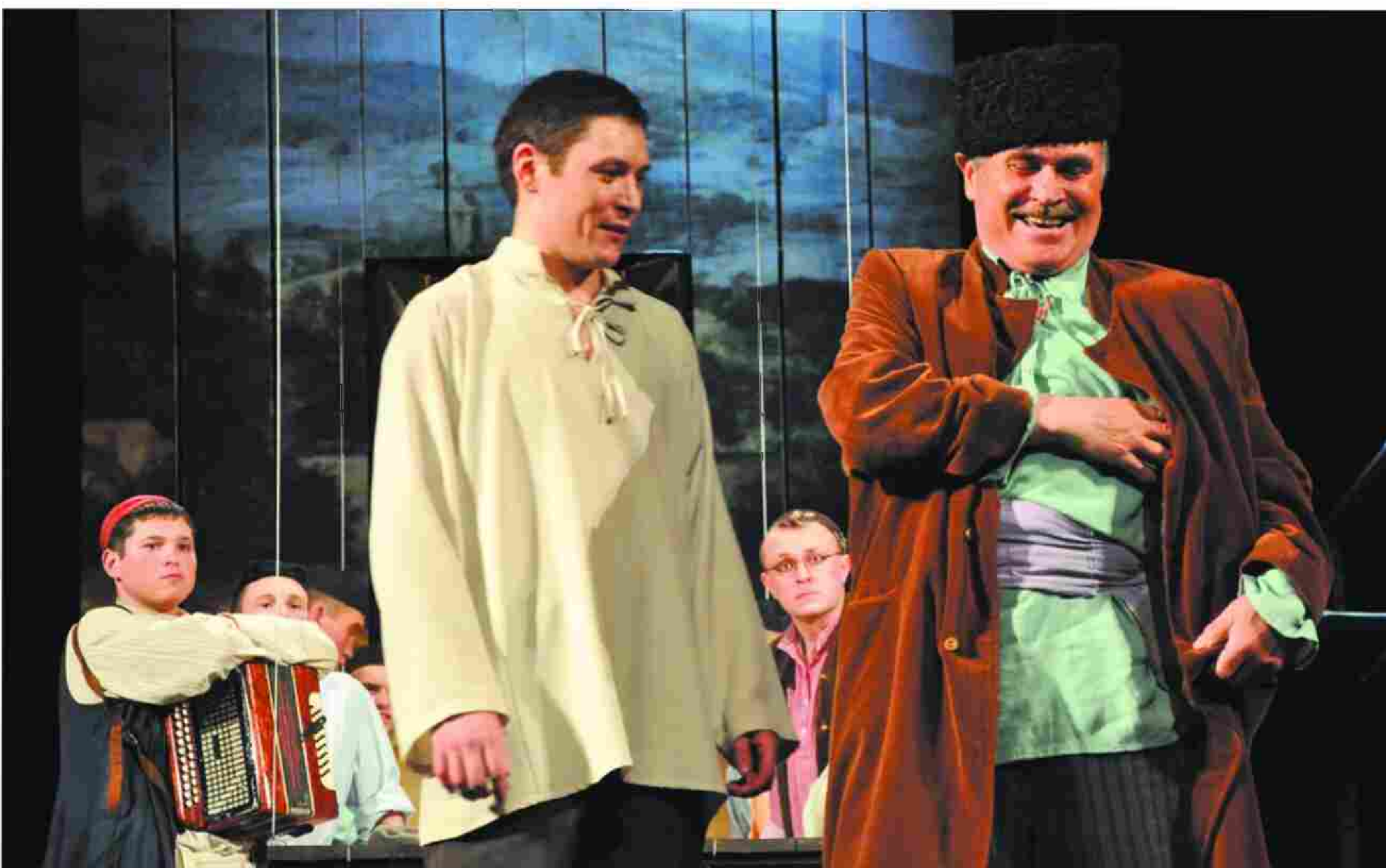
родный артист ТАССР, заслуженный артист РСФСР
Сцены из спектакля «Йөзек кашы» («Перстень») в постановке ТГАТ им. Г.

Камала (2011) (инсц. И. Зайниева, режиссёр Л. Ахметова) Василя – Г. Гайфетдинова, Айдар – А. Сабирзянов
Василя – Г. Гайфетдинова, Айдар – А. Сабирзянов

Шаяхмет – Н.Дунаев, народный артист ТАССР, заслуженный артист РФ,

лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая
Исмагил – И.Ахметзянов, народный артист РТ, лауреат Государственной

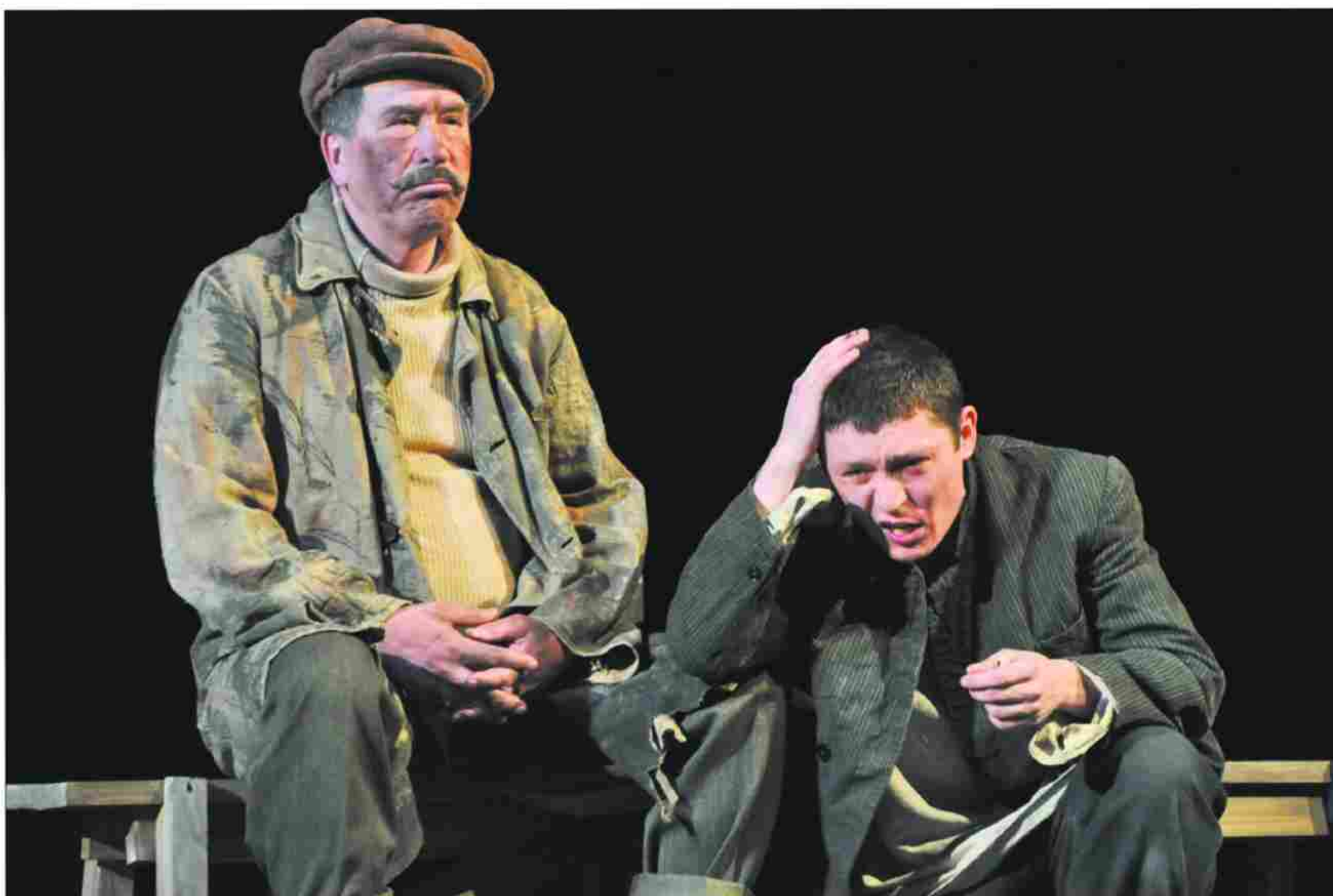
премии РТ им. Г. Тукая, Айдар – А. Сабирзянов
Айдар – А. Сабирзянов, тётя Ниса – Ф. Акберова – заслуженная артистка

РТ
Рахман – А. Хисмат, народный артист РТ, техник – И. Мухаметгалиев, Айдар

– А. Сабирзянов
Рахман – А. Хисмат, Айдар – А. Сабирзянов

Айдар – А. Сабирзянов, Гусман – А. Гараев

Гусман – А. Гараев, Айдар – А. Сабирзянов

Василя – Г. Гайфетдинова, Айдар – А. Сабирзянов

Айдар – А. Сабирзянов

